

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№ 1 / 95 / 2023

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ
БУРЯТИЯ



Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал
№1 /95/ январь-февраль 2023

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)
Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Зам. главного редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)
Зам. главного редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)
Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)
Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)
Редактор отдела публицистики: Наталия Каретникова (Москва)
Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)
Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко (Магадан)
Редактор отдела культуры: Татьяна Лапахтина (Таксимо, Бурятия)
Дизайнер-оформитель, веб-администратор: Дмитрий Игнатов (Воронеж)

Литературный экспертный совет

Байборodin Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, главный редактор журнала СП «Сибирь» /Иркутск/.

Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.

Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.

Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.

Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.

Орлов Максим Томасович, поэт, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.

Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.

Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.

Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.

Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.

Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргмак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.
- Издательство «Союз писателей» /г. Новокузнецк/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: из архива редакции.

Подписано в печать 22.02.2023.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2023

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>
E-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание**Критика**

Нина Ищенко. Тайная история Тартарии: магическая реальность порубежья.....	3
Владимир Спектор. А детство пионерское было.....	6

Публицистика

Анастасия Соколова. Поющая в огне /к 130-летию со дня рождения Марины Цветаевой (продолжение).....	9
--	---

Поэты конца советской эпохи

Мера Валерия Мутина.....	14
Александр Лисин.....	16

Привал на поэтической тропе

Дондок Улзытуев. Перевод с бурятского языка Любови Дубковой.....	18
Свет поэта Владимира Соловьёва.....	20
Поэтический снег итогового выпуска СМОГ-2022 – №6/94/.....	21

Проза

Анжелла Седых. Криволукская водица. Рассказ.....	24
Наталья Ячеистова. В окрестностях Гуйлиня. Рассказ.....	25
Дарья Фомина. Сяду, поеду... Рассказ.....	28
Ирина Соляная. Манчини, или Счастье за пять копеек. Сказка.....	30
Андрей Новиков. Рассказы.....	33
Андрей Пучков. Фотоохота. Рассказ.....	36
Сергей Кириллов. Лизка. Рассказ.....	39
Владимир Софиенко. Бабочки в оконной раме. Рассказ.....	41
Сергей Дорохин. Грани вероятности. Новелла.....	45
Александр Ралот. Тень (рассказ-загадка).....	48
Евгений Хвальков. Проводник. Рассказ-фэнтези.....	50

Проза Севера

Вера Эвери. Рассказы о тундре.....	53
Вячеслав Кондин. Кулем мунсы. Сказка.....	54
Вячеслав Несмеянов. Экзамен. Рассказ.....	56
Райнгольд Шульц. Заимка на речке Лемью. Эссе.....	58

Поэзия

Никита Брагин. «И было просто и просторно...».....	59
Александр Балтин. «Как, мама, за тебя молиться...».....	60
Иван Нечипорук. «Превращая стихи в согласованный шум...».....	61
Александр Шерстюк. Продолжение из цикла «Когда танцы – стансы» (2022).....	62
Татьяна Собошанская. «Никому не уйти от времени...».....	64
Алексей Зверев. «Ржавых крыш кружева...».....	65
Алёна Иванова. Венок сказаний Южного Урала.....	66
Анатолий Арестов. Стихи о разном-б.....	68
Руди Гомес Ривас. «Неуловимые следы дыма...».....	69

В гостях у Журнала

Белгородское молодёжное литературное объединение «Младость».....	70
Людмила Брагина. Стихи.....	70
Галина Стручалина. Стихи.....	72
Галина Цыбань. Стихи.....	73
Илья Чесноков. Полспички. Рассказ.....	74
Олег Роменко. Лакмусовая бумажка. Рассказ.....	78

Сатира и юмор

Илья Криштул. Сказки.....	80
Валерий Румянцев. Литературный экспресс.....	81

Рыбохотобзор

Сергей Малашко. Один день десятой вечности.....	84
---	----

Творческий совет журнала.....	88
-------------------------------	----

КРИТИКА

... всякий читатель – критик, и всякий критик – читатель.
поэт Саша Чёрный (1880–1932)



Нина ИЩЕНКО

г. Луганск, ЛНР – Россия

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР с 2018 года.

Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Философского монтепенского общества Луганска. Автор книг «Докусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель шести сборников Философского монтепенского общества Луганска. Редактор сборников стихотворений Е. Заславской «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020), «Опыты пристального чтения» (2020), «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020), «Настя, приезжай!» (2022) и «Эти русские» (2022).

Тайная история Тартарии: магическая реальность порубежья

Во все времена пограничная земля, где сталкиваются разные культуры и цивилизации, несёт опасность, – её история кровава, запутана и неоднозначна. На западном рубеже русского мира и сейчас, как столетия тому назад, идёт война, реальная и информационная, сталкиваются разные культуры, человек вовлечён в борьбу политических сил и вынужден выживать в центре конфликта религий, культур и цивилизаций. Сложная реальность порубежья всегда привлекала внимание писателей. Одна из современных книг, полностью посвящённых мистической истории западной границы России, – это сборник «Паны, холопы и Другие. Тайная история Тартарии» (2021).

Тартарией на старых европейских картах называли Россию. Это название ассоциируется с Тартаром – древнегреческим царством мёртвых. В европейских культурах Россия выступает как мир магии, волшебства, неструктурированного хаоса, разрушающего любой порядок. Авторы сборника обыгрывают этот образ, показывая мистическую и магическую сторону известных и неизвестных исторических событий.

Сборник включает десять повестей и рассказов в жанре фэнтези авторства современных российских и донбасских писателей: Владимира Свержина, Вука Задунайского, Людмилы и Александра Белашей, Натальи Резановой, Татьяны Андрущенко и Владислава Русанова. Действие произведений разворачивается на территории современной Белоруссии, Украины и Западной России. Книга представляет собой важный вклад в создание русского видения культурно-исторических процессов на этих территориях, принадлежащих западному пограничью русского мира.

Все рассказы сборника объединены тремя основными темами: войны, магии и памяти. Тема отражения военного нашествия, межкультурной коммуникации с агрессивным соседом, конфликта культур – центральная в сборнике. Она раскрывается не только на историческом, но и на современном материале. Вторым лейтмотивом выступает тема языческой магии, неукротимых сил природного и потустороннего мира, существующих по ту сторону добра и зла, вне рамок христианской морали. Третья важная составляющая сборника – это память народа, культуры, рода, земли. Тема памяти позволяет авторам интегрировать разновременные сюжеты в единую структуру. Все три составляющие взаимодействуют между собой, могут трансформироваться в разных рассказах одновременно и создавать неповторимое настроение сборника.

Военная тематика доминирует в сборнике. Ей посвящено семь произведений из десяти. В этих рассказах и повестях охвачены несколько столетий русской истории на западной границе России. Особо выделены Ливонская война, битва с поляками и татарами на Украине в XVII веке, Польское восстание 1830 года, Первая мировая и Великая Отечественная.

Во времена Ливонской войны происходит действие рассказа Вука Задунайского «Память воды», написанного в жанре мистической прозы, где христианское и языческое мировидение прямо противопоставляются: добрый христианский Бог всех прощает, а Вода, несущая древнюю магию, помнит всё и воздаёт полной мерой за любое зло. В рассказе изображается небольшая деревенька, лежащая в глухих лесах Западной Руси. Во время Ливонской войны деревня была сожжена поляками под предводительством Филона Кмиты. Это историческое лицо – реально существовавший полководец, воевавший на стороне Литвы против России. Сохранилось около тридцати служебных донесений Кмиты польским государственным деятелям о военно-политическом положении на восточном рубеже Великого княжества Литовского с Русским государством. Около трёх десятилетий

Кмита провёл в походах против русских, совершая рейды в глубь государства и разбивая противостоящие Польше русские армии, за что был пожалован землей под Киевом. Магическая память Воды и сила Огня связывают шляхтича из Киевского воеводства старой Польши с Украиной XX века и её современной культурной политикой, построенной на героизации подобных персонажей.

Войны XVII века на западном рубеже русского мира изображаются в рассказе Владимира Сержина «Белый Хорт» и в повести Вука Задунайского «Страна крепостей». Во времена, описанные в этих произведениях, современная Украина и Белоруссия были русской окраиной России и Польши – территорией столкновения двух враждебных культур.

В рассказе «Белый Хорт» изображён замкнутый мир волшебной сказки. Автор умело использует фольклорные мотивы, вводя в повествование несколько временных пластов: скифские предания о царях-сыновьях Геракла, русские былины о богатыре-оборотне Вольге Всеславиче и украинские бивальщины о казаках-характерниках. Одним из таких казаков оказывается атаман Сирко. Волшебный помощник так описывает атаману ситуацию: «Сам знаешь, с одной стороны на землю нашу басурманы валом прут, с другой иезуитское семя крадётся. Да и белый царь, хоть за твоей спиной, как за каменной стеной, а подмоги от него когда густо, а когда и пусто. Своя рубаха ближе к телу, и выгоду свою он блюдет свято. Но такое может случиться, что его выгода – твоя невзгода. Потому запомни – с царём или без царя, а землю Русскую ты сам защитишь». Персонаж проходит несколько арок трансформации: от инициации и получения волшебного меча по имени Белый Хорт до битвы со Змеем. Путь героя завершается его символической смертью – лишением волшебной силы. Это один из немногих рассказов сборника, сюжетно не связанных с современностью. История полностью завершена в эпоху войн и злосчастий до того, как Западная Русь оказалась под рукой Белого царя.

Этому же временному периоду посвящена повесть Вука Задунайского «Страна крепостей». Действие повести происходит в Белоруссии, ранее носившей название Страны крепостей. В белорусском городе Старом Быхове с разницей в несколько столетий разворачивается типологически единый сюжет: убийство иезуитами русского казацкого атамана Золотаренка. Иван Золотаренко, наказной гетман Войска Запорожского в 1654–1655 гг., – историческое лицо, фигура пререкаемая. Поляки, разгромленные им в ходе восстания, рисуют его самыми чёрными красками. Для русских с освобожденных территорий Иван Золотаренко – герой. Противоположность чёрной легенде о гетмане Золотаренко занимает значительное место в произведении. Параллельная сюжетная линия разворачивается в наши дни, в европеизирующейся Белоруссии, уже после украинского Майдана 2014 года. Герои этой линии – современные, продвинутые молодые люди, охотно обсуждающие острые темы, включающие исторические события, формирующие культурную память русских, украинцев и белорусов. Два временных слоя связывает магия рода, и с помощью неё героям в наши дни удаётся сломать сюжет и выиграть очередное небольшое сражение на границе миров. Основные темы сборника: война, магия и память – полностью раскрыты в этой повести.

В сборник включены два рассказа Людмилы и Александра Белашей, с действием, происходящим на польской культурной границе. В «Грани» изображается Польское восстание 1830 года. В «Панской часовне» охвачено две войны – Первая мировая и Великая Отечественная, а завершение и развязка действия происходят в наши дни. В обоих рассказах показано, как поляки уничтожают русских и тех, кто перешёл на их сторону. Способ действия за столетия не поменялся, и, когда человек не может ничего ждать от людей, за него вступают потусторонние силы: языческий бог Цмок в рассказе «Грань» и сила Рода в «Панской часовне». Это силы, существующие вне человеческих норм, однако одна ценность у них общая с людьми – принадлежность роду и память земли.

В рассказе «Панская часовня» очень ярко показана сущность культурного пограничья, восприятие Русской земли извне, из Европы: «Всякий раз во время вылазок в славянскую Европу он казался себе путешественником на машине времени. Девятнадцатый имперский век здесь смешался с интернетом и мобильной связью, последние моды и гаджеты – с платьями времён Первой мировой и колодезными журавлями, а глобализм завяз, как паровоз, уткнувшийся в лесной завал. Промежуточная зона – сумрачный переход между эпохами. Повернёшь – и неизвестно, где окажешься... Внешность славян обманчива, под ней – сущность леших, эльфов, хозяев и порождений природы, лишь для приработка вышедших к дороге из болот, чтобы потом сбросить личину-оболочку и вернуться в топь...

Что им Чернобыль? Случайная вспышка среди бесконечных дремучих веков, лесов и трясин. Они ведут себя так, словно впереди – вечность.

“Будто грибы. Радиация, пожар, потоп, война, мороз – пока цела в земле грибница, они будут подниматься вновь и вновь, неистребимые, чтобы встать кольцом круговой обороны. Значит, кто-нибудь должен прийти и собрать урожай. Не так ли?”».

Этот славянский хаос, растворяющий любой порядок, мгновенно структурируется и обретает непреодолимую твёрдость, как только заходит речь о роде и земле: «Рассказывают, что русские отступают лишь до могил своих предков, как до последнего предела. Дальше – небытие и то, что в нём». В богатой русской культуре есть разные пределы и константы бытия, но в рамках художественного мира сборника сила и память рода – одна из базовых ценностей, выстраивающих мир.

Память земли как непреодолимая сила природы показана в двух произведениях, посвящённых Великой Отечественной войне: в рассказе «Индус» Татьяны Андрущенко и в повести «Аскольдова могила» Владислава Русанова.

Индус – это принятое в северной России сокращение «индивидуальный собственник», человек, не вступивший в колхоз, а ведущий хозяйство сам на своей земле. Татьяна Андрущенко написала рассказ о крестьянине, сохранившем в советское время связь с магическими силами леса и сумевшем повторить подвиг Сусанина, обратившись к дочеловеческим сущностям. В этом коротком рассказе война, магия и память объединились в лаконичную, малофигурную композицию, где функции персонажей чётко определены: немцы-захватчики, дед Андрей – защитник, способный вызвать к действию безразличные ко всему силы леса, и девочка Аня – свидетель, передающий новым временам память о чуде.

Самым идейно нагруженным произведением сборника является повесть «Аскольдова могила». Здесь полнее всего раскрыты основные темы книги, причём создано художественное единство текста, где явно проговорены объединяющие идеи сборника. В центре повествования – магическое противостояние колдовских сил Третьего Рейха и России в Киеве в 1941 году. По сюжету, в захваченном Киеве немцы практикуют ритуальные убийства в Бабьем Яру и готовятся провести на Аскольдовой могиле магический обряд, дающий возможность вампирам Рейха захватить власть во всём мире. Помешать им может только ослабленная и почти разбитая магическая община Киева. В ходе рассказа она делает невозможное: будит древние силы земли и леса, стоящие над схваткой.

За этим универсальным «голливудским» сюжетом скрывается местная специфика русского пограничья. Магическое сообщество оккупированного Киева включает в себя ряд волшебных существ, бывших людей, вступивших на путь магии в разные времена бурной русской истории: кто-то ещё до Батыева нашествия, а кто-то при наступлении немцев на Киев в сентябре 1941-го. В команде представлены самые разные биографии: шляхтич, родившийся во времена Богдана Хмельницкого, пластун из казачьего отряда, воевавший с Наполеоном, конотопская ведьма, оборотень, рвавший петлюровцам глотки, чекист первого призыва, начинавший ещё при Дзержинском. Всю эту разнообразную компанию, по правилам магического мира, должна объединять принадлежность к потустороннему миру, магическое братство. Но в ходе повествования выясняется, что настоящее объединяющее начало – это любовь к своей земле и желание отстоять её для людей, даже притом, что все персонажи формально к миру людей не принадлежат и даже какое-то время пытаются держаться над схваткой.

В повести «Аскольдова могила» показан русский город Киев, обороняющийся от вражеского нашествия сразу в двух мирах: его защищают и партизаны, бывшие колхозники и шахтёры, и волшебники, иномирные существа, бывшие военные. Магическое сообщество Киева представляет собой модель русского общества, состоящего из разных групп, возникших в разное время, но способных волшебным образом объединиться во время военной грозы.

Как видим, военная тема – центральная в истории русского порубежья. Для защиты земли в военное лихолетье западная граница русского мира использует все ресурсы в обоих мирах – и магическую силу, и историческую память. В особых случаях может быть задействована древняя магия, существующая вне человеческих понятий, и тогда результат получается устрашающий: Вода и Огонь мстят за преступления многовековой давности людям, не имеющим отношения к кровавым побоищам прошлого, или леший уничтожает врагов вместе с потревожившим его человеком. Не на уровне словесного отчёта, а на уровне образов в сборнике показано, что магия – это сила, скорее, тёмная, чем светлая, чаще опасная, губительная для души. Магическая сторона событий создаёт параллельную историю России – историю Тартарии, земли мрачной, жестокой и опасной, способной превратиться в мощь, стоящую вне морали, как силы, век за веком заливающей её кровью.

Рассказ Вука Задунайского «Дело Вия» не касается темы войны в её старом значении, однако он полностью посвящён гибридной войне наших дней. Это единственное в сборнике произведение сатирического жанра, пародирующее украинские события времён Майдана 2013 – 2014 года. Используя мотивы «Собаки Баскервилей» Конан Дойля и «Вия» Гоголя, автор создаёт острый сатирический текст, насыщенный не только цитатами из классиков, но и отсылками к актуальным политическим перипетиям времён установления новой украинской власти в ходе так называемой Революции достоинства. В гротескной форме, в жанре злой сатиры автор показывает отношение европейцев к восточной окраине их мира, роль европейских ценностей и европейских деятелей в государственном перевороте 2014 года, а также мотивы и цели многих действующих лиц того периода. Интересна попытка трансформации стереотипа о злых русских, врагах демократии: в рассказе Вука Задунайского русские настолько сильны и вездесущи, что даже Шерлок Холмс, не боявшийся духа зла на болотах Дартмура, не решается с ними связываться.

Всего два рассказа в сборнике посвящены иным темам, помимо войны. Это «Испытательный срок» Натальи Резановой и «Тополя» Татьяны Андрущенко.

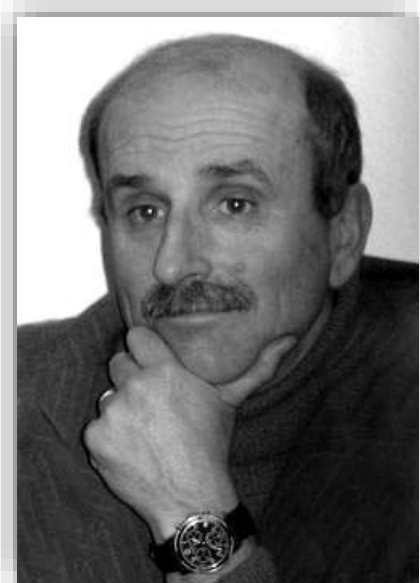
Действие рассказа «Испытательный срок» разворачивается в наши дни, в типографии, печатающей магическую литературу, куда главный герой устраивается корректором на испытательный срок. Военная тема в этом рассказе не затрагивается, но тема памяти раскрывается очень хорошо. Сотрудники типографии, как и другие персонажи книги, живут в течение нескольких веков и могут использовать накопленный в иные времена опыт для решения насущных задач.

Например, один из персонажей – ведьма, сожжённая знаменитым новгородским епископом Геннадием, борцом против ереси, жидовствующих в XV веке. Благодаря своим знаниям и силе, она распознаёт опасность магического задания, поставленного перед группой, и помогает разрешить его с наименьшими потерями для человечества. Отметим, что упоминание епископа Геннадия – одна из немногих точек присутствия в книге христианства. При этом фиксируется антагонизм христианской религии с магическим миром, что соответствует истине, но создаётся, несколько односторонне, образ церкви воинствующей, сходный с образом церкви католической. В целом же тема памяти позволяет автору показать, как магия Европы и России живёт в современном мире в качестве подосновы разных процессов: от программирования до нефтяных войн.

Рассказ «Тополя», судя по названию, представляет собой прозаическое переложение известной украинской народной песни о конфликте невестки и свекрови. Автор усиливает магический элемент сюжета и создаёт самозамкнутый фэнтезийный мир на материале короткой завершённой истории. «Тополя» – единственный рассказ сборника, где читатель не найдёт битв, набегов и войн, однако сюжет его никак не назовёшь мирным и добрым. Тревожная доминанта сборника выдержана и в этом рассказе, глубоко раскрывающем тему украинской земли как территории языческой магии.

Итак, в сборнике «Паны, холопы и Другие. Тайна история Тартарии» современные писатели создают в жанре фэнтези магическую историю русского порубежья, западной границы русского мира, куда входили современная Украина, Белоруссия, Польша, Западная Россия. На этих территориях в течение столетий русская культура сталкивалась с польской, татарской. Многие века эти земли были ареной кровопролитных битв, война являлась необходимым условием для выживания местных жителей. В книге показано, как в этих условиях складывается параллельная магическая реальность этой земли, направленная на сохранения себя во времени и пространстве, сберегающая историческую память от Киевской Руси до наших дней и отбивающая вражеские нападения в реальном, магическом и информационном мире.

Эта книга будет интересна поклонникам жанра, увлечённым темами войны, магии и пограничья миров. В то же время этот сборник не только для узких специалистов, но и для любителей украинской и белорусской экзотики. Ведь в наше время бурного роста информатизации столкновение культур происходит повсюду, и магические войны пограничья могут стать моделью любого события в любой точке современного мира. Поэтому «Тайная история Тартарии» окажется для всякого читателя началом литературного путешествия в удивительную Вселенную, где сплетены магия и реальность, история и современность, сила и любовь.



Владимир СПЕКТОР

г. Луганск, АНР – Россия

Почётный председатель правления Межрегионального союза писателей.

Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат ряда международных литературных премий. Член Исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов и Президиума Международного Литературного фонда.

А детство пионерское было...

О книге Юрия Полякова «Советство 2. Пионерская ночь»
(Москва, Изд. АСТ, 2022 г. 420 стр.)

Из прошлого вспоминается фраза: «Книг издают много, а почитать, так, чтоб для души, и нечего»... Фраза в чём-то справедливая, а в чём-то нет. Ибо среди множества появляющихся книг, конечно, есть те, что для души, добрые, сердечные, увлекательные. И талантливые, конечно. В качестве доказательства правоты этого утверждения я бы назвал книгу Юрия Полякова «Советство 2». Она, кстати, тоже о прошлом, в котором у большинства из ровесников автора было пионерское детство.

Принципиально оно ничем не отличается от детства нынешних поколений. Разве что было более организовано, структурировано и лучше разбиралось в оттенках красного (цвета флага и галстука), чем серого. А также чётко знало отзыв на повсеместно звучавший призыв: «Будь готов!». Ответ был незамедлительным: «Всегда готов!». Всегда готовы были, как тимуровцы (кто нынче помнит о них...), помочь ближним, особенно старикам, собрать металлолом и макулатуру... Это вовсе не пафосные воспоминания. Это наше пионерское детство. Оно было... Какими эпитетами завершить предложение? Хорошим, весёлым, разным... Таким оно и было. Юрий Поляков пишет о своём детстве. Но оно узнаваемо всеми, кто может о себе сказать: «Всё

детство прошло в лагерях». Не в Колымских, а пионерских. У автора лагерь «Дружба» располагался в районе подмосковной платформы Востряково. У меня и моих сверстников – в пригороде Луганска Зелёная Роща и назывался «Солнечный». Но так много узнаваемого в том, о чём пишет Поляков, что, кажется, читаешь о себе...

«Советство 2» – книга о лете, о том, как во времена, когда я был пионером, детвора проводила большие каникулы... Я пишу о своём детстве с трепетом, погружаясь сердцем в живую воду памяти, извлекая из глубин сознания милые мелочи минувшего, перебирая забытые словечки ушедшей эпохи, стараясь воплотить в языке тот далёкий, утраченный мир, который исчез навсегда вместе с Советским Союзом»...

Детство пахнет цветами-майорами, что росли на соседнем дворе,
И вишнёвым вареньем, которое розовело в саду на костре.
Детство пахнет листвою осеннею, что под ветром взлетает, шурша...
Что ж так больно глазам? На мгновение запах детства узнала душа.

Запах детства включал в себя массу ароматов и их оттенков – от пионерской столовой, благоухавшей сытным борщом и котлетами, до запаха свежей травы и листвы в городских парках. Туда в выходные выбирались семьями, подыскивая подходящую полянку, раскладывая на ней покрывало и выставляя нехитрую, но аппетитную домашнюю снедь, которая на природе становится неизмеримо вкуснее. И какая разница – это был Измайловский парк в Москве или парк Горького в Луганске, чувства и желания были во многом похожими у всех. В стране, где социальное равенство было официально принято за норму и образец, всё примерно так и было. И потому рассказ о воскресной семейной вылазке в парк, где угощались и выпивали, играли в бадминтон и карты, гуляли и целовались, воспринимается, как знакомые картины из прежней, более доброй, хоть и менее богатой жизни.

«... Желание людей в воскресенье поехать на природу в Измайлово есть не что иное, как манящее воспоминание об утраченной жизни в райском лесопарке. Что и требовалось доказать! Так говорит наш математик Ананий Моисеевич, ткнув в доску брусом мела и прикончив теорему, смысл которой во всем классе понятен только ему одному...»

В лагере «Дружба» возле столовой растут две яблони. Из года в год в начале второй смены медсестра обходит все отряды и объясняет: незрелую мелочь рвать с веток и есть нельзя, опасно для желудка. И что? Ничего. Я еще ни разу не видел на ветках хоть одно созревшее яблоко, зато изолятор в июле забит пионерами с дальнобойным поносом. Короче, странно, что Бог так уж разозлился на Адама и Еву из-за одного-единственного фрукта. Дело-то житейское»...

Яблоки-дички летят, летят... Падают на траву. Жизнь – это тоже фруктовый сад.
В мечтах или наяву кто-то цветёт и даёт плоды даже в засушливый год...
Яблоня-дичка не ждёт воды – просто растёт, растёт.

Каждое лето детства было более просторным, чем во взрослой жизни, в нём хватало места и времени и для роста, и для поездок к родственникам в деревню или с родителями на море, ну и для лагерной смены времени тоже оставалось достаточно. Герой книги Юрия Полякова регулярно ездил к родственникам дедушки на Волгу, и там происходило множество интересных событий – рыбная ловля и походы в лес за грибами, дружба с местными пацанами (и девчонками тоже). Да и весь процесс познания житейской мудрости происходил на вольном берегу великой реки, и это было познавательно, интересно и поучительно. Так же, как взаимоотношения взрослых, их мир, где ссорились и мирились, спорили и искали справедливость, которая привлекает всех и во все времена, но, оставаясь привлекательной, продолжает, как линия горизонта, виднеться лишь вдаль.

«– А ну вас всех к лешему! – рявкнул Тимофеич и пошёл за своей заначкой.»

Но я-то знал, что мама накануне обнаружила «манерку» со спиртом в кармане плаща и перепрятала. Отец через минуту вернулся из сеней с таким лицом, словно, выйдя на берег, не обнаружил перед собой Волги».

Волга, тем не менее, оставалась на месте. А время бежало стремительно, и уже вскоре жизнь среди прибрежных волжских пейзажей сменилась для героя на лагерные будни, которые временами переходили в праздники, поскольку детская пора – сродни празднику в любой обстановке. Тем более, когда, взрослея, приезжаешь в лагерь, как бывалый старожил, встречая компанию старых друзей, с которыми вместе прошёл путь от отряда малолеток до солидных почти старшеклассников. Надо отдать должное автору – он ничего не приукрашивает и розовые очки читателю надеть не предлагает. К тому же, читателю, знакомому с пионерскими линейками и речёвками, конкурсами отрядной песни и сбором урожая на подшефных полях, здесь всё знакомо. В какой-то степени мило, в какой-то – постыло. Но так было и воспринималось, как должное. Даже вражда с местной шпаной, которая устроила набег на лагерь, с нешуточной дракой, завершившейся, как в матёром детективе, спасительным приездом милицейского патруля и изгнанием (с последующим задержанием) дерзких и нахальных хулиганов. Всё, как в жизни, – и присутствие в отряде полублатного одногодки-лидера, сколь наглого с теми, кто послабей его, столь и заискивающего перед физической мощью старших

или просто спортивных и уверенных в своей силе ровесников. Всё это было, да и не изменилось – люди вообще в большинстве своём не меняются при любом общественном строе. Кстати, в финале этот псевдолидер оказался посрамлён, получив от соседей по лагерной палате решительный отпор, а затем и «тёмную». Что стало ещё одним подтверждением житейской мудрости: хулиганы при всей внешней наглости зачастую по натуре своей трусливы. А значит, нужно быть сильным. И, конечно, умным, добрым, весёлым... Это судьбой почти всегда вознаграждается. Вот герой книги, к примеру, сумел снискать пионерское уважение (и даже восхищение) своими писательскими талантами, рассказывая на ночь зачарованному отряду бесконечную приключенческую сагу (страшную, как нынешние фильмы ужасов), которую придумывал в режиме онлайн каждый вечер. И становится понятным, что литератор в авторе не дремал уже в детстве. А кто-то пел песни, сопровождая себя на гитаре, становясь любимцем всего лагеря. В мою пору мы все сидели вокруг такого исполнителя с раскрытыми ртами, впитывая каждое слово песни. К примеру, такой (запомнилось сразу и на всю жизнь):

«В погожий день один вассал почти весь замок... обошёл. Но что искал, то не нашёл. И в книгу жалоб написал. Вот, победив чужую рать, три мушкетёра сели... кушать. Да захотелось им послушать, что Д'Артаньян им станет врать»...

Песня была долгоиграющей, запомнилось, конечно, не всё, однако кое-какие куплеты ещё держу в памяти, но не решаюсь воспроизвести. Тем более, что и совсем другие песни пелись с удовольствием и энтузиазмом – о картошке-тошке, о том, как взвиваются кострами синие ночи, о смелом орлёнке, о берёзке и рябине, о родном крае, где чибис зачем-то стоит у дороги... Пели, как герои книги, с удовольствием. А ещё была «Зарница», в которой проявлялись чудеса ловкости, разных умений, навыков, талантов, вплоть до полководческих. И завершалось всё прощальным костром, опять же с песнями, которые уносились в ночное небо, и эхо их слышно иногда до сих пор.

«Как я люблю пионерскую ночь! Её нельзя сравнить ни с чем. Затихли на дальних путях электрички, до утра они не будут прострачивать огненными стежками кружевной мрак леса...

Птицы с подросшими птенцами тоже, смолкнув, попрятались в гнездах, гомонить они начнут на заре, тревожа сладкий сон перед подъёмом. А сейчас тишина, покой, даже ветер, шатавший вечером ветки, словно затаил дыхание, ожидая, когда из-за зубчатого ельника высунется в рыжем зареве малиновый край солнца»...

Где-то вдалеке, на пустой реке, – надувная лодка, рыба плещет.

И осенний пляж, тишины той страж, словно разорившийся помещик.

Ты не бреди пустоту в груди. Вот уже и даль реки в тумане.

Над пустой рекой дышится легко... И судьба – как в матовом экране.

Судьба, которая дарила прощальную пионерскую ночь, была снисходительна к шалостям, потому что знала, что после костра всё только начинается. Там по расписанию – обмен почтой между отрядами (особенно, между девочками и мальчиками), художественная роспись зубной пастой лиц тех, кого сморит Орфей. Традиционными были бои подушками и всевозможные водные процедуры в виде обливаний, а также снайперская стрельба из трубочек обрывками бумаги, старательно разжёванными до состояния боевых шариков... Кстати, за разглашение тайны переписки и получил «тёмную» приклатнённый сосед по палате, сразу переставший быть неформальным лидером. Справедливость, хоть изредка, но торжествует. А утром, которое, как известно, мудренее любой ночи, пришли автобусы. И за их окнами осталось лагерное пионерское детство.

«Я прижался носом к холодному стеклу. Автобус мчался мимо бревенчатых домиков с зелёными палисадниками. В раскидистых кронах уже краснели плоды. К лесу уходили ровные грядки картошки с белыми и фиолетовыми цветами. Мы ехали домой. Казалось, смешные огородные чучела машут нам обвислыми рукавами, а подсолнухи поворачивают вслед свои плоские жёлтые лица. Прощайте! Прощайте! А Ирма в записке мне написала: "Будь смелее!"»

Подсолнухи с опущенными головами, маслины, машущие рукавами...

Вот пригород. Сентябрьский пейзаж. Да пионерский лагерь опустелый,

Где пляж, отрада для души и тела, виднеется сквозь дымку, как мираж.

Сегодня пионерское детство действительно похоже на мираж. Он был или нет... Но детство было. И спасибо Юрию Полякову за честное и увлекательное напоминание о том, каким оно было. Ведь не зря говорят, что без прошлого не бывает будущего, которое тоже начинается с детства.

Не хватает ни злости, ни нежности – не хватает в судьбе безмятежности.

Не хватает улыбки крылатой, лёгкой детскости, не виноватой

В том, что всё получилось так странно, что в смятении люди и страны,

Что в конце благодатного лета все прозаики мы. Не поэты.

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

Анастасия СОКОЛОВА

г. Москва

Член-корреспондент Международной академии наук и искусств, член Интернационального союза писателей, МГО Союза писателей России, Союза журналистов Москвы, православный историк и писатель. Публиковалась в московских СМИ, журналах и альманахах. Автор 3 книг прозы и сборника стихов. Лауреат и дипломант ряда московских литературных фестивалей и поэтических конкурсов. Лауреат конкурса «Избранники Муз» в номинации «Избранник Клио» (история).

Поющая в огне

К 130-летию со дня рождения Марины Цветаевой (1892–1941)

(продолжение, начало в №№4,5,6-2022)

*К тебе, имеющему быть рождённым
Столетие спустя, как отдышу...*

Марина Цветаева

Последние дни Марины Цветаевой

17 августа 1941 года Теплоход «Чувашская Республика» причалил к пристани Елабуги – маленького города на Каме. Среди прибывших на теплоходе пассажиров, эвакуированных из Москвы писателей и членов их семей были Марина Ивановна Цветаева с сыном Георгием Эфроном. Горсовет начал распределять москвичей по квартирам. Марина с сыном разместились в доме Бродельщиковых на ул. Ворошилова, 9. В этот же день они получили привезённый с пристани багаж, а 21 августа прописались по вышеуказанному адресу и переехали. Из Елабуги Марина едет в Чистополь, где ей представилась возможность устроиться на работу посудомойкой. Но, не приступив к работе, она возвращается в Елабугу, где 31 августа 1941 года кончает жизнь самоубийством, повесившись в сених приютившего их дома.

В книге «Иловайские и Цветаевы», написанной доцентом кафедры новейшей истории Московского педагогического государственного университета Е. Ф. Жупиковой, большое место занимает рассказ автора о поездке в Елабугу в июне 1980 года. В очерк «Встречи с А. И. Цветаевой» включён текст расшифровки магнитофонной записи воспоминаний хозяйки дома в Елабуге Анастасии Ивановны Бродельщиковой о последних днях Марины Цветаевой. Расшифровка выполнена студентами филологического факультета Елабужского педагогического института. Альбом с расшифровкой данной записи хранится на кафедре литературы этого вуза.

(Е. Ф. Жупикова. Иловайские и Цветаевы. М.: Новый хронограф, 2015).

Из воспоминаний А. И. Бродельщиковой

«Ну, я очень мало могу сказать, ну очень мало за десять дней. Привели её сюда, управдом, много их, эвакуированных было. А она как посмотрела, так сразу и остановилась здесь. Десять дней прожила, в это же время в Чистополь ездила. Много-то я не могу о ней сказать. Вместе мы с ней курили, ну вот. Разговаривать тоже много не приходилось, у меня была семья, ребяташки, внучат воспитывали.

Такой вид был у неё, такая печальная, знаете, на фотографии совсем не похожа. Одета неважно была. Длинное пальто какое-то, платье и фартук вот с таким большим карманом. Так в нём и умерла она. Сандалии большие, вообще крупная она такая была, с мужскими чертами лица, в плечах широкая, грудь плоская, ну, между прочим, она хорошая была».

На вопрос, не очень ли она бедствовала, не из-за голода ли это, Бродельщикова ответила:

«Нет-нет! Летом 1941 года голода ещё никто не знал. Да и запасы у неё с собой кое-какие были. Вот придёт сюда в кухню ко мне вечером: "Пришла, – говорит, – посмотреть на вас..."».

У Марины Ивановны было много столового серебра, ценных вещей, больше пуда сахара, 400 рублей денег, на которые можно было купить три буханки хлеба, два-три килограмма крупы. Георгий перед отъездом крупу продал нам, а остальное всё взял с собой. Вещи были в высоких брезентовых мешках, Цветаева их не распечатывала, надеясь на переезд в Казань. Немного бумаг, оставленных Георгием, она сожгла».

Из дневниковой тетради Георгия Эфрона

Первые дневники Эфрона не сохранились – что-то изъяли вместе с бумагами сестры, Ариадны Эфрон, в день её ареста. Ещё одну дневниковую тетрадь, за 1942 год, у него украли в Ташкенте, а последний дневник, военный, очевидно, погиб вместе с хозяином.

В РГАЛИ хранятся дневники за 1940 – 1941 годы.

Запись сделана 30 августа 1941 года, за день до самоубийства Марины: «... Занятия начинаются послезавтра. Вообще-то говоря, всё это – вилами на воде. Пусть мать поподробнее узнает об этом совхозе, и тогда примем меры. Какая бы ни была школа, но ходить в неё мне бы очень хотелось. Если это физически возможно, то что ж... В конце концов, мать поступила против меня, увезя меня из Москвы. Она трубит о своей любви ко мне, которая её roussé на это. Пусть докажет на деле, насколько она понимает, что мне больше всего нужно. Во всех романах и историях, во всех автобиографиях родители из кожи вон лезли, чтобы обеспечить образование своих rejetons. Пусть мать и так делает. Остаёмся здесь? Хорошо, но тогда я ухвачусь за школу. Сомневаюсь, чтобы там мне было плохо. Единственное, что меня смущает, – это физкультура. Какой я, к чёрту, физкультурник? Дело в том, что число уроков физкультуры, вообще военной подготовки, сильно увеличено – для меня это плохо, в этом моя слабость. Но, по-моему, всегда смогу наболтать, что был болен и т.п. Возможно, что мой проект со школой провалится – впрочем, по чисто финансовым соображениям. Самые ужасные, самые худшие дни моей жизни я переживаю именно здесь, в этой глуши, куда меня затащила мамина глупость и несообразительность, безволие. Ну, что я могу сделать? В Москву вернуться сейчас мне физически невозможно. Я не хочу опуститься до того, чтобы приходиться каждый день с работы грязнушим, продавшим мои цели и идеалы. Просто школа – всё-таки чище, всё-таки какая-то, хоть и маломальская, культура, всё-таки – образование. Если это хоть немного возможно, то я буду ходить в школу. Если мы здесь остаёмся, то мать должна поскорей прописаться. Всё-таки неплохо было бы иметь 9 классов за плечами. Учебников у меня нет, тетрадей – тоже. Мать совершенно не знает, чего хотеть».

Из дневника Марины Цветаевой

«Меня жизнь за этот год добила»;

«Исхода не вижу... Взываю о помощи...»;

«Никто не видит – не знает, что я год уже ищу глазами крик... Я год примеряю – смерть».

Предсмертные записки Марины Цветаевой

Сыну: «Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але, если увидишь, что любила их до последней минуты, но попала в тупик».

Асееву: «Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сёстры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь – просто взять его в сыновья – и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 рублей и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына – заслуживает. А меня простите. Не вынесла. МЦ. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете – увезите с собой. Не бросайте!».

Эвакуированным: «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы – страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом – сложить и довести. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадёт. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте».

В 1913 году двадцатилетняя Марина пишет пророческий «Реквием».

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с её насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!
Изменчивой, как дети, в каждой mine,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.
Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей

На ласковой земле!
К вам всем – что мне,
ни в чём не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.
И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,
За то, что мне прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,
За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Ещё меня любите
За то, что я умру.

В роковой час сорокадевятiletняя Марина Цветаева навсегда «исчезла с поверхности земли», так и не дождавшись сочувствия, понимания и любви со стороны «чужих» и «своих», самых дорогих и близких ей людей.

Похоронили Марину на окраине Петропавловского кладбища, как самоубийцу, без отпевания, креста и без ритуальных церемоний. Место её погребения со временем потерялось.

Через день после похорон Мур, исполняя желание матери, перебрался в Чистополь, где около десяти дней прожил в семье Николая Асеева, затем в писательском детском доме, и дальше – Москва, откуда он бежал в дни октябрьской паники, – Ташкент, где он прожил в эвакуации почти два года.

В письме к С. Д. Гуревичу от 8 января 1943 года Георгий писал: «Я вспоминаю Марину Ивановну в дни эвакуации из Москвы, её предсмертные дни в Татарии. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она была одно страдание. Я тогда совсем не понимал её и злился на неё за такое внезапное превращение... Но как я её понимаю теперь! Теперь я могу легко проследить возникновение и развитие внутренней мотивировки каждого её слова, каждого поступка, включая самоубийство».

Осень 1943 года – снова Москва. Мур поступает в Литературный институт на отделение переводчиков. «Я русский по происхождению и француз по детству и образованию», – писал Георгий. Он начинает роман «Записки парижанина», задумывает «Историю современной французской литературы», которую считает лучшей в мире. Но Литинститут не давал отсрочки от службы в армии.

«Русский парижанин», сын Марины Цветаевой и Сергея Эфрона погиб в бою под деревней Друйка в Витебской области во время знаменитой операции «Багратион». Над его могилой стоит обелиск с надписью: «Эфрон Георгий Сергеевич. Погиб в июле 1944».

Осенью 1960 года Елабугу посетила сестра Марины – Анастасия Ивановна Цветаева. Место захоронения сестры ей найти не удалось. В южной части кладбища, на свободном от захоронений месте она установила крест с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева». В 1970 году, по решению Союза писателей, крест заменили на гранитную плиту. Рассказ Анастасии Цветаевой об этой поездке и встрече с хозяевами дома был впервые опубликован в 1981 году в журнале «Москва» и затем вошёл в 3-е издание «Воспоминаний».

В 1990 году Патриарх Всея Руси Алексий II дал письменное благословение на отпевание «рабы Божией Марины», доведённой до самоубийства существовавшим режимом. Отпевание прошло в церкви Покрова Божьей Матери, здесь же, в Елабуге. И с тех пор каждый год, 31 августа – в день её смерти – настоятель этой церкви служит панихиду по Марине Цветаевой.

Там, где хотела лежать Марина Цветаева

Спустя два десятилетия после гибели Марины Цветаевой была предпринята попытка исполнить её завещание. Летом 1962 года студент из Киева Семён Островский на свои скудные средства установил на высоком берегу Оки Камень Памяти Марины Цветаевой. Через несколько дней памятник «белогвардейской поэтессе» был снесён по распоряжению властных органов. Фото первого «Цветаевского камня», как его называют в народе, успела сделать Анастасия Цветаева. Семён Островский эмигрировал в США.

Шли годы. В стране происходили тектонические политические и духовные изменения. Время «разбрасывать камни», агонизируя, приближалось к концу. Приспело время «камни собирать». Увидели свет и стали доступны для читателя произведения русской поэтессы Марины Цветаевой. Сбылось и это предвидение поэта:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,

Моим стихам о юности и смерти
– Нечитанным стихам! –
Разбросанным в пыли по магазинам,
(Где их никто не брал и не берёт!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.

В 96-ю годовщину со дня рождения Марины Цветаевой, 9 октября 1988 года, почитатели таланта поэтессы стали свидетелями воплощения в жизнь её завещания.

Могучий камень с тарусской каменоломни был поставлен на прежнем месте, там, где хотела быть похороненной Марина Цветаева – на высоком берегу Оки, неподалёку от когда-то располагавшегося здесь хлыстовского кладбища. На камне начертано:

«Здесь хотела бы лежать МАРИНА ЦВЕТАЕВА».

Над камнем свисают тяжёлые гроздья рябины...

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.

День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Хранительница памяти

В 1956 году после реабилитации Ариадна Сергеевна Эфрон вернулась в Тарусу, где прожила 19 лет, до своей кончины в 1975 году. Здесь, в Тарусе, в построенном ею небольшом доме, она неустанно трудилась над увековечением памяти Марины Цветаевой: готовила к выпуску сборники её стихов, занималась систематизацией семейного архива, писала мемуары.

Выдержки из воспоминаний Ариадны Эфрон, посвящённых Тарусе:

«Таруса дорога мне не только тем, что я, как очень и очень многие, открыла для себя её красоту и прелесть, а ещё и главным образом оттого, что именно здесь прошло детство моей матери, что именно здесь она узнала Россию, сделавшую её навсегда русским поэтом.

Про тарусское детство своё мама мне много рассказывала, когда я была маленькой, и поэтому и Ока, и дача «Песочное», и Пачёво, и Улай, и многие другие места запомнились мне задолго до того, как сама я их увидела. Вообще же Цветаевы были здесь первыми «дачниками».

Дед мой И. В. Цветаев, в конце прошлого столетия приехавший навестить родственников, семью земского врача Добротворского, с первого взгляда полюбил Тарусу и любовь эту передал всем своим близким. Год за годом проводили здесь Цветаевы летнее время в небольшом, сейчас разваливающемся на территории дома отдыха имени Куйбышева – домике; в нём умерла моя бабушка, чудесная музыкантша М. А. Мейн; в нём провёл последний год жизни лиричнейший из художников Борисов-Мусатов: а после Цветаевых там же жила памятная Тарусе семья Вульфов, учёных и музыкантов.

Многие места в Тарусе связаны с семьёй Цветаевых:

От больницы, где работало не одно поколение врачей Добротворских, до городского садика, заложенного, как рассказывали мне старшие, братом моего деда, историком Дмитрием Ивановичем Цветаевым;

Ещё цел бывший дом Добротворских на ул. Ленина (впоследствии его заменила артель вышивальщиц);

Ещё стоит дом моего прадеда, Александра Даниловича Мейна, где впоследствии помещались детские ясли;

Ещё высятся около цветаевской «Песочной» дачи четыре громадные ели, посаженные в конце прошлого века Цветаевым в честь своих четверых детей Валерии и Андрея (от первого брака с В. Д. Иловойской), Марины и Анастасии (от брака с М. А. Мейн).

Помогает ли мне Таруса? Нет, сейчас Таруса стала чрезвычайно популярным, даже модным местом отдыха. Отдыхающие же работающих не понимают и слишком отвлекают их от письменного стола. Когда жила здесь круглый год, лучше всего работалось мне зимой.

Какие уголки природы больше люблю? Те, что не истоптаны, не захлаплены, где не слышно радио из дома отдыха и персональных транзисторов.

Самые «интересные» люди Тарусы для меня те, кто Тарусе конкретно помогает, бережёт её прошлое, работает для будущего, улучшает её настоящее;

Любят не на словах (потребительски!) – а на деле, делом. «Любовь есть действие», – говорила Марина Цветаева. Так любит Тарусу К. Г. Паустовский; и Б. П. Аксенов, и Е. А. Соколова; и ещё несколько человек; их не так-то много, но они лучшие; поэтому и мечта моя, тарусская мечта в том и заключается, чтобы побольше было в Тарусе таких людей. И еще: чтобы сохранился здесь цветаевский «Песочный» домик на радость и на пользу коренным и «транзитным» тарусянам. 12 октября 1966 г.».

В Тарусе память о Марине Цветаевой и её самых близких людях хранит ещё один мемориал. Это надгробный камень на могиле Ариадны Сергеевны Эфрон, похороненной на тарусском городском кладбище.

Ариадна Сергеевна пережила гибель матери, отца и брата. Мать и отец Ариадны не имеют могилы.

Дочь, мать и отца навеки объединяет надгробный камень на могиле Ариадны Эфрон. На нём начертано:

«Ариадна Сергеевна Эфрон 1912 – 1975

Дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, погибших в 1941 году».

«Идущие мимо меня»

В центре Тарусы, в восстановленном доме деда Цветаевой, А. Д. Мейна – «Доме Тью» – накануне празднования 100-летия со дня рождения Марины Ивановны Цветаевой, 4 октября 1992 года, состоялось открытие музея Марины Цветаевой, получившего официальное название «Музей семьи Цветаевых».

В экспозиции широко представлены принадлежавшие Марине Цветаевой, её родным и близким людям предметы быта, мебель, книги, документы. Творческий коллектив Музея проводит большую научно-исследовательскую и культурно-просветительскую работу. Ежегодно, в первые выходные октября, проходят Цветаевские чтения, приуроченные ко дню рождения поэта.

Перед посетителями музея широко раскрываются двери литературно-музыкальных гостиных, в работе которых в разные годы принимали участие Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Сергей Никитин, Елена Камбурова, Александр Гордон, Марина Тарковская, Маргарита Терехова и многие другие деятели литературы и искусства.

Коллега по перу великой поэтессы Белла Ахмадулина сделала музею бесценный подарок – передала сборник стихов Марины Цветаевой «Ремесло» с автографом автора. По инициативе Беллы Ахмадулиной в 2006 году был установлен памятник Марине Цветаевой, над созданием которого трудились скульптор В. Соскиев и архитектор Б. Мессерер. Марина вышла на высокий берег Оки. Рядом с памятником растёт живое деревце нарядной красной рябины.

«Вот эта рябина – как знак родины, как её символ, – говорила на открытии памятника Белла Ахмадулина. – В общем, наверное, это та обитель, где душе Цветаевой наиболее просторно».

«Всегда пронзала мысль о том, что должен стоять на этой земле памятник Марине Ивановне Цветаевой, – говорил Борис Мессерер. – Её образ витает над нами, мы преклоняемся перед ним, её гением и склоняем голову перед её великой и трагической судьбой».

«Птица Феникс – я только в огне пою!»

В тарусском лесу, на «хлыстовской» поляне, неподалёку от холма, где стояла дача Цветаевых, ежегодно в первое воскресенье октября, в дни проведения Цветаевских праздников, приуроченных ко дню рождения поэтессы, возжигается Цветаевский костёр.

Предыстория Цветаевских костров – этого ныне всемирного поэтического явления – началась 6 октября 1986 года. Жительница Тарусы Надежда Загайнова, многие годы выполнявшая роль главного гида по местам, связанным с жизнью семьи Цветаевых в Тарусе, добилась у властей разрешения на проведение вечера памяти Марины Цветаевой в зале местного кинотеатра.

Для участия в долгожданном вечере в Тарусу устремились почитатели поэзии Марины Цветаевой из многих городов Советского Союза. Однако перед самым началом вечера, поклонники поэзии Марины Цветаевой оказались перед закрытыми дверями кинотеатра. Оказывается, принятое администрацией скоропалительное решение о закрытии кинотеатра было продиктовано «пожарной опасностью»... Многие гости с горечью в сердцах покидали Тарусу.

Но среди оставшихся были такие люди, которые, вопреки сложившимся обстоятельствам, решили провести вечер памяти поэтессы, собравшись вокруг костра, под открытым небом, в лесу, на воспетой Мариной Цветаевой «хлыстовской» поляне. Вокруг первого Цветаевского костра тогда собралось 36 преданных поклонников Марины Цветаевой. Ими было принято решение встречаться на «хлыстовской» поляне ежегодно, в 1-е воскресенье октября, в связи с празднованием дня рождения поэтессы. С того памятного вечера из года в год в Тарусу на Цветаевский костёр съезжаются сотни поклонников поэзии Марины Цветаевой из России и многих зарубежных стран.

«Есть место, куда я могу прийти со своими внуками, – говорила Ольга Трухачева, внучка Анастасии Цветаевой, вместе со своим внуком Денисом посетившая Цветаевские праздники в Тарусе, – Денис из девяти музеев побывал в шести! Эти праздники заставили меня лично заниматься своим архивом, ездить по местам мамы, бабушки, тёти Али и находить «затравку». Это заставляет нас, родных, быть умнее, памятьливее, а душа, как говорила моя бабушка, это то, что бессмертно, не может не чувствовать память людей о себе. А память о человеке живом не может угаснуть Там, где всё вечно...».

Вспыхнув от искр тарусского костра, ежегодно, в начале октября, в дни памяти Марины Цветаевой, ярко пылают Цветаевские костры во многих странах мира. В США, под Вашингтоном, в 1996 году, эмигрантом из России, собирателем, исследователем, создателем Вашингтонского музея русских поэтов и Аллеи их памяти Юлием Зыслиным был зажжён первый Цветаевский костёр на Американском континенте.

В 2000 году Цветаевский костёр запылал в центре Европы, в Германии, на горе Тюллинберг, близ г. Фрайбурга. Место проведения костра было выбрано организатором Цветаевских праздников, эмигранткой из России Лилией Цыбарт-Фогельзанг, неслучайно. Летом 1904 года, во Фрайбурге и в неподалёку расположенной от города деревне Хорбен, в гостинице «У Ангела», проживала тяжело больная Мария Александровна Цветаева вместе со своими дочерьми – Мариной и Асей.

Инициаторы и организаторы первого и последующих тарусских костров: А. Ханатов, В. Николаева, Б. Мансуров – в 2002 году, к 110-летию со дня рождения Марины Цветаевой, выпустили книгу «Цветаевские костры». К 120-летию великой поэтессы вышла книга «Всемирные Цветаевские костры». Эта объёмная, насчитывающая 460 страниц, иллюстрированная книга, принесена авторами А. Ханатовым и Б. Мансуровым в дар организаторам Цветаевских костров в разных странах, а также музеям Марины Цветаевой и главным библиотекам культурных столиц мира.

Это к нам, *«рождённым столетие спустя»*, обращается мифическая птица Феникс с просьбой о помощи:

Птица-Феникс – я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю – и горю дотла!
И да будет вам ночь – светла!
Ледяной костёр, огненный фонтан!
Высоко несущий свой высокий стан,
Высоко несущий свой высокий сан –
Собеседницы и Наследницы!

И мы не вправе отказать нуждающейся в нашей поддержке неистойой, гордой и по-прежнему *«совершенно одинокой»* сказочной птице, поющей в огне!

В год 130-летия со дня рождения Марины Цветаевой во всех культурных центрах России проводятся юбилейные вечера, встречи и научные конференции, посвящённые памяти гениальной русской поэтессы.

Музеи Марины Цветаевой открыты в Москве, в Борисоглебском переулке, в Болшеве, Александрове, Феодосии, Елабуге, в селе Усень-Ивановское в Республике Башкортостан, в селе Ново-Талицы Ивановской области.

Памятники поэтессе установлены в Москве, на берегу Оки в городе Таруса, в селе Усень-Ивановское, в Александрове, Харькове, Одессе, во Франции, в городе Сен-Жиль-Круа-де-Ви.

Поэты конца советской эпохи.....

Мутин Валерий Васильевич (22 февраля 1940 – 15 мая 2017)



Валерий Мутин родился в деревне Никукино Вологодской области, в семье военнослужащего, предпоследним, пятым ребёнком.

В 1950 году семья переехала в д. Ефимьево Первомайского района Ярославской области. Окончил семилетнюю Кузнецовскую школу, после чего обучался в Ярославской строительной школе. Десятилетку заканчивал уже взрослым. С 16 лет работал на стройках нашей страны: на Сталинградской ГЭС, затем на Красноярской, каскад Кубанской и Саяно-Шушенской ГЭС. Был монтажником стальных конструкций, бригадиром. Писать стихи и рисовать начал одновременно ещё в школе, первыми были озорные частушки, за которые юный автор, бывало, получал от учителей. Начал печататься в 1959 году в районной газете «Сталинский путь». Стихи Валерия Мутина публиковались в изданиях Волгоградской, Красноярской, Ярославской областей, Ставропольского края, в газетах «Комсомольская правда», «Сельская жизнь», в журнале «Мурзилка», во многих литературных журналах.

В 1973 году Союз писателей Ставрополя рекомендовал автора для поступления в Литературный институт. В. Мутин прошёл конкурс, сдал экзамены, но зачислен не был, т. к. попал в самый разгар «солженицынской» кампании.

Трудовая жизнь Валерия Мутина сформировала его характер – физическую и духовную устойчивость. По натуре он был русским богатырём с детской душой: большой, сильный человек с тревогой и надеждой смотрящий в будущее.

Автор шести книг стихов.

Жил в посёлке Пречистое Ярославской области.

Мера Валерия Мутина

... необычность видения, ощущений: необыкновенное в обыденности – и одушевлённое в неодушевлённом; так видеть и ощущать – очевидная прерогатива поэта; и Валерий Мутин, вводя в действительность такие стихи, славно свидетельствует о собственной подлинности:

Дом стоял у дороги, как крик
О пощаде,
Но не был услышан.
По весне здесь какой-то старик
Побывал.
Говорят – из Парижа.

Очень странным он был – этот гость.
Поклонясь пустырю троекратно,
Взял землицы оттаявшей горсть,
Сел в такси
И уехал обратно.

Подлинности крупной, как отборное зерно, или кристаллически-белой, как прекрасная соль; подлинности, рвущейся из сердца, из таинственного центра, где, возможно, обитает душа...

И боль, проходящая по сущности дара, раскалённая нить оной, вспыхивающая огнём правды, сильно вибрирует, ибо движение России не представляется... путём светового вектора:

В России пахаря не встретишь скоро.
Уж не село – посёлок с карты стёрт.
Остыв к земле, ушли крестьяне в город –
Быстрой, чем город, кладбище растёт.

Не год, не два и я блуждал по миру,
Пока домой не привели пути.
На наждаке не серп точу – секиру,
Чтобы родное поле перейти.

Смерть повсеместна, так плотно переплетена волокнами с жизнью, и, тем не менее, кладбища не должны расти быстрее городов.

Ибо поэт – болевой пункт яви и сейсмограф бытия.

Земная метафизика: философия опыта выплёскивается естественно, как дыхание, как прорастает трава:

В кровь на ухабах разбивая ноги,
Сквозь ночи мглу
Иду навстречу дня.
По жизни я не выбирал дороги.
Судьба-дорога выбрала меня.

Но – сквозь ночь, к свету, ибо вектор поэтической подлинности – всегда световой, если иначе, это не поэзия, пустая словесная игра.

Мутин не играл: он пел всерьёз, смертельно всерьёз: могучий, как русский богатырь, со славным, несколько детски-наивным лицом, строитель, поднимавший ГЭС, умиравший от страшной болезни в Ярославле...

Стремительная и прямая
Дорога вдаль меня вела,
И вдруг, как в строчке запятая, –
Тропинка под ноги легла.

Едва приметная тропинка –
Судьбы связующая нить.
Не велика в глазу соринка,
Да, не поплавав, не избыть.

У него крупные слова, и строки – округло лежащиеся в данность, идеально подогнанные друг к другу; казалось, он ничего не знал про поэтическую технику, просто дышал стихом...

Вдруг вспыхивает точнейшее ощущение времени, словно разгадал загадку его:

Время – свет, что пролетает мимо.
Настоящее – неуловимо.
Что бы ни сказал, ни сделал я –
Это сразу прошлое, друзья.

Вспышек-озарений в его поэзии много, и яркие они, заставляют пересматривать свой опыт...

И яркое его наследие, узнанное не столь уж многими, живёт, продолжая работать осветляюще: лучась сквозь мрак, всё полнее и плотнее сгущающийся над нами.

Славянский богатырь с наивно-добрым, в чём-то детским лицом; строитель, возводивший Саяно-Шушенскую ГЭС – Валерий Мутин, много лет борющийся с лютым раком, мудревший от страданий, терпеливый, как античный стоик...

Его стихи как вспышки огней в духовной ночи, густо опустившейся на реальность, как сгустки озарений... Они естественны, как трава и деревья, которые он знал, будучи охотником много лет, отказавшись от охоты, как от пагубы... Он жил в банально-простом, деревянном доме, собеседуя с Богом и небесами, космосом и росой, рябиной и птицами, запредельным светом и всей конкретикой, созидающей земную жизнь.

Он отпускал стихи на волю, как отпускают птиц; и, кажется, самый воздух радовался, воспринимая великолепные созвучия.

Почти не замеченный столичными журналами, игнорируемый порочной тусовкой, он продолжал свой труд до последних дней – поэт, богатырь, строитель, зиждитель гармонии, творец, дарящий то, что уходит в вечность...

Александр БАЛТИН, редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни»

Валерий МУТИН. Стихи.....

1943

На осаждённый Сталинград
Снаряды сыплются, как град,
Шипит и плавится свинец –
Там бой идёт, там мой отец –
Стрелковой роты замполит,
И Волга за спиной горит.
В строю уже последний взвод...
Февраль. И мне – четвёртый год.

Блуждая, ходим мы по кругу.
Путь к просвещению – не скор.
Произошли мы друг от друга...
И приходим до сих пор!

Я вижу дно сквозь тонкий лёд,
Сквозь облака – звезду.
Пока живу – иду вперёд,
Вслед за звездой иду.

Что ждёт меня – печаль? беда?
Плевал я на беду!
Не упадёт моя звезда,
И я не упаду.

В зимнюю ночь

Где стыннут, укрытые снегом,
Глухие медвежьи углы,
В морозное звёздное небо
Стреляют деревья стволы.

Чем крепче родимую землю
В снега пеленает мороз,
Тем громче стреляют деревья,
Тем больше над родиной звёзд.

Время – свет, что пролетает мимо.
Настоящее – неуловимо.
Что бы ни сказал, ни сделал я –
Это сразу прошлое, друзья.

Александр Лисин

Александр Сергеевич Лисин (1938 – 1980 гг.) родился и жил в Москве, последние годы – в Мытищах. Отец его прошёл войну и умер вскоре после её окончания. Мать одна воспитывала двух детей. Имя Лисина практически неизвестно в нашей литературе. Он не успел и не сумел официально войти в неё – помешала и его чрезмерная скромность, и его необычный дар, глубина которого открывается не сразу. Расцвет творчества пришёлся на 1977 – 1979 гг. Лирика Александра Сергеевича была зеркалом его души, порой не защищённой, но всегда честной и искренней. Такая открытость – большая редкость в поэзии, и, может быть, для самого Лисина она порой оборачивалась неудачами в жизни. То, что его стихи не были опубликованы, то, что его вообще не хотели замечать в издательствах и редакциях, не могло заставить изменить образ жизни. Основным смыслом его бытия было – писать, что он и делал до тех пор, пока не прервался его путь во времени.

(В. Г. Попов о Лисине в 1985 г.)

Конь в сенате

Памяти Дмитрия Борисовича Кедрина

Сенат гудел, топчась в недоуменье:
В столь поздний час – зачем он созван был?
Куда глядеть? Какое нюхать мнение?
О чём смолчать? Под чем разжечь свой пыл?
Но вот, как страх, раскрылись створки двери –
Сенат затих –
Мелькнул известный раб –
Закатный луч, кровавый, как Тиберий,
На плиты пал –
В одеждах лёгких баб,
Тряся шелка, подвесками блистая,
В тяжёлый зал Калигула вошёл,
За ним шёл конь, и сбруя золотая
Цвела на нём, и цвёл в попоне шёлк...

– Внемли, Сенат! – встал в позу император, –
Вот вам собрат! Отныне будет он
Вершить судьбу империи пузатой
Подобно нам!
Он истинно умён –
Люблю его! Он мне, клянусь, милее
Пиров, побед и прочих потаскух!
Ну, что же вы? Приветствуйте и, млея,
Любовь ко мне взлелейте, дети, вслух!

Сенат молчал.
Зады вжимались в кресла.

– Сенатор – конь? – вдруг грянул чей-то глас, –
Кошунство! Бред! Неслыханно!

– А если
я так хочу?
Хочу возвысить вас, –
Ну, кто вы есть? Ослы в парадных тогах!
В сем стойле конь – большая честь ослам!
Пришпорь-ка, Дриск,
Пришпорь-ка их, убогих,
Пришпорь их, раб: пусть радуются нам!

Опять в дверях явился раб известный,
И в зал вступил копейщиков отряд.

И кто-то встал,
Другой поднялся с места.
Хлопок. Стоял и конь,
Спокойно, безучастно,
Как пруд в глуши;
И был в его глазах,
Как чуждый зрак, и Цезаря скуластый
И бледный лик, и бледный этот зал...

И, сев на трон, как кошку, император
Чесал скулу, глядел, как в блюдо, в зал.

– Довольны мы: почтён как император
Мой добрый друг! – усмешливо сказал –
И вдруг привстал, нахмурился сердито.
– Эй, ты, дерьмо, ты что один сидишь?
Ты нам не рад? Не хлопаешь один ты...
Коль мы вошли, нам рады кот и мышь!

Свернув хлопки, сенаторы искали,
Кто сей храбрец – кто этот подлый пёс?!

В шестом ряду стоял почтенный Калий,
И некто, сев, у ног его прирос.

– Прости меня, – склонился Калий низко.
– Сломав бедро, я взял с собой раба...
Он – палка мне,
Он будет строго взыскан
За то, что сел, не превознёс тебя!

– Не палка я, – ответил раб спокойно. –
Здесь – два коня. Здесь два слепых коня.
А вы – та пыль, в которой слепнут кони,
А ты – тот волк, который съест меня.

– Ты слишком смел – для Рима даже – слишком.
Ты слишком глуп, коль мнишь себя конём.
Но так и быть: живи, вращай умишком,
Я – добрый... бог! Заботься, Дриск, о нём! –

И – зло шепнул:
– Убрать!

Но только – гладко.
Свободный Рим не должен крови зреть!

Теперь – дела, – сказал он громко, – взятки.
Кто больше нас, за это, дети, смерть!

26.09.76

Из памяти

Уже светло –
Растёт, как в сказке,
Зерно червонное зари.
Идут, в ручье умывшись наспех,
К покосам лесом косари.
Они идут куда молча,
В ресницах тают хлопья сна,
И косы звякают, и в ёлки
Ползёт с тропинок тишина.
И с ними я иду и косу
Несу лихую на плече.

Иду и я. Москвич. Подросток.
Иду, ничейный, как ручей.
И, знать, с того, что я ничейный,
Мне лес открыт во все концы.
Кабаньи бурые кочевья,
Кикимор тайные дворцы
Зовут меня; я жутко знаю,
Что справа, там, на вещем пне,
Сидела бабушка лесная,
Варила зелье при луне.
И знаю я: в овражке леший
Уснул, корягой притворяясь.
А вон следы: здесь витязь пеший
Бродил
Иль, может, жадный князь,
Искавший клад; а там, под шляпкой...

– Алё, москвич, не отставай!
– Придём домой – известно, тяпнем!
– А нынче знатная трава...

От будних слов, от кашля взрослых –
Досада, гнев! И сжался лес...
И я спешу. Затылки. Косы.
Да запах скомканных чудес.
Досада в спешке быстро тонет,
И лес кончается.
И луч
Улыбок полные ладони
Ко мне протягивает вдруг –
Но грустно мне...
А луч узорный
Звенит, куражится травой –
Но грустно мне, что я был сорван
Со сказки правдашней, живой,
Всё грустно мне...
А Вася Дробин
Уж точит косу, гладит плешь...
– Ну, что, москвич? Валяй, попробуй!
– Глади, ходули не порежь...
И, знать с того, что мне так грустно,
Что грусть моя невнятна им,
Вдруг синий лес ударил в гусли,
И солнце выросло над ним!

27 сентября 1969

Русь, Россия... Родное слово
Пало тайною в душу мне.
Кто ты? Где ты, Россия? Снова
Весь я – будто в глухом огне.
Роюсь в буднях и в книгах роюсь:
Будни душу мотают вздыг,
Книги только лишь память строят –
Город зыбких дворцов да изб!
Кинусь в поле с надеждой встречной:
Ветер ходит, тербает овсы,
Бор сосновый сквозит над речкой,
Вянут капли большой росы...
Ты ли, поле, моя Россия?
Ты ли, ветер, лихой бобыль?
Или будни мои слепые?
Или память? Надежда, ты ль?
Нет ответа... Родное слово
Жгучей тайной в душе живёт,
Бродит жажда и просит крова,

Дали плещут в глаза, – и вот
Я не знаю, какие вехи
Надо вызнать, какой маяк,
Знаю только: слились навеки
Путь к России и жизнь моя.

28.04.76

Импрессионисты

И только жизнь!
Что понял глаз,
Лишь то достойно кисти.
И вот бессмертные у нас,
Глаза закрыв, прокисли.
Хватил их краски паралич.
В их думах бог не сеял.
Пуссен? Сей мастер был велик,
И все мы днесь – пуссены!
Меж тем ни слов, ни франков... Шаг
В Салон – и весь, как в тине...
Дышать – вот Истина! Дышать
И в небе, и в картине –
Дышать! А там – что день и час
На стол земли положат...
Живём. Найдут живые нас.
Долги скостим... быть может...

16.10.78

Андрей Рублёв

Пребуди, как дыханье. И тихо,
Как веянье крыл серафима,
Свети, вдохновенная схи́ма,
На девственность липовых досок.
А там, за белёной стеною,
За долгой свечой монастырской
На страже стоит богатырской
Свободная Русь – на затишье
Цветёт на победном шеломе,
И кровные распри уснули,
И в травах густых утонули
Следы их и плевелы. Длится
Затишье, как ток родниковый,
И зримо Три Дали, Три Бога,
Три Дара стоят у порога.
И девственность липовых досок.

3.3 – 19.4.79

Вечер.
Ветер.
И коконы окон
Быстро гаснут –
И кажется, будто
Это тучные куколочки быта
Превращаются в бабочек лёгких
И, шурша, улетают за счастьем,
Чтобы утром вернуться ни с чем
И опять завернуться в свивальник.
Вечер.
Ветер.
И женская грусть...

28.4.78

Привал на поэтической тропе.....**Дондук Улзытуев**

(5 декабря 1936 – 8 ноября 1972)

Улзытуев Дондук Аюшеевич – один из ярких бурятских лириков XX столетия. Выпускник Литературного института им. М. Горького. Работал в Бурятском книжном издательстве, журнале «Байкал».

Первый поэтический дебют ученика 8 класса Шибертуйской средней школы Д. Улзытуева состоялся в 1953 году с публикацией стихотворения «Голубка» в газете «Буряад-Монголой үнэн». В 1957 г. выпускает первую книгу «Гуурһай гурбан нюуса» («Три тайны пера»). Известный литературный критик И. Пеньковский на страницах журнала «Дружба народов» отмечал: «Улзытуев счастливо от природы наделён подлинным поэтическим даром: у него зоркий и точный, поэтический глаз, активное поэтическое мышление, живая образная реакция на зрительные и духовные впечатления и очень привлекательный лирический голос. Все, о чём он пишет, а вернее, поёт, потому что природа его стихов в основном песенная – это всё подлинно увиденное не только глазами, но и сердцем, внутренним, духовным, зрением поэта. Все это им органически воспринято от народа и естественно кровно прочувствовано».

Был членом Союза писателей СССР. Автор свыше 20 поэтических сборников, изданных в Улан-Удэ и Москве: «Ая ганга» (1961), «Хайранга» (1964), "һолонго" («Радуга», 1966), «Аадар» («Гроза», 1967), «Эрьесэ» («Круговорот») (1968), «Шушы» (1969), «Сагай суурьян» («Эхо времени») (1970), «Ехэ дабаан» («Большой перевал», 1972), «Ая гангын орон» («Страна Ая ганги», 1974), «Хүхын дуунай үе» («Ая ганга, 1986), «36 шүлэг» («36 стихов», 1996), «Шэлэгдэмэл зохёолнууд» («Избранное», 1996) и др.. Его стихи переводили лучшие поэты его времени – Евгений Евтушенко, Станислав Куняев. В Москве изданы сборники «Млечный путь» (1961), «Избранная лирика» (1964), «Олений рог» (1965), «Большой перевал» (1970), «Ая ганга» (1974), «Напев» (1983). Стихи поэта звучат на латышском, эстонском, финском, татарском, белорусском, казахском, калмыцком, монгольском, венгерском языках, печатались на страницах журналов: «Байгал», «Байкал», «Юность», «Дальний Восток», «Смена», «Огонёк», «Знамя», «Дружба народов», «Сибирские огни». Перу поэта принадлежат лирико-публицистические сборники: «Беспокойное сердце», «Бүрэн Хаанай хормойдо» («У отрогов Бурин-Хана», 1971). Дондук Улзытуев широко известен и как поэт-песенник. Задушевность, сокровенность, лиричность присущи его популярным песням «Гунсэма», «Лирическая песня», «Осенняя песня» и др.

Перевод с бурятского языка Любви Дубковой

Любовь Дубкова родилась в 1959 г. в городе Троицке Челябинской области. Живёт в Челябинске.

Член Союза писателей России.

Окончила курсы литературного мастерства Нины Ягодинцевой. Пишет стихи и прозу, первые публикации в 1976 г. Автор пяти поэтических книг. Стихи, проза и переводы опубликованы в сборниках, журналах, альманахах. Участник лаборатории художественного перевода «Мосты над облаками».

Победитель, лауреат, финалист ряда российских и международных литературных конкурсов.

В сиянии серебряной луны

На ясном небе звёздный хоровод,
Природа дремлет за окном открытым.
Глядит на землю взглядом любопытным
Холодная луна с крутых высот.

Спит всё живое в городе моём,
Пустынны ночью тихие проулки,
И в чуткой тишине, чеканно-гулкой,
Далёкий поезд соловьём поёт.

И лишь завод работает сполна
И дышит в небо дымом разноцветным.
И я не сплю. В тумане сигаретном
Сижу один в каморке у окна.

Смотрю, вздыхая, на лицо луны.
Надменная в ответ глядит с усмешкой.
Потоки мыслей догоняю в спешке,
И все слова бесценны и важны.

Я гибкость рифм из речи достаю,
В её глубинах мудрость родовая.
И лучших дней страницы вспоминая,
Я вдохновенно о любви пою!

Всю ночь луна баюкает меня,
Сны долгие упорно навевая,

А тополя, тихонько напевая,
Внушают мне мечту о звуках дня...

Речка с базальтовым дном
В тальниках мёрзнет в пути.
Сердце пленяя огнём,
Осень плутает в степи.
Гривами кони мели
Поздних подснежников цвет,
В мареве синем земли –
Осени долгий рассвет.
В ясном сиянье луны
Юность блеснула в воде.
В дали умчались челны...
Где ты, любимая, где?

Цветочный венок

Из расчудеснейших цветков,
Из красно-пестрых лоскутков
Сестра и тётушка сплели
Венок, чтоб кудри расцвели.
Мы так красивы были с ним,
Вокруг – простор и высота!
И надо мною, словно нимб,
Порхала бабочек чета.

Юности давней беспечные дни
Вдаль по Арбату навеки ушли?
Изморозь жизни лишила тепла?
Что же? Игривость души отцвела?
Нрав мой, широкий и добрый весьма,
Сузился от прибавленья ума?
Вольность полёта стихов, что была,
Съёжилась до полувзмаха крыла?

Речку, что раньше журчала внутри,
В мёртвую лужу свели ноябри?
Благоуханье лиловых цветов
Вдруг превратилось в осоки альков?
Солнечным берег остался не смог?
Ржавым болотом простёрся у ног?
Певчие птички из жизни моей
Скачут лягушками в слякотность дней?

Нет, всё не так! Хоть сейчас я старик,
Слово хранит свой невидимый ритм.
Встану я бодрым и смелым с утра,
Лучше, свободней спою, чем вчера.

Лживых, пустых, от лукавого слов
Вписывать в рифмы свои не готов.
Мысли коварные я запрещу,
В душу невинную их не впущу.
Будет со мною прекрасная степь
Песни родные гортанные петь.
Чтоб материнский родимый язык
Каждому в сердца глубины проник.
Жизни и свету учила нас мать,
Мудрые мысли в поэмы слагать.

В меру своих вдохновенья и сил
Родину буду свою возносить!
Ведь из глубинных слоёв бытия
Множится мощная сила моя.
Золотом сутры богат мой народ,
А на страницах – истории плод.

Срежу петлю – одиночества яд,
Сброшу его хитроумный наряд.
Стану для тысяч людей соловьём,
Счастья их гордым и верным певцом.
Дней молодых чистота в зеркалах,
В струнах певучей души ожила.
Солнце мне светит и ночью, и днём,
В небе лазурном сияет огнём.
Слов, что хочу я и должен сказать,
Мало, по пальцам могу сосчитать.
Песни былинной начало роста
Нет, не проклюнулось в сердце пока!

В степи

Как хорошо в степи родной –
Над головою неба синь!
Возможно всё – танцуй и пой!
Веселью – час, заботы скинь!
Скакать и прыгать можешь ты –
Никто тебе не запретит!
И вволю громко посвисти –
Никто ни в чём не обвинит!

Бежали наперегонки –
И все мы были наравне!
Боролись весело дружки,
Не уставали в толкотне!
Я глянул в сторону села,
Мне показалось – далеко-о.
Вот так всегда бы степь цвела!
И было радостно-легко!

Лирический стих

Люблю проталинок журчащих
Хрустальный аромат вдохнуть.
К весенней мураве всё чаще
Мне сердцем хочется прильнуть.

Ты миражи во сне увидишь,
Раскосые глаза прикрыв.
Душою чистой не обидишь,
Обнимешь, все печали смыв.

На зеленеющей планете,
Познав любви взаимной вкус,
Ты изучить смогла приметы
Людей, живущих страстью муз.

И в шумном городе однажды,
Когда бесцельно я блуждал,
Ты, как спасение от жажды,
С улыбкой милой подошла.

Ты стала для меня подарком,
Всегда была со мной нежна.
Тогда я понял сердцем жарким,
Что мне лишь ты была нужна!

Но дни бегут, сливаясь в годы,
Тускнеет образ без огня.
И созревают в мыслях всходы,
Что ты померкла для меня.

Дыхание твоё не греет,
Родное имя не звенит.
И Сагаан Морин сильнее
К истокам стал меня манить.

Пожары, наводнения и смуты,
Все горести и счастье, бремя смерти –
Земле задумчивой приснившись будто,
Исчезнут в межпланетной круговерти.
Зима и осень, лето, солнца блики,
Весна, любовь и жизненные реки –
Вселенной драматические лики –
Спектакль сыграют и уйдут навеки.

Грехи людей, и правда, и обманы,
И зимней сумрачности бесконечность,
Как древних устных сказов караваны,
Словесных волн стихия смоев в вечность.
Проходит всё, исчезнув безоглядно,
Во времени теряется и рвётся.
Не верь, что всё уходит безвозвратно,
Когда-то на круги своя вернётся.

Свет поэта Владимира Соловьёва

Соловьёв Владимир Николаевич родился 19 мая 1937 года в деревне Сосновица Удомельского района в крестьянской семье младшим ребёнком из четверых детей. Рано остался без родителей. Семилетку окончил в Молдинской школе. В 1953–57 гг. учился в художественно-ремесленном училище №72 города Калинин (ныне Тверь). Одиннадцать лет (1957 – 1969) работал печатником на Калининском полиграфическом комбинате. Стихи начал писать с 1957 года. В мае 1959 года появилась первая публикация в газете «Ленинское знамя». В 1969 году вышел первый сборник стихов «Верхневолжье», и в этом же году В. Соловьёв был принят в Союз писателей СССР. В 1971–73 гг. обучался на Высших литературных курсах при Литературном институте им. М. Горького. Издано 7 сборников стихов. В 1981 г. В. Н. Соловьёв приехал в село Осечно Вышневолоцкого района, где прожил более 17 лет. С 1988 по 1994 год работал библиотекарем Осечновской сельской библиотеки. Умер 7 января 1999 года. Похоронен в селе Осечно.

... Света хочу для души,
Ясного тёплого света.

В. Н. Соловьёв

Творчество Владимира Николаевича Соловьёва нахлынуло на меня волной тепла и света 8 лет назад, когда я – человек, далёкий от поэзии (математик по образованию), поняла, что у меня в голове каким-то непонятным образом стали появляться стихи. Это было странно и загадочно, и я начала штурмовать полки со стихами в местной библиотеке, наслаждаясь рифмой, ритмом, образами в произведениях известных поэтов.

Прочитала все сборники Владимира Николаевича, что нашла – «Верхневолжье», «Горькая сирень», «Дожди добра», «Берёзовый просёлочек». Кроме того, чудесным образом обстоятельства сложились так, что я попала на «Соловьёвские чтения» в село Осечно, где поэт жил и работал. Именно здесь он написал большинство своих произведений, здесь его творчество расцвело, показывая глубину и искренность каждого образа. А это был сложный период для всей нашей страны – 90-е годы.

Здание библиотеки – обычный деревенский пятистеночек с просторным залом и рядами стеллажей с книгами, в красном углу с любовью оформленная экспозиция, посвящённая В. Н. Соловьёву – фотографии разных лет, сборники его стихов, личные вещи. Затаив дыхание, слушала трогательный рассказ библиотекаря о жизни вышневолоцкого мастера слова, с которым она была знакома лично.

Позже, благодаря удивительному стечению обстоятельств, познакомилась с вдовой поэта – Галиной Дмитриевной Беляковой – и в задушевных беседах узнала о том, что это был очень простой, трудолюбивый человек, который сам построил дом, держал скотину, любил рыбалку, ходил в лес по грибы и ягоды, всей душой переживал разорение деревни в 90-е.

Всё, о чём болела его душа, он отражал в своих строках, читая которые, сам проживаешь и «Утренний рассвет» и как «Добывали лося».

Благодаря Галине Дмитриевне, сохранившей рукописи, мы можем познакомиться ещё с одной гранью таланта поэта – литературными пародиями.

Алла Елисева,

руководитель литературного объединения «Вместе» (г. Вышний Волочёк, Тверская обл.)

.....

Будешь сам нести свой личный ужас,
Будешь сам вгонять в строфу свой вздор,
И как жизнь уходит, обнаружишь,
Как холодным потом льёт из пор.

Владимир Корнилов

Я в стихи напишкаю кошмары
И навоз внесу навеселе,
Будет запах, словно от кошары,
Или от свинарника в селе.
Передам другим свой личный ужас,
Так, что и немые заорут,
Умудрю такое, поднатужась, –
Футуристы встанут
и помрут.

Чувствую,
Что даже вырастаю,
Что меня забудут – не боюсь,
А когда всё это прочитаю –
Сам холодным потом обольюсь!!!

.....

Находились мы в резиновых сапожках,
Мы теперя мягких тапочков хотим.

Виктор Коротаев

Каюсь я,
Что стал в деревню ездить редко,
Позабыл, чем пахнет свежий каравай.

Насиделся я на твёрдых табуретках.
Мне теперя мягких креслов подавай.
Никогда я не бывал в поджилках слабым,
Всё люблю я в нашем северном краю,
Предпочтенье отдаю люля-кебабам,
Я события из газетов узнаю.
В новых тапках дефилирую в квартире,
Даже вспомнил раз про сеновал,
А на улице девчата, словно в тире,
Из глазов меня стреляли наповал.
Так живу я.
И так время коротаю.
Я люблю с пластинки слушать соловьёв.
Пусть мне скажут,
Что не моден Коротаев –
Я пальну по ним дуплетом
Из ружьёв!

.....

Её кусали муравьи,
Меня кусали комары.

Николай Глазков

Любовь сродни искусству,
И здесь границы нет:
Ты любовалась
люстрой,
Я изучал
паркет.

Поэтический снег итогового выпуска СМОГ-2022 – №6/94/

Лев Рябчиков, рассматривающий через метафизические призмы предлагаемую действительность, пользуется широкими красками предельной густоты – чтобы повышалась словесная выразительность, сгущалась и загорались в ней огни осознания:

Ещё закат, а уж рассвет.
Их переход неуловим.
Отцветшей жизни лёгкий дым,
Росинки выкипевших лет...
Надеемся на переход
Из жизни нынешней в иную,
Бескрайнюю, вневременную,
Где миг протяжнее, чем год.

Внимательно, чтобы каждая слёзка стала отчётлива, исследует Рябчиков мир, его содержание, сущность людей, стремясь вывести коды своеобразной сути.

Финальный номер 15-го сезона «СМОГа» (2008 – 2022) предлагает поэтические ленты, развивающиеся на морозном, крепко прокалённом воздухе, что, разумеется, не исключает и юмористических оттенков, предлагаемых, например, **Александром Шерстюком**:

Сладкоежкам вкусно естся
естся вкусно шоколадно
им живётся дивно ладно
шока им никак не надо

Своеобычен играющий звук, и естественность содержания растворяется в пространстве: хотя и взята из него.

Краток **Николай Ерёмин**: и краткость эта насыщена переливами и оттенками мысли, всегда укрепляемой иронией... такого – бархатного отлива:

О, утешь меня словом любви!
Отогрей, за собой позови –
В тишину, к неземным небесам...
А усну я, пожалуй что, сам...

Жизнелюбие поэта множится на мудрость, полученную с опытом лет, и кристаллы четырёхгранников четверостиший вспыхивают на солнце духа.

Нежность и точность, соединяясь, определяют поэтическое дыхание **Ольги Борисовой**:

Миллионы снежинок слетали с небес,
Осыпались, ложась на просторы.
Неземные цветы из кладовки чудес
Создавали на глади узоры.

...

Белоснежную нежность второй день подряд
Дарят нам просветлённые своды.

Сладкоголоса игра словесных жемчужин: что не исключает печали, порой овевающей строки Борисовой.

Новогодние мотивы **Игоря Елисеева** вспыхивают своеобразием конфетти природного свойства, и лирические темы, захлёстываясь жизненной конкретикой, дают интересный симбиоз:

Я встретил Новый год в пути.
Снежинки, словно конфетти,
над городом летели.
Я думал: «Милая, прости,
но у меня поют в груди
безумные метели».

Нежная грусть, прослаивающая стихи **Александра Костерева**, ассоциативна – имею в виду культурологический план, хотя и – естественна:

Сколько трагичности в мире: туманы и реки...
Ёжики бродят в траве, в городах –
человеки, в тайной надежде отведают душистого чая,
с другом/подругой вечерние звёзды считая...

Игорь Егоров, исследуя контрастность жизни, находит особую прелесть именно в подобном насыщении бытия:

Ты будешь слать мне письма из Парижа.
И вдруг представлю я тебя той Самари*,

Волшебно-светлой, золотисто-рыжей!..
И что тогда вообще календари?!

И ты навстречу – только позови!
И нету расстояний для любви!..
(*Жанна Самари – известная французская актриса)

Что ж – так и есть: именно чередование различного даёт почувствовать житейскую полноту.
Неожиданна жильная мощь, проходящая сквозь поэтические руды **Николь Воскресной**: и тут игра исключается, ибо всё рассматривается трагично, смертельно, всерьёз:

Святые жилы,
пустые сны.
Слепые силы,
все те, что живы,
в сезоне опадающей листвы.

Наш поезд возвращается из ада,
мучительно и молча выживать,
так словно горевать осталось лишь по листопаду,
засада дней всем и судьба, и мать.

Сергей Шилкин исследует зловещий феномен современного противостояния, где – кто прав? – решать каждому для себя:

Тихим шёпотом в три герца –
Браво, Путин! Вот где прав ты! –
Донести хочу до сердца
Мира скверны голос правды,

Врать способности лишая.
Хватит править санкюлотам!
Вновь идёт Игра Большая
Меж Россией и болотом.

Дух трагедии раскалывает поэзию **Леонида Карпова**; трагедии, впрочем, выясняемой через доли деталей, из бесконечной суммы которых и состоят жизнь и мир:

В новом корпусе к обеду
ждали беженцев – и вот
в полный голос «едут! едут!»
кто-то крикнул у ворот
в тот момент, когда «газели»
и «буханки», все в пыли,
посигналив, еле-еле
в санаторий заползли.

... много белизны, то есть символа чистоты – в поэзии **Алёны Ивановой**: и раскрывается она нежными, тонкими цветами... в том числе сказки:

Шаг – след, лёгкою поступью
Путь календарный торя...
Настом – листов белоснежные россыпи...
Хрупкие дни декабря.

Грань. Миг. Ель с мандаринами.
Трепетно замерший вдох...
Нечто заветное, нечто старинное...
Стрелки на риске эпох.

Вспыхивают огоньки и искры поэзии **Дарьи Фоминой** – очень искренней, разные эмоции свивающей в словесные орнаменты:

На улицах города снежный парад.
Такой может только присниться!
А дети гурьбою спешат в детский сад.
Бегут... У них радость на лицах!

Метель подметает отчаянно снег
И ветер-проказник резвится.
А ёлочка каждой иголкой кричит:
«Ребятки! Пора веселиться!».

Нежность бабушкиных сказок славно оживёт в поэзии **Ирины Апарченко**, словно возвращая в тот период, когда небо огромно и всё так чудесно:

Вишенки на белом покрывале,
За окном разбойница-метель...
Бабушкины сказки оживали,
Забирались вечером в постель.
Белой горкой высилась подушка,
Кружевами штор висел мороз,
Самую любимую игрушку
Снежной Королеве Кай унёс...

Пушистые от снега, прошитые солнцем радости разойдутся линиями плотных строк стихов **Татьяны Белявской**:

Не по-земному тихо-тихо
Под зимней неба синевой,
А днём ещё метель-крутиха
Являла миру норов свой.
Сочельный вечер снегом чистым
Укрыл асфальт и дерева.
В наряде свадебном пушистом
Стоит сирень, дыша едва...

Поэзия **Валерия Румянцева**, совмещающая различные пласты жизни, очевидно, исходит из возможностей световой вертикали, постигаемой поэтом через гармонию собственных созвучий:

Дорога жизни скручена в спираль.
Витки её с годами всё короче.
И впереди встают за далью даль,
Как череда туманных многоточий.

Ирина Китова представляет своеобразный портрет души – через портреты пейзажей и внутренних состояний, им соответствующих:

Я влюбилась в тебя по осени.
Этой мороси благодать...
Этим листьям, в садах разбросанным,
Было весело умирать.
Под раскидистой чёрной сливою
Обживался фонарный луч.
Пела осени: «Будь счастливою
И бессонницей сладкой мучь».

Интересно фантазия диктует ощущения **Светланы Войтко**:

В тёмном купе одни
Мчимся среди миров.
Мимо летят огни
Призрачных городов.
Ты допиваешь чай –
Вечности эликсир.
Музыка горяча,
В ней догорает спирт.

Будто впрямь: вспыхивают миры окрест, разлетаются искрами необыкновенности...
Фантазия же определяет поэзию **Нины Турчиной**:

Дед Мороз был когда-то юным,
Не носил бороды и усов,
Он ходил по аллеям лунным,
Ждал принцессу Метель у мостов.

Из мерцающей платье ткани,
Из снежинок на шляпе вуаль,
Запряжённые ветром сани
Уносили мечту его вдаль.

Фантазия, нежность, будущая праздничность.

... много различного снега высыпано итоговым в 2022 году выпуском СМОг №6/94; много светового, играющего, искрящегося, подлинно поэтического...

П р о з а

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Анжелла СЕДЫХ

г. Киренск, Иркутская обл.

Зав. отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Криволукская водица

Рассказ

Январские утренники нас балуют. Мы, русские, подспудно ждём цифру на уличном термометре минус пятьдесят. Сибирский люд воспитан гордой, суровой природой, кровно сросся с климатическими «качелями». Но в Крещенский сочельник – навечерие Богоявления – было под сорок, царские часы обыкновенно совершились в Спасском храме. А на реке в православных приходах с особым трепетом для великого таинства уже приготовили иордани и мирно ожидали прихода батюшки, который исполнил бы тысячелетний обряд.

После Великого Водосвятия в Киренске путь лежал в Кривую Луку. Выехали сразу после обедни. По рассказам очевидцев, не было случая, чтобы не припозднились. В этот раз приехали в самую нужную минуту. По дороге заметили укутанных по самую «макушку» молодых баб с длинными белёсыми ресницами, которыми их наградила мороз. Аппетитные морковно-свекольные лица их, покрытые изморозью, дивно горели среди белой равнинной излучины.

Молочно-туманные сени дня расплзлись над всей Ленской обителью. Кривая Лука – особенный её придел. Разлапистые сосны и высокие старинные ели добавляют вкуса столь тихому, затерянному среди таёжных дуг жительству. Старая, обнесённая на треть сугробами, каменная безглавая дырявая (деревянная крестильная луковка у крыльца схоронена) церквушка, уже полнилась женской половиной, мужчины, кроме водителей, ожидали у проруби. Совсем тесная внутри из-за ремонтного перекрытия, но облюбованная людьми Николаевская обитель встретила гостеприимно. Стены понизу на времянку были обшиты утеплителем, чтобы не собирать на одежду известь. Это так по-деревенски, как и электрически подогреваемый пол, который устелен тканями половичками. Плотно дышали в лицо священнику стоящие на молитве, и в таком скупом молчании ловили каждое проникновенно-сказанное слово иерея Сергия (Власова). На незамысловато устроенном клиросе пели матушка Татяна и «мельничная» послушница Галина. Звучало прошение: «О еже быти воде сей, освящения дару, грехов избавлению, во исцеление души и тела черплющим ю и емлющим, во освящение домов... и на всяку пользу изрядну (сильную)». Потом оживились, вышли на крутой мороз и двинулись вереницей вдоль высоких сугробов до самой иордани с Богородичными иконами, ликом Самого Иисуса.

Справа, на взгорке, кособоко повис старый свидетель баркас, такие уж давно с производства списаны. Но он как будто ожидал очередной навигации. Широкие сосновые кряжи словно держали оборону, прикрывали собой утонувшие под насыпанной из небесных тюков снежиной, простые деревянные домики, обнесённые изгородями. Почему-то здесь, на быстрине, под кристально-голубой коркой льда, казалось, что вода чище и вкуснее. Мы её с батюшкой из ковша испили и в Киренск бутылку свезли. Девоньки склонились над прорубленным крестильным озерцом и стали умывать лицо, споласкивать руки, умыли и меня святой водицей, сама я ознобила руки от камеры. А она (водица) совсем не кусалась. Тёплая. Батюшка нас кропил так, что она глубоко за шиворот укатилась. Сколько было счастья на лицах!

Деревенский уклад иной, в нём всё на ветру и на виду. Не пропустишь, даже если хотела бы, мелочей, сами на рожон лезут. Одна баба в самый разгар таинства прикатила на санках пузатую хозяйскую флягу и в припаске ведро. В Киренске по этому поводу пошутили над одним похожим дедком – «мол, тебе до Пасхи-то хватит?». Улыбнуло.

После чина освящения воды мы с родственницей Люсей архарами помчали к дядюшке обняться. И с такой же скоростью, но уже гружённые крупной садовой ягодой и мороженой щучкой мчали наперерез машине. Потом этот ледяной пакет стоял на коленях, но в нём лежали самые дорогие гостинцы. Кстати, крещенскую водицу в деревне по домам развозила пожарная машина. Вот уж если наливать, так бочками. Приспособились, чего тут таить. Не коромысло гнуть!

Издравле принесённой в дом освященной водой хозяева окропляли дом, людей, двор, огороды, лили её в колодец, добавляли в корм скоту, в бочки с вином. Говорили, что «в богоявленную ночь небо открывается, о чём открытому небу помолишься, то сбудется». Пусть святая Агасма (с греч. «святыня») нас всех сделает чище и добрее. И душа, и речь нуждаются в очищении.

Наталья ЯЧЕЙСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Рассказы за чашкой чая», «Пути земные и небесные» и др.. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

В окрестностях Гуйлиня

Рассказ

Красива и разнообразна природа Китая. Много там дивных, поражающих воображение мест – гор, рек и озёр, современных городов и патриархальных деревушек. Но из всех мест, где мне довелось побывать, особенно запомнился Гуйлинь.

Наша организация в Пекине занималась не только экономическими проектами, но и развитием регионального туризма. Как-то раз нам предстояло провести в одной из провинций Китая международный семинар. Кандидатов на проведение этого мероприятия явилось предостаточно: региональные власти Китая прилагают большие, порой титанические усилия не только для развития вверенных им территорий, но и для привлечения туристов. Здесь, конечно, в первую очередь проявляется желание заполучить инвестиции и развить инфраструктуру, но сказывается и тщеславие, присущее китайским чиновникам, – всем хочется, чтобы их регион стал известным, популярным, чтобы о нём говорили широко и в восторженном тоне. Таковы были и власти Гуйлиня, приславшие заявку на проведение семинара. Поступили предложения и от других провинций. Когда я советовалась со своими китайскими коллегами о выборе места, они в один голос повторяли «Гуйлинь! Гуйлинь!», и их лица расплывались в счастливых улыбках. В конечном счёте, мы остановились на Гуйлине и совместно с региональной администрацией начали подготовку к предстоящему семинару. В небольшую группу, выезжающую в Гуйлинь, вошли, помимо меня, Ма Тао, прожившая до того в Гуйлине несколько лет и хорошо знавшая эти места, Ляо и кореец Пак. Командировки в другие регионы всегда были для нас важным и ответственным делом, но в тот раз к деловому настрою примешивалось и какое-то радостное возбуждение моих коллег, которое постепенно передалось и мне.

Город Гуйлинь, располагающийся на юге Китая в Гуанси-Джуанском автономном районе, широко известен среди китайцев своими необычными природными красотами. За пределами же страны о нём мало кто слышал. Я сама к тому времени имела только общее представление о Гуйлине, знала, что это – древний город, расположенный на реке среди холмов, сформированных известняковыми карстовыми породами. И это практически всё. Так что увидеть знаменитый Гуйлинь своими глазами мне тоже не терпелось.

И вот после нескольких часов авиаперелёта наша группа оказалась в Гуйлине. Несмотря на усталость, мы тут же направились на встречу с местным руководством, чтобы обсудить предстоящий семинар и провести необходимые приготовления. Заместитель мэра и представитель коммунистической партии (играющей в Китае главенствующую роль) встретили нас с большим радушием. Они явно гордились тем фактом, что у них в городе будет проведено международное мероприятие с участием ООН.

Закончив подготовительные дела, мы с коллегами отправились прогуляться по городу. Стояло начало осени – замечательная пора для здешних мест. Гуйлинь утопал в зелени и цветах, и в то же время уже не чувствовалось изнуряющей жары, господствовавшей здесь летом. На набережной реки Ли то и дело встречались группки людей, занимающихся гимнастикой тайцзи, а некоторые безмятежно спали, лёжа на камнях, подложив под голову свёрнутую одежду. Миновав Пихтовое озеро, мы оказались в обширном парке с поэтичным названием «Парк семи звёзд». Отсюда уже хорошо просматривались высокие холмы; считается, что их расположение напоминает собой ковш Большой Медведицы из семи звёзд – отсюда и название. Парк, как и весь город, удивлял красотой и ухоженностью. Мы с удовольствием бродили среди тишины и безмолвия по гравиевым дорожкам среди мостиков и прудов, поросших водяными лилиями. Усталость и напряжение отступали, и даже кореец Пак, впервые оказавшийся один в инородной среде, раскрепостился и шутил, с удовольствием взирая по сторонам.

Местные власти со всей ответственностью подготовились к мероприятию. Приём, оказанный прибывшим гостям, многие из которых были в Гуйлине впервые, интересные презентации и доклады произвели на участников должное впечатление. В перерыве мы отправились в ресторан, где для участников был устроен обед наподобие «шведского стола». Мои китайки, а за ними и Пак в крайнем возбуждении бросились к котлу с лапшой, поясняя мне на ходу: «Гуйлиньская лапша! Известная гуйлиньская лапша! О-о-о!». Оказалось, что рисовая лапша по-гуйлиньски известна во всём Китае и считается одним из самых вкусных блюд. Я, конечно, тоже отведала её, но, честно говоря, без особого удовольствия. Желтоватая, довольно острая на вкус; видимо, без должной подготовки трудно оценить её по достоинству.

Семинар наш завершился уже вечером. И организаторы, и участники остались довольны. Тут были делегаты из министерств, туристических и логистических компаний со всей Азии; обмен опытом и живые беседы способствовали установлению новых связей и развитию новых туристических маршрутов. Вечером нас ждал торжественный ужин. В большом зале стояли десятки круглых столов, украшенных цветами. Вежливые официанты в национальных костюмах с большими подносами в руках ловко перемещались между столами. Меню пестрело экзотическими названиями местных блюд: фаршированные улитки, *пицзю юй* – рыба, приготовленная в пивном бульоне, *мати чжэнжоу бин* – паровые пельмени с каштанами, и многое другое. Не могу сказать, чтобы всё пришлось мне по вкусу, но в целом гуйлинская кухня оказалась сытной и вкусной. Глава местной администрации Чжен Янь, соблюдая этикет, обходил по очереди все столы, произнося приветственные тосты. И у него в руке, и на столах присутствовал известный напиток Гуйлина – водка *сан-хва* (трилистник). Когда дошла очередь до нас и я сделала глоток этого напитка, будто огонь обжег мне горло. А Чжен Янь, пополнив в очередной раз свою рюмку, опустошил её залпом и со счастливой улыбкой направился к следующему столу. Ну и крепкий же народ, эти гуйлинцы!

А на следующий день нас ждал круиз по реке Ли до самого Яншо – ещё одного старинного города, известного не менее, чем Гуйлинь.

Ранним утром мы погрузились на небольшой теплоход и отправились в путь. И тут взору стали открываться совершенно невероятные красоты, становилось понятно, почему гуйлинский пейзаж издавна называли «первым пейзажем под небом». Река то и дело петляла, за каждым поворотом вырастали причудливые холмы, напоминая собой стадо прилётших отдохнуть огромных верблюдов. Эти зеленовато-голубые холмы, то разбегаясь, то группируясь, образовали в течение веков столь дивные картины, что начинало казаться, будто всё происходящее – мираж. Кораблик медленно продвигался вдоль реки, а наш гид давал пояснения, указывая по сторонам: «Вот Слоновый хобот (скала и впрямь похожа на слона, опустившего хобот в воду), вот Пик Летучей мыши – видите, он напоминает собой летучую мышь. А вон те скалы – это Драконы, играющие в воде». Названия скал звучали поэтично и самобытно: «Ждущая мужа», «Мальчик, молящийся Гуаньинь», «Тень девяти лошадей»... Скалы изрезаны глубокими пещерами, на вершинах заметны порой невысокие пагоды. Вот мы проплываем Лунную гору с пещерой, и мне представляется, каким волшебным выглядит этот пейзаж в лунную ночь! Вспомнились строки Ли Бо: «*Ночь благосклонна\к дружеским беседам,\ а при такой луне\ и сон неведом*». Накануне в Пекине я посмотрела спектакль «Поэт Ли Бо», где было всего четыре действующих лица – сам поэт, Луна, Вдохновение и Вино. Ли Бо всё время метался между ними, не находя покоя, не зная, чему посвятить себя. Да и можно ли выбрать что-то одно, когда всё так переплетено и взаимосвязано? Ли Бо жил в начале VIII века при династии Тан на юге Китая. Предпочёл свободу и странствия высокой должности при дворе. Тогда его поведение казалось многим эпатажным и безрассудным, но прошли века – кто помнит именитых вельмож? А строки Ли Бо по-прежнему на слуху: «*Как на картине\ громоздятся горы\ и в небо лучезарное глядят*»...

Наш путь продолжается. По берегам узкой реки раскинулись высокие холмы, тянутся бамбуковые и пальмовые рощи, ветхие хижины с соломенными крышами в небольших деревушках; бредут вола, обрабатывающие землю; женщины, сидя на подмостках, полощут в воде бельё. Временами туман сгущается, и вершины холмов словно парят в воздухе. Дивна природа в окрестностях Гуйлина! Как подходит она для мирной жизни, созерцания, для творчества поэтов и художников. «Здесь ведь тоже важно не перестараться с привлечением туристов, – вдруг подумалось мне. – Во всём нужна мера. Иначе так просто утратить гармонию, существовавшую тысячелетиями!»

Мои размышления прервала стоящая рядом Ма Тао:

– Правда, красиво! Я просто влюблена в этот край! А скоро мы уже прибудем в Яншо. Ты знаешь, что «Яншо» переводится как «Яркая Луна»?

И вот, миновав Пик Зелёного Лотоса, мы прибыли в Яншо. Пристань поразила разнообразием красок и шумной суетой, слившимися в пёструю картину: узкие лодки, пришвартованные у берега, торговцы сувенирами, расположившиеся прямо на земле, снующие в разные стороны люди, небольшие серые домики, рядами теснящиеся вдоль набережной. К рыбакам в соломенных шляпах, стоящим в лодках и на плотках, то и дело подлетали крупные бакланы с рыбами в клювах; громко хлопая крыльями, они бросали пойманную рыбу в широкие плетёные корзины и снова улетали.

– Это наддрессированные бакланы так ведут здесь улов, – пояснила всезнающая Ма Тао. – Но самих этих птиц есть ни в коем случае нельзя: они так ненавидят постоянную рыбалку, что в их мясе образуются ядовитые вещества.

Прибыв в Яншо, мы отправились размять ноги, побродить по узким улочкам старого города. В Яншо приезжает много туристов, поэтому здесь на каждом шагу расположены сувенирные лавки и уютные ресторанчики. Особенно много их на Сицзе. Как раз настало время обеда, и мы своей маленькой компанией расположились в одном из открытых кафе этого района. По совету Ма Тао заказали жареного линя и *юпи нян* – грейпфруты, фаршированные свининой. Невероятно вкусно. Вообще, глядя, как много и с удовольствием готовят и едят китайцы, можно было бы ожидать у них

проблем с избыточным весом. Но нет, напротив, они, как правило, поджары и крепки – видимо, расходуют очень много энергии. Пока мы ели, нас плотным кольцом обступили смуглые продавцы сувениров, с нетерпением ожидавшие конца нашей трапезы. Как только мы расплатились, они набросились на нас, наперебой предлагая свой товар – изделия из шёлка, дерева и кожи, грибы и орехи. Купив какие-то мелочи, скорее для того, чтобы отделаться от них, мы направились в местный парк, полный диковинных цветов и растений. А вечером нас ждало нечто совсем уж необычное – театральное представление на открытом воздухе.

Когда стемнело, все собрались на пристани и под чутким руководством Чжен Яня отправились в театр, весьма самобытный и ничуть не похожий на привычные нам театры. Это оказалось старинное здание, стоящее у самой кромки огромного озера. Нас провели прямо к входу. Поднявшись по скрипучей лестнице на второй этаж, мы оказались размещёнными в ложах, на резных креслах, обложенные подушками. Вместо сцены перед публикой простиралась водная гладь. На невысоких столиках у кресел стояло заботливо приготовленное угощение – орехи, финики, фрукты. К ночи заметно похолодало, поэтому положенные рядом мягкие пледы оказались весьма кстати.

Настало время представления, которого все ждали с большим нетерпением: ведь его главным продюсером был сам Чжан Имоу, главный режиссёр грандиозной церемонии открытия летних олимпийских игр в Пекине 2008 года! Но пока в сгущающейся темноте угадывалось лишь обширное озеро – в небе сияла белая круглая луна, и её отражение застыло в воде. Я так устала к тому времени от хлопот предыдущих дней, что готова была довольствоваться созерцанием яркой луны и тихой ночи. Сидя в резном скрипучем кресле среди мягких подушек, вдыхая незнакомые приторные запахи и лениво лакомясь экзотическими фруктами, я чувствовала себя знатной вельможей при средневековом императорском дворе. Но вот заиграла плавная музыка, лучи прожекторов осветили пространство – и на «сцене» предстала удивительная картина: вдоль береговой линии текла, казалось, простая деревенская жизнь: неспешно перемещались крестьяне с разнообразным скарбом; рыбаки разбирали в лодках свой улов; за парой буйволов, вспахивающих поле, медленно шёл старик; женщины с детьми выходили из домов и занимались во дворах привычными делами, мычали коровы, вскрикивали птицы... Мы словно переместились в обычную деревню, где жизнь шла своим чередом и никто не подозревал о внимательных зрителях.

Свет померк, и снова всё погрузилось в глубокую тьму. «Ах!» – таким возгласом встретили зрители появившуюся вдруг на небе вторую луну – копию настоящей. И вот она стала увеличиваться в размерах, и на ней явственно проступили подвижные контуры зайца. Среди публики, значительную часть которой составляли туристы-китайцы, возникло оживление: ведь каждый китаец знает, что на Луне испокон веков живёт Белый заяц, который толчёт в ступе порошок бессмертия! В небе вспыхивали и гасли звёзды, распускались салютом огромные цветы, проплывали челноки с красивыми девушками и юношами. Но мне от этих спецэффектов стало неуютно, и я была рада, когда музыка смолкла и на небе снова воцарилась одна-единственная луна.

На миг всё вокруг снова погрузилось во тьму. Прошла минута, другая. И тут раздались чуть слышные звуки лютни, а в приглушённом свете на горизонте показалось какое-то движение. И вот уже изгибается на глади озера длинная-преддлинная змея, приближающаяся к зрителям. Музыка напоминала то журчание ручья, то шум ветра, в неё вплеталось мелодичное пение, становившееся всё громче. Когда «змея» приблизилась, она оказалась бесконечной цепью людей, движущихся в лодках как единое целое и поющих в такт музыке! Одетые в национальные костюмы, с яркими веерами в руках, с коромыслами на плечах, они словно плыли по озеру, производя движения плавные и синхронные, и не было видно конца этой процессии. Картина эта производила завораживающее впечатление своим размахом и великолепием.

На следующий день я спросила Чжен Яня, откуда берётся такое множество артистов для столь масштабного представления. «Так это всё местные жители, – ответил он. – Днём занимаются своими делами, а вечером участвуют в представлении. А голоса тут у всех хорошие». Я оглянулась по сторонам. Трудно было представить, что эти торгующие и спующие в разные стороны люди, столь простые и обычные на вид, могут превратиться в чарующих артистов!

Настало время прощаться с гостеприимным, дивным и ярким Гуанси-Джуанским автономным округом и возвращаться в Пекин, огромный, суетный и многолюдный. Мои китайки увозили с собой по мешку гуйлиньской лапши, Пак – пару бутылочек сан-хва, ну а я – двадцать коробов впечатлений, из которых частью поделилась с вами.

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна. Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Болдинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в журналах «Волшебная скрижаль» и «Звёздочка наша», а также в поэтических сборниках. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

Сяду, поеду...

Рассказ

Плотный мужчина в синем пуховике, с поношенным рюкзаком Tatonka за спиной, вынырнул из духоты метро в февральскую вьюгу. Вокзал встретил его грязно-серым снегом под трекинговыми ботинками, привычной снующей толпой, переливающимися огоньками кафешек, ароматом кофе, сосисок в тесте и шаурмы. От мерзлых путей исходил едва уловимый запах креозота и дальней дороги. Мужчина раскрыл перед равнодушной пожилой проводницей паспорт и шагнул в вагон.

– О, Санёк!

– Башкатик! Сколько лет, сколько зим!

В купе уже сидели его друзья – Сашка Серых, по прозвищу Серух, и Вовка Дробинин. Ребята сдружились еще в студенчестве, в Бауманском турклубе. Вообще-то в Бауманке из всех троих учился только Серух, а Башкатов с Дробининым были залётные птицы из соседнего вуза. Серух работал теперь в Московском НИИ, специализировавшемся на изготовлении робототехники; Дробинин преподавал высшую математику в альма-матер, а Башкатов трудился бухгалтером, допоздна засиживался в офисе с однотипными отчётами, брал работу на дом, чтобы поскорее погасить ипотеку. Каждое утро он с трудом отрывал голову от подушки, привычно отправлял в рот яичницу и плёлся в офис. Вот так начинался новый, бесконечный день сурка.

Поезд качнулся, и за окном медленно стало удаляться здание Ярославского вокзала, зелёная шапка Кругового депо, поползли серые постройки промзоны, затем вдалеке показались огни жилых домов. Четвёртое место в купе осталось свободным, и Башкатов вздохнул с облегчением. Он вполуха слушал оживлённую болтовню Серуха про новейшие разработки в робототехнике и незаметно рассматривал друзей. Ребята ничуть не изменились, как будто и не было этих десяти лет с окончания вуза – всё такие же подтянутые и весёлые, всё те же холостяки-туристы, с которыми в юности пуд соли съели: сплавлялись на байдарках по реке Оять, пробирались мимо заснеженных ёлок и по Каменной реке в Таганае, на Эльбрусе и Ай-Петри поднимали флаг с турклубовским девизом «Напор стихий преодолеть и другу руку протянуть», по очереди тропили по колену в снегу в суровой Кандалакше, тащили лыжи на плечах в новогоднем походе по плато Лаго-Наки.

– Ну как ты, Сань? Сто лет тебя не видел. Смотрю, возмужал, закабанел, – улыбался Серух, дружески хлопая Башкатова по упитанному животу. – Не могу поверить, что Ленка тебя отпустила.

Башкатов в ответ только кивал и улыбался. Он не был в походе с тех пор, как они с Ленкой поженились. Лена, филологиня-библиотекарша, терпеть не могла походы, ночёвки в палатке и предпочитала цивилизованный отдых в гостинице. Она любила огни вечернего мегаполиса, суши-бары и гламурные торговые центры. Через полгода после свадьбы взяли ипотеку, и стало совсем не до походов. Ленка не отпускала даже на выходные: «Какой ещё турклуб, с ума сошёл? Сумки с продуктами я из магазина тащить должна? И ремонт сам себя не сделает». Башкатов соглашался, кивал, как китайский болванчик, но всё сильнее скучал по сливочным и таким недоступным теперь вершинам далёких гор, по мягкому влажному мху болот, по длинной осоке под резиновым сапогом, по раскидистым веткам ёлок, по-приятельски кладущим «лапу» на плечо. Он задыхался в четырёх стенах офиса-аквариума с кулером и всегда выключенным кондиционером, безжизненные стены давили, отбирали у него силы. Сосны да берёзы, нарядное поле с ромашками, путаные козы тропы, будто намазанные сметаной бока гор, блестящие ледники и каменные морены снились всё чаще. Дробинин с Серухом то и дело травили душу – присылали фотографии из своих путешествий и всё настойчивее звали с собой. Башкатов ходил кислый и вялый, как высушенный лимон, а перед двадцать третьим февраля совсем раскис – лежал лицом к стене, молчал и обводил пальцем узор на обоях. Жена смотрела искоса, вздыхала и, наконец, сдалась – отпустила на четыре дня на все четыре стороны.

Башкатов взглянул на экран мобильного. Девять пропущенных от Ленки. Он кинул голосовое в ватсап: «Всё нормально, в поезд сел». И выключил телефон.

– Да уж, вид у тебя замученный. Унылый, – посочувствовал кудрявый долговязый Дробинин, доставая из рюкзака бутылку настойки, в которой плавали кружок лайма и еловая ветка. – Сейчас реанимировать тебя будем. «Ёлочкой». Станешь как огурчик.

Серух разлил по кружкам «Ёлочку». Выпили залпом – «будем!» Дробинин расчехлил гитару и, вальяжно перебирая длинными пальцами струны, вполголоса затянул свою любимую: «Равновесие не держит наш вагон, словно пьяница шатается в ночи. Только слышен опустевшей тары звон, да в кармане тихо звякают ключи»...

В Галиче вышли только они. Дробинин признался, что забыл взять хлеб. В магазине под изумлёнными взглядами местных пенсионеров – сумасшедшие, идут в поход в такой холод – друзья закупились пятью буханками бородинского и светло-жёлтым дырчатым полукругом костромского сыра.

Сделали традиционное групповое фото в начале маршрута. Башкатов поёжился и поскорее вынул из рюкзака ветрозащитную куртку. Снега становилось больше. Он заполнял всё вокруг, показывая своё присутствие в этом мире. Он сыпался, как манна небесная, летал, ползал, шевелился, словно живое существо. Идти было трудно, да ещё мешал колючий ветер. Но друзья рвались и прорывались, тропили по очереди. Планировали за четыре дня дойти от Галича до Неи – побродить по лесам и замёрзшим болотам, посмотреть заброшенные деревни и церкви.

Башкатов чувствовал, что ботинок натирает правый мизинец, но упрямо, стиснув зубы, шёл за серым рюкзаком Дробинина с подвешенной на карабин гитарой в кожаном чехле. Гитара явно мешала Вовке идти: то подпрыгивала, то цеплялась за густые еловые ветки, так и норовила соскочить.

В шестом часу, окончательно выбившись из сил, решили вставать на ночёвку. Как только Башкатов сел на рюкзак, тут же начинали мёрзнуть руки, покалывать ноги. Приходилось всё время двигаться. Друзья нашли и завалили сушину, развели костёр, разбили лагерь. Башкатов с Серухом утоптали снег под палатку, застелили для тепла лапником, собрали дуги, натянули тент, покрепче воткнули колышки в снег, чтобы палатку не сдуло. Дробинин занялся приготовлением ужина: долго растапливал снег, утрамбовывал его в два канала – один для чая, другой – чтобы сварить еду. Макароны получились недоваренные, пересоленные, с комками жира от тушёнки, но Башкатов так проголодался, что ему было всё равно. Весь вечер он сушил ботинки, придвинув их поближе к костру, вдыхал запах горячей смолы, стекавшей по полену, слушал, как Вовка с Серухом вспоминают майский байдарочный поход по Мсте. И чувствовал себя наконец-то свободным, беззаботным и счастливым, как в детстве. Когда костёр догорел и стало зябко, переместились в палатку. Вовка взял в руки гитару. И в полусне, натягивая на замерзающую голову спальник, Башкатов слушал тихий голос Дробинина, который лился спокойно и размеренно, будто издалека: «Сяду, поеду, разведу грусть, в среду к обеду назад вернусь»... всю ночь Башкатову снились болота, покрытые свежим мягким снежком.

Утром проснулись рано – от холода и голода, с аппетитом позавтракали бородинским хлебом с костромским сыром, вскипятили чай и залили его в термосы, собрали лагерь и отправились в путь.

Снегопад закончился, идти стало чуть легче. В Ваганово осмотрели разрушенную церковь XVIII века, под сводом которой свили гнездо вороны. Они, как чернеющие на листе буквы, сидели под куполом и оттуда кидались камнями. На стенах и выступях храма проросли молодые деревья, и их голые ветви, как руки, с мольбою тянулись к небу.

В заброшенных деревнях: Афонина, Волкова, Никольское – друзей встречали покосившиеся крыши, опустевшие и полуразвалившиеся десятки лет назад дома. Башкатову было жаль эти избы, в которых всё ещё жила, мучилась, страдала от одиночества душа. Мрачные глазницы окон и скрип дверей наводили на него невыносимую тоску. Почерневшие и прогнившие деревянные стены будто жаловались ему.

Стиральная доска, керосиновая лампа, кровать с рваной периной, обломки русской печи, газеты восьмидесятых годов прошлого века, дырявые эмалированные ведра. Башкатов молча рассматривал оставленные вещи, и ком в горле становился всё больше и уже не давал дышать. Он представил себе, что здесь жил чей-то отец, который с любовью строил этот дом, своими руками вырезал каждую балясину для крыльца, плёл корзины, складывал печь с лежанкой. Уехав и бросив отчий дом, люди лишились самого ценного – того, что было у каждого русского человека испокон веков, о чём писали Пушкин, Тургенев, Толстой, – своего родового гнезда. Навсегда потеряли память о предках.

«А чем я лучше них? – вдруг спросил себя Башкатов. – Я ведь сам оставил родной дом, перебрался в Москву. Но стал ли я от этого счастливее?». Башкатов опустил голову и с силой пнул сугроб.

Он вспомнил Александровский район, деревню Соколова, дом за зелёной калиткой, увитый девичьим виноградом. Яблоневый сад с антоновкой и белым наливом, нарядно зеленеющие грядки «синеглазки», моркови и чеснока. Среди кустов крыжовника клюющих червяков и кудахчущих белых кур с нежными красными гребешками, розовыми лапками и резными хвостами, как у свадебных голубей. Вот мать в выцветшем сарафане стоит у «мартена» – сезон заготовок. Ровными слоями утрамбовывает в трехлитровые банки пупырчатых зелёных самураев – она так называет огурцы. В каждой банке, кроме огурцов, соль, головка чеснока и зонтик укропа. Мать заливает их кипятком из чайника. Стенки банки потеют. Всё в доме пропитано ароматом укропа и чеснока.

В огороде отец делает грядку: методично и ловко наступает берцем на лопату и переворачивает ровный квадрат земли. Майка на спине отца взмокла. Рядом вертится немецкая овчарка Лада, с любопытными карими глазами. Она радуется, сбивает с ног меховым своим хвостом, встаёт на задние лапы и норовит поцеловать в лицо.

Февральские короткие и снежные дни кто-то слизывал шершавым языком, словно кот сметану. Каждый день друзья находили буреломы и непролазные просеки, заросшие молодым леском.

Продирались через них медленно – сугробы и деревья не желали расступаться. Елки цеплялись ветками-пальцами за лямки рюкзака, кидались снежками, стараясь попасть за шиворот.

В итоге дошли только до Николо-Поломы, встали на ночёвку в лесу, недалеко от населёнки. Оттуда на утреннем автобусе предстояло добраться до Неи и сесть в поезд.

Ночью, укутвшись в спальном мешке Bask, Башкатов всё не мог уснуть. Он чувствовал, как гудят после долгого ходоного дня ноги, слушал, как успокаивающе шуршат по тенту палатки ветер и снег, как посапывают рядом друзья, пытался согреться собственным дыханием и думал о том, что поход никогда не повторяется. Он каждый раз другой. Тоже интересный, тоже остаются светлые воспоминания, но оттенки чувств и эмоций всегда разные, даже если идёшь с теми же людьми. Башкатову очень захотелось, чтобы они с Вовкой и Серухом вот так же когда-нибудь снова пошли в поход – за новыми впечатлениями и эмоциями. Ведь ради этого и стоит жить.

Обратно в поезде ехали молча. Каждый думал о своём. Башкатов почти всё время лежал на верхней полке, слушал звон чайной ложечки, которая никак не могла уgomониться и металась, пытаясь вырваться из стакана. Перед глазами проносились заснеженные деревья, матово-белые, будто посыпанные мукой поля – простые среднерусские пейзажи, настоящие родные и любимые, что сильнее билось сердце и шипало глаза. Башкатов вынул из кармана флиски разрядившийся смартфон. Надо было поставить на зарядку и позвонить Ленке, сообщить, что всё в порядке. Но не хотелось. Он убрал мобильный обратно в карман. Башкатов вспомнил, что завтра придётся идти на работу. Толкотня в метро, духота и многолюдность офиса, чёрно-белые листы бухгалтерских отчётов – всё это представлялось ему теперь каким-то далёким, невзаправдашним, будто из другой реальности.

Поезд качнулся в последний раз и встал. На перроне друзья обнялись, попрощались, пристально глядя друг другу в увлажнившиеся глаза. Дробинин и Серух пошли к ждавшей их машине Яндекс такси, а Башкатов хотел уже повернуть к метро, но случайно взгляд его упал на табло: электропоезд «Москва – Александров» через пять минут.

«Вроде бы, недалеко от Москвы, а дома бываю раз в году. Всё некогда, всё дела, дела», – подумал Башкатов и вспомнил, как на прошлый Новый год на заиндевавшем пеньке кололи дрова вдвоём с отцом. Как потом вдыхали тягучий аромат печного дыма, размачивали пахнущий лесом берёзовый веник в алюминиевом тазу с кипятком. Башкатов вспомнил, как обжигает стопы снег, когда босиком идёшь к проруби, разгорячённый жаром русской бани. Вот оно, счастье.

Весь день упрямо сыпался крупный мокрый снег, словно хотел навсегда замести чьи-то следы. Прохожие с недоумением наблюдали, как мужчина в синем пуховике и с огромным рюкзаком бежит, расталкивая всех на своём пути. Вот он влетел в закрывающиеся двери полупустой Александровской электрички, отдышался, снял рюкзак и сел на жёсткое деревянное сиденье. «Следующая станция – Москва 3», – раздался убаюкивающий женский голос, и электричка, словно гигантская зелёная гусеница, поплыла в сторону области. Летящие по ветру снежинки налипали на оконное стекло, как белый пластилин, и не таяли. А мужчина улыбался и напевал себе под нос приставшую как банный лист песню: «Сяду, поеду, развею грусть. В среду к обеду я не вернусь».

Ирина СОЛЯНАЯ

г. Калач, Воронежская обл.

Соляная Ирина Владимировна. Лауреат международной премии «Антоновка сорок плюс» в номинации «Проза» (2019), фестиваля «Капитан Грей» (2020), литературного форума «Осиянное слово» (2021), XXII фестиваля «Славянские традиции» (2021), победитель конкурса «Стилисты добра» (2021). Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Сибирские огни», «Вторник», «Молоко», «Нижний Новгород», «Эдита», «Горизонт», «Формаслов» и др.

Автор книги рассказов и повестей «Недолюбленные» – 2021 г. (шорт-лист международной литературной премии им. Ю. К. Олешы).

Манчини, или Счастье за пять копеек

Сказка

На углу Фонтанки и Литейного стоял газетный киоск, который знали все ленинградцы. Дело не в том, что это местечко отличалось от других. Такой же синий ящик с белой полосой на боку и большими окнами по трём сторонам, те же газеты, журналы, календарики и значки на витринах. Продавцом там работала неизменная Алевтина Модестовна с её карманным крысёнком. Эта странная парочка и привлекала покупателей. Кто приходил с плохим настроением – уходил с улыбкой. Кто хихал, тот выздоравливал. Каждый слышал добрые слова.

И вот однажды в октябре в газетном киоске Алевтины Модестовны появились праздничные открытки. Два веера украшали витрину справа и слева. Смешные зайки, пузатые мишки,

улыбающиеся клоуны, мерцающие блёстками букеты ландышей. Никаких пионеров или красных флагов.

– Возьмите открыточку! – предлагала Алевтина Модестовна, – всего-то пятак.

Прохожие не покупали. Они привычно платили по три копейки за «Труд», по четыре – за «Правду». Люди спешили на работу, листая на ходу газеты. Они ждали хороших новостей.

– Манчини, друг мой любезный, – обращалась Алевтина Модестовна к своему верному помощнику, – отчего открытки не берут? Разве дорого – пятак за хорошее настроение? И пусть впереди нет никакого праздника... Немного доброты и волшебства никому не повредит!

Манчини был согласен. Он раскладывал открытки и ждал своего часа.

В один дождливый понедельник к ларьку подошёл покупатель в шляпе и сером плаще, под мышкой он зажал букетик астр, завёрнутых в бумагу. Красноносый и сердитый, мужчина выглядел как ответственный работник треста или главка. Нервно вытряхнув на ладонь из портмоне несколько медячков, он ткнул пальцем на открытку.

– Эту!

– Пять копеек, – робко ответила продавщица, наклонив голову с седыми кудряшками к полукруглому окошку ларька.

– У вас почерк хороший? – спросил господин и, не дожидаясь ответа, добавил: – Подпишите так: «Уважаемой Марии Ивановне в день рождения от благодарного ученика».

«Как здорово!» – подумала Алевтина Модестовна, пересчитывая медяки.

Манчини опустил свой длинный хвост в чернильницу и виртуозно начертил посвящение на глазах у изумлённого товарища. Алевтина Модестовна помахала открыткой перед своим носом, и, убедившись, что чернила мгновенно высохли, передала покупку.

Вечером, когда киоск было пора закрывать, товарищ в плаще пришёл снова, но на этот раз он был не один, а привёл под локоток старушку. Они старательно обходили лужи и мило беседовали. В шляпке с пером и крохотных ботиках, сером салопе дореволюционного покроя, старенькая учительница словно пришла из далёкой молодости Алевтины Модестовны.

– Милочка, – обратилась она к продавщице, – я пришла лично отблагодарить вас за доброту. Вы настоящая волшебница. Буквально через час после получения открытки мне позвонили из ЖЭКа и сказали, что в доме будут делать ремонт. А в моей квартире заменят батареи, переклеят обои и даже побелят высоченные потолки.

– Я не имею к этому никакого отношения, – скромно улыбнулась Алевтина Модестовна, – это всего лишь открытка.

– А вы всего лишь «та самая продавщица из киоска на углу Литейного». О вас судачит весь город, наконец-то я вас увидела лично.

Алевтина Модестовна продала две открытки. Одну подписали «Уважаемому коллеге в знак признательности с юбилеем», вторую – для внучки учительницы, с запоздалым поздравлением к началу школьного года. Неутомимый Манчини обмакивал кончик своего хвоста и выводил завитушки.

Каждое утро к газетному киоску стали приходить люди. Они покупали открытки, подписанные крысёнком, и рассказывали о том, сколько приятных событий случилось в жизни их близких и знакомых.

Иногда перед киоском по всему Литейному проспекту протягивалась длинная очередь, мешавшая другим пешеходам. Порой в её конец пристраивались домохозяйки, думавшие, что там, в самом начале, торгуют копчёной колбасой навынос, а иначе откуда у людей с утра столько радости на лицах? Дойдя до киоска, обманутые в ожиданиях домохозяйки фыркали от возмущения и жадничали. Но уже на следующий день они приходили именно за покупкой открыток. Чего только не узнаешь в очереди за пятикопеечным счастьем!

– Представляете, к нам в поликлинику прислали нового детского доктора.

– А моей дочери вчера премию дали!

– А наш танцевальный коллектив удачно выступил на празднике.

– А у меня кошка родила таких очаровательных белых котят, я всех раздавала!

– А мой сын женится наконец-то!

Алевтина Модестовна радовалась вместе с покупателями, пока однажды на витрине не осталась одна открытка с замятым уголком. Манчини подписал её для девочки, торопившейся на день рождения к подруге. Очередь разочарованно разошлась, а Алевтина Модестовна со вздохом заперла киоск, Манчини шмыгнул в её ридикюль, и они направились на склад за пополнением ассортимента.

Алевтина Модестовна очень не любила казёнщину. Слова «ассортимент», «накладная», «спецификация» заставляли глаза увлажняться от печали. Куда приятнее читать стихи и любоваться бронзовым листопадом, белыми корабликами с туристами, плывущими по Фонтанке, и находить для всего простые и приятные слова. Ленинград, несмотря на холодный ветер, – город поэтов, художников и волшебников, даже если они работают продавцами. Но с начальством надо было говорить по существу темы, и Алевтина Модестовна по дороге вспоминала весь перечень любимых бюрократами набор слов: канцелярские принадлежности, почтовая продукция, эффективная торговля.

Завскладом – упитанный усач в хлопчатобумажном костюме цвета хаки, поверх которого была наброшена стёганая синяя куртка – что-то помечал на бланке, под который подложил заляпанную картонку.

– Уважаемый Пётр Семёнович, – Алевтина Модестовна увидела большие ящики с маркировкой «Почтовые карточки для открытого письма» и растеряла все канцелярские слова, – как кстати я зашла! Мне срочно нужно пополнить запас... красивых и нарядных открыток. Тех, которые по пять копеек.

Пётр Семёнович поднял лысую голову и лукаво посмотрел на продавщицу.

– Не получится, уважаемая моя, – ответил он, – вся почтовая продукция бракованная и подлежит возврату на фабрику. Не знаете, кто в этом виноват?

– Кто же? – ахнула продавщица, всплеснув руками. От волнения она уронила ридикюль, его застёжка щёлкнула. Мелькнул его розовый хвостик и тут же спрятался обратно.

– Начальство будет разбираться, а пока потребовали вернуть всю партию. Три тысячи триста тридцать три штуки.

Алевтина Модестовна подняла испачканный ридикюль и побрела к выходу. Она долго тряслась в трамвае, потом тащилась пешком от остановки до киоска. Последние листья прилипали к мокрому асфальту, тонули в лужицах на обочинах. Небо приобрело свинцовую тяжесть, над городом взяла власть обычная ленинградская осень, с насморком, хмурым настроением и еле тёплыми радиаторами отопления.

Прохожие окликали знакомую продавщицу, о чём-то спрашивали, но она лишь махала рукой. Наконец, Алевтина Модестовна зашла в киоск, закрылась изнутри, переобулась из промокших ботинок в домашние шлёпки, включила кипятильник и достала пакетик с заваркой «Три слона».

Неугомонный Манчини шуршал в ридикюле, требуя свободы. Пришлось щёлкнуть застёжкой и выпустить крысёнка. Довольный собой и всем миром, он держал в лапках одну-единственную открытку, которую умудрился стащить на складе. С глянцевого картонки улыбалась старуха Шапокляк. Алевтина Модестовна всхлинула.

– Ах ты, мышка-воришка. Одна открытка ничего не исправит.

Манчини размашисто расписался на трофее: «Алевтине Модестовне от Манчини» и ловко пристроил добычу в витрину. Алевтина Модестовна погладила благородного воришку и припилила к открытке бумажку «Не продаётся!».

На следующий день открытка со старухой Шапокляк была самым востребованным товаром, но всякий раз покупатели слышали: «Это витринный образец». В итоге её пришлось отнести домой и положить на трюмо. Алевтина Модестовна устала объяснять рассерженным покупателям, что счастье за пять копеек в продажу не поступало, и когда оно появится – никому не известно. Манчини хитро посматривал на всех из-за кипы газет, шурша и хихикая. Алевтина Модестовна заметила, что чернил в стеклянной баночке немного поубавилось, хотя чернильницу никто не ронял, и тёмной лужицы нигде не наблюдалось.

Во вторник покупатель в сером плаще и шляпе, которого Алевтина Модестовна давно уже не встречала, появился у киоска.

– Не знаете ли вы, отчего цены на молоко упали?

– Нет... – пожала плечами Алевтина Модестовна, – надо бы заглянуть в гастроном.

Покупатель заплатил за «Гудок», пошуршал газетой и вскинул брови.

– Что это такое?

На одной из страниц сверху красовалась витиеватая надпись: «Желаем всем счастья!».

– Газеты и журналы возврату не подлежат... – грустно прошептала Алевтина Модестовна.

– А и не надо! Вдруг счастье будет? Цены на пиво упадут, к примеру...

После обеда торговля в киоске была особенно бойкой. Алевтина Модестовна продала даже литературные журналы, пылившиеся с января. Полки киоска сверкали чистотой, а чернильница опустела.

Алевтина Модестовна ушла с работы пораньше, ведь делать было совершенно нечего. Неожиданно кончился дождь, и как будто потеплело. Из-за туч выглянуло грустное солнце, позолотившее крыши домов, перила вдоль Фонтанки и Чижика-Пыжика. Тот вострепнулся, взмахнул бронзовыми крылышками, облетел округу, а затем вернулся и уселся поудобнее. По Лиговской прошествовал духовой оркестр. Синие мундиры музыкантов были расшиты лавровыми листьями по обшлагам. Блестели и звенели литавры, гремела медь труб и валторн. За оркестром бежали школьники и подпевали. Малышам раздавали эскимо, а женщинам дарили красные гвоздики. По Неве плыли украшенные флажками кораблики. Город расцвёл. Улыбалась продавщица с ридикюлем в руке, старушки с палочками и младенцы в колясках, студенты и школьники, милиционеры и военные, собаки и кошки в подворотнях. Пахло корицей из булочных, сверкали спицами велосипеда, дети несли воздушные шары. Летевшие по небу самолёты оставляли раскрашенные красным дорожки, сплетавшиеся в слова «Ура! Ура!».

Из приоткрытого ридикюля торчал испачканный чернилами хвост Манчини.

Андрей НОВИКОВ

г. Липецк

Новиков Андрей Вячеславович – родился 26 декабря 1961 года в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. Окончил Литературный институт им. Горького. После окончания института в 1990 году работал корреспондентом, ответственным секретарём в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортёр», специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип». Автор 8 книг.

Председатель Липецкого регионального отделения Союза писателей России. Секретарь СПР.

Рассказы**Земля и небо**

Володя Самохин десять лет проработал шофёром в маршрутном такси. Как он рассказывал приятелям: «Стал я за это время не только водителем первого класса, но и настоящим циркачом. Попробуйте, одновременно вести «ПАЗик», набитый людьми, лавируя по загруженным городским магистралям, и при этом успевать обилечивать пассажиров!».

Но стал сказываться возраст, как только Самохин разменял четвёртый десяток, почувствовал – устает. Теперь его хватало только на два дня адской работы в маршрутном такси. Так Самохин устроился водителем в похоронное бюро с романтическим названием «Земля и небо».

Бюро ритуальных услуг занимало два этажа в пристройке к местному рынку. На первом этаже стояли дешёвые гробы и венки, располагалась бухгалтерия и диспетчерская. На втором – дорогие гробы и венки. Если бюджетные гробы колотили в цеху за городом из добровской сосны по договору с лесничеством, то дорогие гробы были исключительно привозные, из столицы. Лакированные, из кедра или дуба. Самая дорогая домовина, из морёного дуба и с «двумя дверями», как называл её Самохин, то есть, с двумя крышками, стоила 90 тысяч рублей. Гроб стоял в выставочном зале уже второй год, а подходящий клиент на него так и не находился. На втором этаже был роскошный кабинет хозяина этого скорбного заведения – Валентина Ивановича. А начиналось с небольшого киоска ритуальных услуг, который Валентин Иванович открыл вначале бандитских девяностых годов – прямо классическое развитие капитализма.

Но было в этом здании ещё одно помещение, говорить о котором вслух и при посторонних было не принято. В подвале конторы был устроен частный морг. Самохин догадывался, что морг работает незаконно. В принципе, конечно, похоронная контора может предоставлять услуги по сохранению тел. Но в этом морге было что-то странное и зловещее, связанное не только с криминалом. За стеной этого подвала располагалась «Рюмочная», а трупы в частный морг попадали разные, иные уже с изрядным запахом. Разумеется, бывало, что пованивало и в рюмочной. Но тамошние клиенты – работяги с рынка да алкоголики – на посторонние запахи внимания не обращали. Ведь не за тем они заходили опохмелиться. Хозяин закуской заходил в похоронную контору с претензиями о неприятном запахе, но из кабинета директора выходил с улыбкой на лице, прижимая руку к брючному карману, пухлому от толстой пачки купюр.

Частный морг работал осторожно, машина с покойником подъезжала вплотную к двери подвала, тело быстро заносили, старались делать это без посторонних глаз. За сутки хранения тела в холодильнике хозяин брал семь тысяч рублей. Ещё за тысячу усопшего здесь же обмывали и одевали. Работа бальзамовщика оценивалась индивидуально, но это всегда были большие суммы. Вот такая невесёлая прибавочная стоимость к смерти.

«А что же морги, государственные морги?» Такой вопрос пытливым шофёр часто задавал сам себе и находил на него правильный ответ: «Они, конечно, работают, но все существующие государственные морги строились ещё в советские времена, а город десятилетиями рос и рос, понятно, мест не всегда хватает».

Кроме того, работая в похоронной конторе, Самохин заметил, что горожане имеют нехорошую привычку умирать крайне неравномерно: летом умирают чаще, чем зимой, иные больничные морги бывают переполнены так, что покойных укладывают на пол, а летом, известно, тело покойного требуется сохранять в холоде.

Был ещё у похоронной конторы очень странный договор с городской больницей. Что иллюстрировало ещё одну неприятную догадку Самохина: похоронная отрасль как была, так и осталась закрытым сообществом, повязанным тайной корпоративной клятвой – омертой. «Невидимая рука рынка», которая с помощью конкуренции должна была «заземлить» аппетиты гробовщиков, видимо, сломалась о кладбищенские оградки. Суть договора заключалась в том, что похоронная контора выставляла на дежурство в больницу гробовозку – микроавтобус «ГАЗель» с грузчиком и шофёром. Странность была в том, что больничный морг находился всего в двадцати метрах от корпуса больницы. Выходит, чтобы доставить покойника в морг, требовались всего лишь носилки. Но гробовозка, по договору, дежурила с восьми утра до восьми вечера. Конечно, больные имели привычку умирать и в неурочный час, то есть после восьми вечера. Таких покойников Самохин с дюжым грузчиком Валерой обнаруживал каждое утро. На вопрос, как заносили ночного покойника, сторож морга, дымя папироской, ответил Самохину весело и уклончиво: «Как сюда этот покойник ночью попал? Должно быть сам зашёл...».

Впрочем, водитель и грузчик были заняты и без того. В их обязанность входило не только вынести тело из больничной палаты, но и занести его в морг, достать труп из спецмешка, обязательно положить под голову усопшего деревянный чурбан. Спецмешки были довольно отвратительного качества. Часто мешок из плащёвки рвался, и покойник с грохотом вываливался прямо на кафельный пол.

Скоро Самохин узнал, что нравы и трудовые отношения, царящие в этой погребальной конторе специфические. Зарплата – серая, официально – минималка, остальное хозяин отдаёт в конверте. Но в сумме, в среднем зарплата не ахти – 10-20 тысяч рублей. А всё потому, что суровый хозяин сам не пьёт и не курит. Закурил работник – штраф, выпил – штраф. Но и мало кто из социально устроенных людей пойдёт работать в похоронную контору. Контингент работников ещё тот, текучка кадров большая. Особенно среди тех, кто носит гробы, транспортирует покойников и могилы копает. На похоронном жаргоне их называют «дузеры». У них не было ни официальной зарплаты, ни трудового договора или трудовой книжки. «Дузеры» часто работали до первой полочки и пропадали в запое. Хозяин заставлял «дузеров» копать могилы после окончания трудового дня, то есть после 18 часов, причём платил за этот адский физический труд «дузеру» всего 250 рублей. Бывали случаи, когда «дузеры» были вынуждены копать могилы ночью, ибо днём, как поговаривал Валентин Иванович, у «дузеров» есть другие обязанности – помогать в морге и грузить гробы. Оно и справедливо, потому что могилы на кладбище копают не те, кто оформлен землекопом в конторе, а люди на подработке. Летом это нередко студенты, безработные и даже бомжи. Главное, чтобы не пили.

Был в конторе и американский похоронный лимузин – чёрный, как лакированный башмак, «Линкольн». За его рулём Самохин побывал всего один раз, когда хоронили убитого в бандитских разборках городского депутата. Рассказывал об этом Володя так: «Вокруг моего гробовоза глава города бегал и пристально авто рассматривал снаружи и изнутри, казалось, что он себя в этой машине в гробу примеряет, удобно ли ему будет лежать. Он на рожу и по своим повадкам – суший дон Корлеоне. А какая вереница была за мной из престижных иномарок! Ну, прямо были натуральные кадры из кинофильма «Крёстный отец».

Но этот день и стал последним в его работе. Смертельно уставший от долгих официальных похорон Самохин приехал в гараж и вручил хозяину двадцать тысяч рублей наличными. Их передала похоронной конторе белокурая вдова депутата с томными силиконовыми губами. Самохин, по обещанию хозяина, должен был получить за этот тяжёлый день десять процентов от суммы – две тысячи. Но Валентин Иванович, забрав деньги у водителя, огорошил его неожиданным решением:

– Я штрафую тебя на тысячу рублей.

– За что? – немало удивился Самохин.

– Зачем ты сейчас так хлопнул дверью. Это же дорогая, презентабельная машина, так с ней нельзя обращаться...

На этом терпение Самохина лопнуло:

– Да забирай, крохобор, всё, я увольняюсь! Пошёл ты...

– Ты ещё приползёшь ко мне, придурок, – кричал ему вслед взбешенный Валентин Иванович. – Кто вы? Вы мои собаки, а я – лев, ваш хозяин!

Но Самохин даже не обернулся на скрывшийся в сумерках двор похоронной конторы. Он шёл домой, не видя родного города, и ему временами казалось, что он сейчас видит только землю и небо.

Как Ваня Языков деньги считал

Любил Ваня Языков со своей женой Машей в гости к соседям ходить. Ваня и Маша вырастили троих детей, которые, словно птицы, выпорхнули из отчего дома – разъехались по разным городам нашей большой страны. Сыновья работали на буровой в Сургуте, присылали солидные денежные переводы, а дочь трудилась по лимиту в Подмоскovie швей-мотористкой, пришивала пуговицы к мужским гольфам и писала родителям тёплые письма в конвертах авиапочты. Да ещё, бывало, красной шариковой авторучкой на самом конверте напишет печатными буквами: «Шире шаг почтальон!».

Что оставалось Ване и Маше? Скрашивать семейное одиночество в гостях дешёвым портвейном в больших бутылках за рубль восемьдесят, которые тогда называли в народе «огнетушителями».

Заглянет Ваня на огонёк к соседям Цыгановым с бутылкой, хлопнет не морщась гранёный стакан ядрёного советского портвейна, закусит куриным окорочком в маринаде и впадёт в благодное забытие. Толкнёт его только кулачком в бок заглянувшая на свою кухню соседка Лидия: «Да ты что, Ваня, стоя уснул, как конь!» – «А что такое? – зевнув, гнусавит Ваня. – Я и вправду, Лида, почему-то стоя сплю...».

Ваня и Маша знали друг друга с детства, оба с трудом окончили коррекционную школу №13, только Ваня читать и считать так толком и не выучился. Работал он всю жизнь грузчиком в овощном магазине, недалеко от дома, а супруга Маша – санитаркой в больнице. Маша всю жизнь носила сапоги со сломанными молниями, на булавках, синий мужской милицейский плащ и старушечий клетчатый платок. От такого скорбного внешнего вида, невнятной речи и красного лица Машу в больнице очень жалели. Каждый вечер на кухне она набивала сумку батонами и синюшными

картонными треугольниками молока, таскала у больных из тумбочек конфеты, наливала в трёхлитровые банки супы и каши. А супруг-грузчик приносил из магазина залежавшиеся овощи. Зарплаты тратили исключительно на выпивку.

Несмотря на заторможенность родителей, тихий семейный алкоголизм, дети у них выросли вполне нормальными, непьющими. Образования они, конечно, никакого не получили, кроме профтехучилища, но смогли в жизни устроиться – были неконфликтны и трудолюбивы. Но никто из детей так и не завёл семью. Тихие сыновья – красивые, статные парни – почему-то стеснялись женщин и всячески уклонялись от разговоров о женитьбе. Пыталась Маша сосватать только дочь Валу, хотя бы за деревенского парня, племянника соседки Лиды. Соседка вначале было согласилась повезти девушку в деревню к жениху на смотрины, но в самый последний момент, внимательно оценив худосочную фигуру Вали и совершенно детское, кукольное выражение её лица, вспомнила своего племянника Вовку, выпивоху, охочего до бесстыжих девок, и сказала, как отрезала: «А если племянник ей пузо настучит, а жениться раздумает? Я виновата буду... Нет, не повезу!».

Но Маша на Лиду не обиделась, хотя мать и дочь всю ночь не спали и тщательно собирали красный дерматиновый чемодан с нехитрым приданым – постельным бельём. А Ваня об этом деловом разговоре так и не узнал. Чуть позже Валя списалась через диковинную тогда в СССР рижскую газету брачных объявлений с парнем из Вышнего Волочка. Пришла телеграмма «Приезжай!». Маша ходила к Лидии гадать на картах на жениха, и вроде карты не врала – выпала удача. Валя уехала к жениху по переписке с красным чемоданом, но через две недели вернулась тихая и расстроенная. А ещё через месяц уехала работать на швейную фабрику в Подмоскowie. После этой истории Ваня и Маша стали ещё больше прикладываться к бутылке.

Кроме хождения по гостям, у Вани и Маши была ещё одна страсть – садовый участок. Ваня построил небольшой кирпичный домик с печкой и несколько последних зим часто ночевал на саду. Осенью он варил компот из опавших яблок, сбраживал дрожжами, а полученный забористый напиток называл «кисленькое». Обычно «кисленького» он делал пару молочных бидонов. А чтобы сторожить «кисленькое», завёл собаку.

Перед очередной зимой Ваня заказал машину дров. Дрова привезли шабашники с лесопилки. Просили десять рублей. Сумма в красный червонец показалась Ване чрезмерной, он долго торговался, но шабашники стояли на своём.

– Эх, – в сердцах крикнул Ваня и в сердцах кинул кепку на дорогу, – будь не по-моему и не по-вашему, берите четвертной!

От такой сложной Ваниной арифметики шабашники словно потеряли дар речи. Только молча переглянулись, быстро взяли из протянутой Ваниной руки двадцать пять советских рублей и быстро уехали.

Хвастаться своей выгодной покупкой дров Ваня пошёл к соседке Лидии. Но та, внимательно выслушав историю необычной торговли, только покачала головой:

– Ваня, ты только жене об этом не рассказывай...

– Почему? – немало удивился Ваня.

– Да так, на всякий случай.

В этот же злополучный день в сад Вани и Маши забрались соседние ребяташки. Ванин пёс по кличке Пират кинулся на детей, мальчишки успели вскочить на забор, но одному из ребят пират успел вонзить клыки в лодыжку. Родители вызвали милицию. Маша даже не стала слушать Ванину позитивную историю про покупку дров, а сразу набросилась на мужа:

– Ты что, совсем ничего не понимаешь, старый дурак, теперь на тебя уголовное дело заведут из-за твоей поганой собаки, да ещё не дай Бог узнают, что ты вино на саду квасишь!

Понял Ваня тяжесть своего положения, достал из кладовки старенькую «Тулку», два жёлтых картонных патрона. Это охотничье ружьё досталось ему от отца. «Тулка» была не зарегистрирована, да Ваня и не понимал, что оружие нужно регистрировать, и не знал, как это делается. С ружьём Ваня пришёл в садовый домик. Собака словно почуяла недоброе и побежала от хозяина прочь, а он навскидку распорол зарядом картечи собачью холку. Выстрел перебил животному позвоночник. Пират, волоча задние лапы, отполз умирать в куст смородины. Второй патрон Ваня оставил для себя. Он попытался засунуть ствол в рот, но, как представил, что будет лежать в гробу с разможенной головой, ему стало не по себе. Ваня выстрелил вверх, зашёл в садовый домик и налил себе в стакан яд от колорадских жуков.

Удивительно, но Ваню откачали, хотя в больнице он провёл месяц. Машу от переживаний за мужа парализовало на одну сторону. Уголовное дело в милиции заводить не стали, как и не стали разбираться, почему у недалёкого умом Вани хранилось охотничье ружьё. Участковый Иван Кузин постарался, чтобы эту историю забыли. Он хорошо понимал, что имеет дело с умственно отсталыми инвалидами и смог уговорить родителей ребёнка забрать своё заявление из милиции, ружьё оформил актом добровольной выдачи. А вот про выгодную покупку дров Ваня супруге всё же рассказал. Но сидящая в кресле у телевизора Маша, придерживавшая левую руку, которая теперь висела как плеть, только рассмеялась:

– Да Бог с ними, с деньгами, Ваня, главное, что ты жив остался! Как я проживу без тебя?

Андрей ПУЧКОВ

г. Сосновоборск, Красноярский край

Пучков Андрей Викторович. Родился 24 июля 1963 г. в посёлке Хандадьск Абанского района Красноярского края.

С 1984 г. после демобилизации из Советской Армии служил в МВД на различных должностях. В 2006 г. вышел в отставку.

Член Российского союза писателей, Союза писателей Крыма. Публиковался в журналах «Енисей», «Сура», «Новый Енисейский литератор», «День и ночь», «Страна Озарение», и др. Рассказы на конкурсной основе печатались в сборниках прозы издательств «Перископ-Волга», «Союз писателей», «Дикси Пресс». Победитель литературного конкурса Русского Космического Общества «Империя Человека – Эра Косматики» (2020), дипломант международного конкурса русской литературы «ЛитПроСвет», победитель творческого конкурса, посвящённого противодействию идеологии терроризма: «Поле битвы – сердца людей», конкурса «Уральский книгоход», дипломант творческого фестиваля «Господин ветер» (2021), международного литературного конкурса «Русская душа» (2021), конкурса «Добрая лира» (2021), дипломант литературной премии «ДИАС», учреждённой в честь Диаса Валеева (2021), финалист международной литературной премии «Ступень к Парнасу» (2021), лауреат международной премии «Простак за границей» имени Марка Твена, проводимой Союзом писателей Северной Америки (2021).

Фотоохота

Рассказ

Нет, всё-таки Сильвестр – чокнутое создание! Этот ненормальный петух никак не может стоять на одном месте. Носится и носится! Причём, что характерно, он не стоит на месте только тогда, когда я пытаюсь его сфотографировать. Когда же я прячу фотоаппарат, он замирает неподвижно и с удивлением смотрит на меня, изредка ворочая башкой: мол, чего остановился-то? Давай, готовь свой аппарат, побежали дальше!

Чего я только ни придумывал, чтобы сделать его портрет! Подползал к нему, спрятавшись под пустыми мешками. Подкарауливал его из-за угла стайки. Даже в будке у Сатаны – бабулиной дворняги – прятался, рассчитывал из неё петуха сфотографировать. Сатана, в отличие от Сильвестра, не любил бегать. Он некоторое время следил за нашей суетой, а когда ему это надоело, устраивался где-нибудь в теньке и засыпал.

Ничего не получалось. Сильвестр, каким-то своим шестым петушиным чувством распознав, что я собираюсь его сфотать, тут же утыкался клювом в землю и начинал молотить рассыпанное пшено так, как будто его год не кормили! Или же, демонстрируя явное презрение к фотоискусству, нагло поворачивался ко мне задом, и, как бы я ни крутился вокруг него, перед объективом постоянно оказывался его хвост.

Конечно же, мне иной раз удавалось его щёлкнуть, но это было всё не то. В огороде, к примеру, он вёл себя вполне прилично. Однако меня не устраивала окружающая обстановка: среди огородных растений была видна только голова Сильвестра. А мне он нужен был весь, крупным планом.

Намаявшись в одиночку, я объединил усилия со своей младшей сестрой Полиной. Загнал петуха в угол, схватил его и передал Полине поддержать, пока я возьму фотоаппарат. Опять ничего не срослось. Эта склочная тварь умудрилась клюнуть Полину, та заверещала и выпустила его. Я опять начал было за ним бегать, но на крыльцо вышла бабуля. Она некоторое время наблюдала за нашими ошалелыми скачками, а потом сказала, что, если фотоаппарат умнее владельца, это грозит крупными неприятностями всем. Потом, не вникая в детали, венником выгнала всех со двора.

Все эти мои мучения начались после того, как мне подарили японский фотоаппарат. Это, конечно, шикарная вещь! Ничего не надо делать, только на кнопку нажимать! Качество снимков такое, как будто не на фотографию, а в окошко смотришь.

Фотографировал я всё, что видел, но по-настоящему развернулся, только когда приехал на лето в деревню. Объектом моего внимания становилось всё, что движется, начиная с червяков и заканчивая пятачком поросёнка Степашки. Этот, в отличие от Сильвестра, фотографироваться любил. Едва я приближался к нему с фотоаппаратом, он сразу же замирал на месте, с нешуточным рвением позируя фотографу.

Я не знаю, почему прицепился к Сильвестру. Скорее всего, потому, что сразу не получилось его сфотать, а потом, как говорится, нашла коса на камень. Один ненормальный не хотел позировать фотографу, а второй с маниакальным упорством старался первого сфотографировать.

– А может, его изолентой обмотать? Когда поймаем... – предложила Полина, когда мы с ней, в очередной раз, набегавшись за Сильвестром, отдохали, усевшись на лежащее под забором бревно.

– Зачем это? – удивлённо уставился я на сестру.

– Ну как зачем!.. – вздохнула Полина, словно сетуя на мою бестолковость. – Если обмотать его изолентой, он тогда бегать не сможет. Ноги, правда, тоже придётся изолировать...

– Не пойдёт, – решительно воспротивился я, – он тогда не то что бегать, а даже стоять не сможет!

– А мы его вон к сараю прислоним, – не сдавалась Полина, – и будешь его фотать сколько угодно.

– Ага, а что бабуля скажет, если не дай бог узнает об этом? Она за этого припадочного петуха нас не венником – оглоблей гонять будет!

– Точно, будет, – расстроилась Полина, но после недолгого раздумья встрепенулась: – А что, если мы его...

Договорить она не успела: к нам на мотоцикле подъехал сосед дядя Коля и, заглушив мотор, спросил:

– Ну что, всю скотинку у Николавны разогнали? Или ещё пара куриц бродит по двору?

– Не всю ещё, – сокрушённо развела руками Полина, – Степашка и Сатана вон ещё остались.

– Ну-ну, – усмехнулся дядя Коля и уже серьёзно добавил, – Захар сказал, что на вторую плешку косули пришли. Среди них, кстати, одна белая есть. Он видел их, когда доярок на утреннюю дойку вёз. Вот и займись, хватит на дворовую нечисть размениваться.

Он выразительно покосился на дремлющего неподалёку Сатану, завёл мотоцикл и, уже тронувшись, крикнул:

– Если надумаешь, то лучше с утраца идти, пораньше. Любят они это время. Может, тебе и повезёт эту белянку прихватить.

И он, добавив газу, с оглушительным треском помчался по улице, поднимая пыль и распугивая зазевавшихся курей.

Я дождался, когда дядя Коля скроется из виду, и посмотрел на Полину:

– Ну, ты как, со мной?

– А когда пойдём?

– Завтра часов в пять утра встанем... – начал, было, я, но Полина даже слушать не стала:

– Не-не-не!.. Обалдел, что ли?! Ты же знаешь, я так рано не встану. Может, часов в девять?

Это правда, не встанет: Полина любила поспать. Я собственно тоже, но ради белой косули готов был пожертвовать несколькими часами валяния в постели.

– Если часов в девять поднимемся, то, пока помоемся, поедим, пока дойдём, уже часов одиннадцать будет. Они ждать, столько не станут. Дядя Коля же сказал, что с утра надо...

– Ну, тогда иди один, – махнула рукой Полина, а потом вдруг спохватилась: – Слушай, я чё подумала-то. Вот смотри, у косуль же попки белые?

– Ну да, – согласился я, – белые. Ты же видела, когда мы в лужи за черемшой ездили.

– Белые!.. Сами они коричневые, а попки белые! – обрадовалась Полина. – А если косуля вся белая, то попка у неё какая? Коричневая?..

Я задумался. Фиг его знает, какая. Может, и коричневая.

– Без понятия, – вздохнул я, – вот пойду и узнаю.

– Ладно, – согласилась Полина, – а я потом на фотках посмотрю.

Проявив прямо-таки фантастическую силу воли, я смог подняться в пять утра. Но потихоньку уйти не получилось: меня перехватила бабуля, загнала в летнюю кухню и поставила передо мной стакан молока и тарелку с булочками. Пока ел, с удовольствием выслушал её похвалу: «Слава богу, что у одиннадцатилетнего раздолбая хватило ума не тащить семилетнего ребёнка с утра пораньше в лес». Разобравшись с булками, затолкал в карман толстовки завернутый в тряпицу бутер с мясом.

Бабуля вообще всю еду заворачивает в тряпицы, говорит, что в пластиковых пакетах пища задыхается и становится невкусной. Наверное, так оно и есть. Я уже заметил, что в деревне всё вкуснее, чем дома, в городе.

Стараясь не громыхнуть калиткой, вышел со двора и, осмотревшись, быстрым шагом направился в сторону леса.

Над деревней висела тишина. Я остановился, прислушался и вдруг понял, что никакой тишины, оказывается, и нет!

Вот у соседней мукнула корова, вот из другого двора раздалось негромкое хрюканье. На соседней улице гавкнула псина, ей ответила другая. Опять муканье. А это уже Степашка взвизгнул. Эти звуки раздавались со всех сторон, заполняли собой всё окружающее пространство. Они были живыми, вписанными в этот мир, были его неотъемлемой частью, поэтому мы на них внимания и не обращали.

Когда же проснётся человек, он прогонит эту живую тишину механическим визгом бензопил и урчанием тракторных двигателей, треском мотоциклетных моторов и воем музыки из динамиков.

От утренней прохлады я передёрнул плечами и лёгким бегом потрусил по улице. Надо бы поторопиться: когда деревня окончательно проснётся, косули могут и не прийти. Побоятся. Вторая плешка недалеко, километра полтора, не больше.

Мне нравилось в лесу, особенно в этом. Бабуля говорила, что леса вокруг светлые, безопасные. Самые страшные зверюги, которые водились в этих местах, – это бурундуки. Если вдруг умудришься изловить это полосатое создание, главное – пальцы ему в пасть не толкать.

Я однажды спросил местного агронома Сан Саныча, когда последний раз здесь волков видели. Он после недолгих раздумий ответил: «Последний раз... никогда».

К плешке вела хорошо видимая тропинка. Проскакав полпути, я остановился и присел на корточки. Да-а-а-а... Сложно пройти мимо. Костяника! Да как много! Трава в лесу невысокая, и красные ягоды прямо в глаза бросаются. Я не стал собирать по одной – времени мало. Нарвал прямо стебельками и потопал дальше, обрывая ягодки с кустиков ртом.

Плешка. Большая покосная поляна, по которой разбросаны небольшие островки березняка. Но они меня не интересовали. Я знал, что со стороны деревни косули не пойдут. Значит, чтобы быть к ним поближе, надо спрятаться на противоположной от деревни стороне поляны.

Место для засады нашёл шикарное. Прямо внутри большого куста волчьей ягоды торчал пенёк давно уже спиленной берёзы. Я смахнул с него кучку нападавших листьев, раздвинул перед собой ветки, чтобы улучшить обзор, и прислушался.

Вроде никого. Никто не ходит, ветками не шебуршит, значит, время ещё есть. Уселся на пенёк, вытащил из кармана бутер и с удовольствием впился зубами в мягкое, сочное мясо.

Вся плешка была затянута лёгкой дымкой, которая стелилась прямо над землёй. В этих местах никогда не было туманов, только вот такая призрачная дымка, которая в лучшие времена не поднималась выше коленей. Я пытался выяснить, почему так, но никто ничего вразумительного пояснить не смог. Отродясь, мол, так было – вот и весь ответ.

Серебристая дымка, затянувшая поляну, исчезала на глазах. Казалось, что она впитывается в землю, ещё немного – и совершенно пропадёт.

Появление косуль я проморгал. Вот только что никого не было, отвёл на секунду взгляд от поляны – и на тебе! Они уже здесь! Стоят на краю леса, метрах в двадцати от меня, и настороженно водят ушками во все стороны.

Я медленно поднёс фотоаппарат к глазам, поймал ближайшее животное видеокамерой и замер, затаив дыхание. Только бы не спугнуть! На поляну вышли только две косули, но я чувствовал, что рядом есть ещё. И среди них обязательно должна быть белая. Мне очень этого хотелось!

И они появились! Три косули! Стремительно вынеслись из леса, как будто кто напугал. Несколько высоких прыжков по поляне, и они замерли, тревожно осматриваясь.

Мне повезло: белая тоже пришла. Я приблизил картинку и нажал на кнопку. Звук сработавшей камеры показался оглушительным настолько, что я аж глаза прикрыл. Пришла мысль: «Ну всё, сейчас сбегут!»

Не сбежали – наверно, звук всё же был слабым. Это моё воображение виновато. Стараясь не шевелиться, опять нажал на спуск камеры. Выждал пару секунд и ещё раз нажал, потом ещё и ещё...

Как я её только не фотографировал! И приближал, и отдалял. Фотал, когда она траву щипала и когда, вскинув красивую голову, пугливо озиралась, поблёскивая светлыми глазками.

И вдруг недалеко от меня раздался грохот, такой, что я от неожиданности пригнулся, чуть не выпустив из рук фотоаппарат. Когда опомнился и посмотрел на поляну, увидел, что белая лежит на боку и, перебирая стройными ножками, пытается встать. Наконец, ей это удалось. Но, едва она попыталась сделать шаг, как ноги подломились, и косуля упала на колени, уткнувшись мордочкой в траву, а потом медленно завалилась на бок.

Я, ничего не понимая, продрался через кусты и торопливо пошёл к лежащей на поляне косуле. По пути, краем глаза заметив, как из кустов расположенных недалеко от того места, где я сидел, вышел человек и неторопливо направился следом за мной.

О том, что произошло что-то страшное, я осознал разом, как будто кто по голове огрел! Увидел расплзавшиеся на белой шёрстке животного красные пятна и всё понял. Это был не просто грохот. Это был выстрел, косулю убили...

Опустившись возле косули на колени, я осторожно погладил животное по мордочке. Казалось, что она сейчас подкинется и, мелькнув светлой стрелкой, исчезнет в лесу...

Не подкинулась. Она вообще уже не шевелилась. Она умерла.

– Да не, Санёк, после меня правки никогда не требуется! – раздался знакомый голос. – Готова она, можешь не проверять. Я, знаешь ли, стрелять с детства научился! Тебя я давно заприметил, да не стал окликать, спугнуть их боялся...

Дядя Женя. Сосед бабулин, в трёх дворах от неё живёт.

– Вы чего наделали-то, дядь Жень? – спросил я, поднявшись с колен, чувствуя, как предательски задрожал голос. – Зачем это Вы?.. Чё натворили-то?!

Я не мог смотреть ему в лицо. Казалось, что если увижу, как он радуется, кинусь на него с кулаками. По его голосу было слышно, что он улыбался. Радовался удачной охоте. А мне хотелось плакать, и, поняв, что могу не сдержаться, я побежал в лес, стараясь оказаться как можно дальше от этого страшного места.

Вытирая слёзы рукавом, я шёл по лесу, буквально всем телом чувствуя, как мечется по лесу непрекращающийся грохот выстрела, раз за разом, выплёскивающий на белоснежное животное уродливое красное пятно.

Сергей КИРИЛЛОВ

г. Советск, Калининградская обл.

Автор нескольких сборников рассказов, многоотомного повествования «Уйдома» – о судьбе русской деревни 20-го века (за 18 лет работы вышло 4 книги, первую из которых в режиме «продолжение следует» с января 2012 года публиковал журнал «Двина», Архангельск). Лауреат и победитель ряда российских и зарубежных литературных конкурсов.

Лизка

Рассказ

Лизка – гнедая десятилетняя кобыла – всю свою жизнь помогала лесникам в исполнении их многотрудных обязанностей: то просеку противопожарную пропахать, то объезд сделать, то на работу отвезти. Пожары, посевы, санрубки, да мало ли их, этих хлопотных забот у лесной охраны. А хозяйство ого-го какое, и глазом не окинешь. Кто первый назвал её таким некобыльим именем – уж теперь не разберёшь, а только Лизке это без разницы. Коли в хлеву тепло да в кормушке сытно – зови хозяин хоть горшком, только в печь не ставь.

Была она кобылой смирёной, но в работе выкладывалась всегда без остатку. Хотя какая, казалось бы, у кобылы работа: знай себе, тяни – и все дела. Э-э-э, не скажи, брат. Иная лошадь с виду вроде и тянет, а приглядишь – видимость одна: не тянет, а *волокет* еле-еле. И поставь такую в пару косилку тягать – *напонуешься* и наорёшься до хрипоты. Лизку тут упрекнуть не в чем; если везёт, так сразу видно, что со всем прилежанием. Мне другой раз её даже жалко было, если мужики на неё за что-то покрикивали, а то и кулаком замахивались. Ведь добродушнейшее же существо: никогда не напакостит, не *зауросит*, не заленится – за что орать-то? Так хотелось в такие минуты погладить её, пожалеть... Ну и что ж, что она такая большая, а ведь тоже живая.

История, о которой я хочу рассказать, случилась со мной и с Лизкой ещё в моём ребячестве. Было тогда во мне, как говорится, «метр с кепкой», ходил я в класс, наверное, шестой, от силы в седьмой – не помню уж точно, давно дело было, помню только, что январь морозный на дворе стоял и я был на каникулах – а вот сама история отпечаталась в сознании до мелочей.

... Припёрло нас как-то раз под Рождество с сеном. Отец в командировку по каким-то лесным делам уехал да задержался, мать захворала, и сенной запас весь поиздержался. Как мы его ни урезали, ни сэкономили, но хоть урезай, хоть нет, а корове-то ведь в ясли дров не сунешь. Вот и выяснилось в один прекрасный день, что *назавтрие* к вечеру скотину кормить нечем. Что тут станешь делать: мама слаба – только по избе кое-как ходит, сестрёнки младшие только пицать умеют – ехать некому. Окромя меня, конечно. А с возом сена – это не то, что с возом дров, хлопот не сравнишь. Опять же ни подсобить, ни подсказать некому. Понятно, что весь этот процесс я уж не раз видал и даже помогал в таких поездках отцу, но одно дело, когда ты беззаботный пассажир, и совсем другое, если ты – один. Но делать нечего, надо ехать.

Встал я наутро, как мужики, пораньше. Поел поплотнее – и во двор, к кобыле. Мороз в тот день не шибко свирепствовал, однако же градусов под тридцать, наверное, набиралось. Отворил я двери в хлев, и туда сразу клубы морозные вперёд меня! Лизка оборотилась недовольно – кого, дескать, в её тёплые владения принесло – глядь, а хозяин-то какой-то не настоящий: уж больно мал. Однако же намерения выказывает серьёзные. И вот ведь золото – кобыла: другая бы и узду-то надеть не дала – поди достань до её морды, если она голову поднимет – а то и вовсе задом повернулась бы; берегись, дескать, не ровен час, и копытом получишь! Эта нет: как увидела, что я узду решительно с гвоздика снимаю, вздохнула, конечно, но, делать нечего, голову свою сама же ко мне и протянула. А дальше уж на поводке, да и в *садник**.

Лошадь запрячь, если кто видал, – дело в общем-то нехитрое, но и в нём тоже свои тонкости имеются. И кобыла, зная, что упряжь носить ей, внимательно-внимательно за мной наблюдать взялась, как я её снаряжать начал. На всякий случай. Уж больно мал хозяин-то, а ну как да чего перепутает. Смотрит – *седёлко*, вроде бы, правильно надел. И подпругу откуда надо застегнул. А дальше-то хомут... А вы хоть раз ярмо это лошадиное видали? Весу в ём, знаете, сколько? А голова у кобылы на какой высоте растёт? Вот и прикиньте, как этот хомут туда нахлобучить, если в вас росту только «метр с кепкой»! Лизка и тут меня выручила; как только увидела, что у меня затруднения начались, сама голову до земли опустила и в хомут всунула! Только повернуть да поправить его и осталось – во, кобыла!

Приладил я хомут, одобрила мою работу Лизка, и уж сама безо всякой подсказки в оглобли зашла. Пристроил, завернул я дугу, – опять проблема: супонь надо затягивать. Одно дело, когда ты её на пустом хомуте на сенокосе завязываешь, и совсем другое, ежели в оглоблях да с дугой. Дуга-то – это ведь не *вичка* вам какая-нибудь, попробуй-ка согни её! Мужикам-то что; у них же ноги, ровно у сохатых: одной в землю, другой в хомут упрутся, супонь рррраз на себя – и всё готово. А каково тут, когда ногу аккуратно на уровень собственных глаз надо задрать, чтобы в хомут упереться? Порхался я порхался с этой супонью – не затянуть, хоть реви! Опять Лизка выручила. Посмотрела-посмотрела на мои мучения, да и поворотилась вместе с санями боком ко крылечку. Залезь, дескать, маленький хозяин, на ступенечку, тебе с неё ловчее будет меня запрячь. Во, голова! Я тово часу непокорную супонь и затянул. А дальше уж инвентарь всякий на сани... Гляжу, – а Лизка опять глазом на меня косит, опять проверяет, всё ли взял, что может в лесу потребоваться. Так вот мы с ней вдвоём и собирались. И ежели приглядеться, то не сразу и поймёшь – кто тут главный: кобыла хоть и младше меня, но куда опытнее и знает весь этот процесс до тонкостей. Однако же я, видать, не оплошал, и

когда всё необходимое на санях было пристроено, кобыла на меня всё-таки с почтением да вопросом взглянула – можно ли, дескать? «Можно!» – разрешил я и, подтверждая, пошевелил вожжами.

Мы и поехали.

... Куда ехать – Лизке подсказывать было не надо. Дорогу к стожкам сена она как свои четыре копыта знала, мне только по сторонам поглядывать оставалось.

А красотища-а-а!!! На небе ни облачка, солнышко аж белое от мороза, и всё вокруг, словно птица перьями, белым инеем нахохлилось. Всякая травинка, из-под снега торчащая, всякий кустик, не говоря уж о деревьях. Одни тетерева только на белых берёзах чёрные, как головёшки. Недаром их пальниками-то прозвали – палёные, значит. Мало-помалу и Лизка, смотрю, закуржавела. Хитрая, однако, кобыла: шибко не бежит, чтоб не вспотеть, и шагом не идёт – знай себе, трусит в удовольствие да пофыркивает. Так четыре километра мы и одолели. И мне замёрзнуть некогда было.

Стожок сенной наш под угором стоял, у самого леса. А замело. Порожняком-то мы с Лизкой легко спустились, а только вижу я, что кобыла моя вязнет в снегу мало не по брюхо. Сани же по насту идут. Притулилась, было, моя помощница к стожку, пахучего сенца пожевать, но я её от этого приятного занятия оторвал: «Не подняться нам с тобой, Лизуха, в угор с возом, даже с маленьким, если дорогу не промнём». Согласилась без звука; ухватила напоследок ароматный пук и давай опять в угор с пустыми санями – дорогу торить.

Издались. Укрыл я её одеялом, как возвратились мы к стожку, сена *нашиньгал** охапochку – подкрепляйся, помощница, да отдыхай. Та и довольна: тепло и вкусно.

Вообще-то это дело непустячное – воз сена нагрузить. Сноровка нужна, соображение. Сперва ведь отпилить – да, да, отпилить, и пила такая есть! – надо столько, чтобы влезло без остатка, потом *укласть* ровно, чтоб не перевернуло где в ухабе, да ещё и увязать, чтоб не растрясло. Не видал – не сумеешь, а если и привезёшь, то, дай Бог, охапochку – корове с овечками на день. А каждый день не всегда удаётся съездить. Хорошо, что насмотрелся я, как это отец мой делает, и, когда вот *пристручило**, всё и пригодилось.

Увязался я. Аккуратно так увязался и без остатков. И Лизка к той поре обед свой дожевала. Посмотрела опять на меня – что, дескать, маленький хозяин, всё ли у тебя ладно? А я уж с вожжами в руках: «Ладно, – говорю, – Лизуха, ладно!». Ну а той повторять не надо; коли ладно – будем работать. И поехали.

Тяжко. Ох, и тяжело мы с ней в угор подымались! Возок хоть и невелик, а круто. И наст буровит. Вот где я Лизку во всей красе её трудолюбивой увидел! Как она этот воз тянула! Сколькo рвения и азарта в труд свой вкладывала, – я еле-еле бегом за ней поспевал! Несколькo раз она отдышаться останавливалась и ни разу не заставлялась больше, чем ей это надо было; дух переведёт – и опять вперёд. И без всякой команды! Да и как такой помощнице командовать будешь? Язык ведь не повернётся, видно же, что добросовестно животное трудится. Полное у меня к ней доверие было, и она его с честью оправдывала.

Вылезли! Забрался я на воз, и какое-то время мы с Лизкой хорошо поровну проехали. Умнейшая кобыла; сама знает, где как поворотить, чтобы воз ни заносило, ни *опруживало** – ничего подсказывать не надо, хоть и вожжи в руки не бери!

Но в одном месте очень круто спуститься занадобилось. Да в косогоре и с поворотом. Возов там перевернулась – уйма! Ежели лошадь не удержишь – считай, что воз на боку. Остановил я кобылу перед спуском, подошёл к ней, а она – ох, и сметливая же! – знает уже, зачем подошёл. Голову отвортила в сторону – не даёт. Понимает, что сейчас удила в рот пихать станут, а похватай-ка железяку оледенелую на тридцатиградусном морозе мокрыми-то губами!? Каково? Враз губы-то на железяке и останутся! Хоть у человека, хоть у лошади – всё едино. Посочувствовал я ей, конечно, но сам на своём: надо, говорю, Лизуха. А ну как я тебя не удержу, да мы перевернёмся? Чего тогда? Как выкручиваться будем? Уж потерпи, пожалуйста, несколько минут, я тебе железяку сразу изо рта выну, как только спустимся. Слушает меня моя помощница, понимает, что я всё правильно говорю, а железяку-то всё равно не охота в рот брать. Но ведь надо. Пожевала она, пожевала, слюны побольше в рот напустила, увидела, что и я удила сеном протёр – сдалась. Повернула ко мне голову, позволила железяку себе в рот сунуть, и ну – перебирать её скорей губами, чтобы не прилипла.

Спустились. Удержал я кобылу; да и как не затормозишь, ежели у тебя мёрзлым железом губы разрывают? Всё удачно получилось, и я сразу же обещание исполнил – удила изо рта кобыльего вынул, как только мы опасный спуск проехали. А уж потом довольная – что не обманули – кобыла меня с возом живо до дому довезла.

Освободил я её от упряжи, сбрую снял, а Лизка отошла на чистенький снежок и – давай по нему кататься! Голову приложит одной щекой ко снегу и – на спину вверх ногами. И дрыгает, это, ими, как заправский гимнаст после тяжёлых упражнений. Так того, небось, тренеры знающие учили этой науке. Лизку же, видать, матушка родная когда-то да мудрость природная.

«А хорошо мы с тобой, Лизуха, поработали! – благодарно потрепал я кобылу по тёплой, мягкой шее, когда она поднялась и отряхнулась от налипшего снега. – Корове теперь надолго сена хватит, а там и батя придет».

В ответ Лизка близко-близко протянула ко мне свою большую голову. Так близко, что чуть не весь мир вокруг меня один её глаз заслонил. И увидел я в его тёмной глубине коротконогoго карлика с кривыми ногами и с головой до того большущей, что она одна больше того уродца оказалась. Пригляделся – батюшки-светы, да ведь это же я сам в виде этого карлика в Лизкином глазу отразился, до того он близко от меня оказался! А Лизка вдруг осторожненько так – не придавить бы ненароком, уж больно повелитель-то маловат – свою большую голову мне на плечо положила и замерла. Признала, значит.

* – местный диалект.

Владимир СОФИЕНКО

г. Петрозаводск

Софиенко Владимир Геннадьевич. Родился в 1968 году в г. Темиртау, Республика Казахстан. Образование высшее, КГПА (социальный психолог). Директор АНО «Петроглиф». Организатор международного литературного фестиваля «Петроглиф». Занимается социокультурными и инфраструктурными проектами в Республике Карелия, направленными на сохранение наследия Севера. Автор 4 книг прозы: «Ожидание в две тысячи лет» (2008), «Под солнцем цвета киновари» (2012), «Смотритель реки» (2015), «Жизнь по зёрнышкам. Зарисовки о насущном» (2017). Публиковался в ряде российских и зарубежных журналов, коллективных сборников и альманахов. Рассказы переведены на финский, армянский, японский языки. Лауреат III степени VI и VII международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Член Союза писателей России, Всероссийского клуба кураторов литературных фестивалей. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Бабочки в оконной раме

Рассказ

Зима эта ничем не отличалась от многих предыдущих. Укрытый снежными шапками, стоял в оцепенении лес. Будто сдобные булки, залитые толстым слоем глазури, отдыхали от покосов совхозные поля. Белёное северное солнце опаловым ликом куталось в морозную дымку. Лениво катило оно по верхушкам сосен, озаряя низкое небо фиолетово-розовым светом. Спали окрестные лесные ламбы, скованные льдом, а оставленный рыбаками до весенней поры улов сонно шевелил жабрами в Окунозере.

Посреди снежной стыни дремала и древняя Корза – деревня карельская, а название, говорили, от саамов¹, когда-то живших в этих краях. Вдоль запорошенных снегом улиц находились потемневшие от времени бревенчатые дома с покосившимися стенами и сиротливыми оконцами в следах облупившейся краски на переплётках. За неумытыми стёклами виднелась старенькая мебель. Иногда в ясный погожий день заглянет в такой дом солнечный луч, будто ищет кого, скользнет по холодной русской печи, по лежанке, заваленной рваными ватниками и прочим барахлом, по задубелой резине сапог и выйдет вон, как гость непрошенный. Спят дома – ждут своих хозяев. Некому сон их нарушить. Лишь сороки порой устроят на крыше перебранку да холодной вьюжной ночью на чердаке пустая рама испуганно пристукнет в слуховом окне.

Старый дом-пятистенок на улице Верхней, которая одним своим концом упирается в болото, а другим выходит в лес, был ещё крепок, хоть и стоял лет под сто. Его баюкала метель, завывала, сыпала в слепые окна колкой канителью. А Дом видел сны...

Далеко слышна гармонь – новоселье в Корзе. Кошка бежит по свежеструганным углам – ищет укромное местечко. А в доме-то шумно да весело – гостей много, гудят, хвалят, печью русской любят. «Terveh teile!»² – уважительно здороваются.

Коренастый бородач, первый среди гостей, деловито кашлянул в кулак:

– У нас в Корзе завсегда рады добрым людям. Прижились вы у нас. На вот, Петро, топор плотницкий держи – в хозяйстве он перво-наперво! – протянул хозяину подарок. – А жене твоей, Аулики, вот безделица! Да гляди, чтоб к следующей осени не пустовало! Люльку-то сам наладишь, – усмехнулся он в бороду.

И зашумела шутками и смехом захмелевшая компания, гляючи на стыдливо зардевшуюся хозяйку, принявшую от гостя кованое кольцо с длинным острым штырём на конце. Петро тут же умело вбил его в потолок под одобрительные возгласы.

И пошло гулянье! Хозяйка из жаркой печи вынимала калитки с пшеном, рыбники с судаком и чудные рёнттёсет – как финны пекли. Из холодного подпола приносила то ветчину, то солёные огурцы, капусту квашеную, солонину, лосятину, рыбу вяленую. Гуляли долго – целых три дня.

А вообще, веселиться местные любили и умели. Как заведено было, в праздники даже из Рубчойлы, соседней деревни, в Корзу приходили девчата и парни – пять вёрст не дорога для молодых да бойких – нечего подводу зря гонять. Шумно было, многолюдно, бурлила жизнь, звенела голосами и лица Верхняя.

... Дом смотрел мокрыми стёклами на первую свою осень: в лужах плавали бурые лодочки листьев, вечерами перемигивались подрагивающим желтоватым светом керосиновые лампы в окошках. А потом и зима пришла. Стали баньки топить – те, что выстроились вдоль ручья окунозерского, будто бурёнки на водопой. По-чёрному – с самой зари, чтобы засветло успеть помыться и бельё постирать – зимний день в Карелии скор на убыль. Топили долго, берёзой – валил дым из-под крыш приземистых построек. Отовсюду учуять можно было! В хлевах на первых этажах настороженно пряли чуткими ушами и недовольно фыркали лошади, тревожно блеяли овцы и мычали коровы.

Мимо окон Дома носилась по улице Верхней взбудораженная розовощёкая ребятня, забирались в первые наметённые сугробы – пробовали на прочность. Тайком от взрослых срывали сосульки с козырьков бань, откуда валило берёзовым духом, и с наслаждением пробовали их на вкус. В воздухе, морозном и звонком от детского смеха, стояла хмельная, безотчётная радость, и ещё теплее становилось в Доме от этого.

¹ Корза – с саамского – овраг возле ручья.

² Terveh teile! (карельск., ливв.) – означает приветствие.

Давно минуло то время. Раньше только на одной Верхней улице двадцать дворов было! В каждом – семьи, ребятишки да скотина без счёта... Теперь некому пригляд вести за хозяйством – молодёжь в город подалась, лишь в трёх домах горит зазывными маячками тот же желтоватый свет в окошках – приросли старожилы к своему месту, незачем им за лёгкой жизнью в город ехать, только и осталось ждать детей, внуков в гости.

Одряхлали постройки, просели, накренились к земле – того и гляди развалятся трухлявые венцы. Пустые дома, как старики, живут ожиданием. А только приедут хозяева – следы запустения будто веником смахнут вместе с многолетней пылью. Зазвучит дом скрипом дверей и половиц, голосами людей, засветятся окна, пыхнет печь – теплом согреет, раздражит запахами еды. А пока стоят они, потемневшие, покосившиеся, словно зубы в старушечьем рту. Тихо стало в деревне, уснула улица Верхняя и Дом уснул.

Набравшись сил, с болота дунул ветер, обдал снежной крупой, в каждую трещинку проник. На чердаке что-то брякнуло, пристукнуло, скрипнула половица, будто под тяжёлым шагом. Не Петра ли поступь, не сети ли рыбацкие наверху развешивает?..

Уважали хозяина деревенские. Был он молчалив – лишнего не говорил, но, коль сказал чего, посулил, слово своё твёрдо держал. Душою отзывчив – мимо горя людского не проходил. От работы не прятался. Мало кто из мужиков мог угнаться за ним на сенокосе. Крепко стояло хозяйство его, вот и в колхоз позвали Петра в числе первых...

К тому времени три осени и три зимы минуло, как «отходил» Дом, венцами усаживаясь. В один из весенних дней много народу набилось к Петру – до самых краёв. Мужики толпились у настезь распахнутых окон, дымили самокрутками, бабы втихомолку судачили о своём, сплёвывая в кулак шелуху подсолнечника. Все слушали двух пришлых в потёртых кожаных куртках. Приехали они в деревню издали на шумной странной повозке, в которую не впрягли лошадей.

– ... Как говорил учитель мирового пролетариата товарищ Карл Маркс, «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям»! О таком обществе мечтали ещё Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла! – агитировал деревенских пришлый мужичонка, маленького роста, с пушком под носом и глянцевою розоватой кожей на щеках, как у мочёного яблочка. Говорил он быстро и напористо, как все городские. – ... По всем уголкам нашей молодой страны ветер Революции разносит радостную весть о строящемся справедливом обществе рабочих и крестьян, товарищи! – видимо, влекомый этим «ветром», мужичонка вскочил со скамьи и энергично вскинул руку с зажатой в ладони кожаной кепкой, будто сам являлся вождём пролетариата. – Долетел он и до вашей деревни, товарищи! Крепнет парус сознательности простого люда на корабле, идущем уверенным курсом в счастливое будущее! Вступайте в колхозы! – он окинул пылающим взглядом собравшихся мужиков и баб, остановился на хозяине дома, а тот отстранённо уставился в красный угол комнаты с киотом и лампадкой. – ... И первым такое право вступить в колхоз имеет Пётр Алексеевич, – продолжил агитатор, расплывшись в улыбке. – Что скажете, Пётр Алексеевич? У вас крепкое хозяйство, вам, как говорится, и петь первой скрипкой.

– А то и скажу: некогда мне петь, – буркнул хозяин, оглаживая мозолистой ладонью бороду, – хозяйство у меня. Те вступают пусть, кто сознательный, – у кого штанов в запасе нет.

– Думаете вы так от забитости поповской и безграмотности своей, – нашёл агитатор, обращаясь не столько к хозяину дома, сколько к собравшимся, – вот поэтому мы с товарищем из Петрозаводска и приехали к вам с разъяснениями по просьбе самого товарища Гюллинга!

– Оно, может, и по безграмотности, – Петро зыркнул в сторону городских, в глазах его заплясали злые огоньки, – с Карлом Марксом спорить не буду – он в достатке рос, земли не пахал и скотину не содержал. Джордано Бруно и Кампанелла, как вы говорите, попами были. Одного сожгли, другой сумасшедшим, стало быть, прикинулся. Ни тем, ни другим я быть не желаю. У меня детишек двое – их на ноги ставить надо.

– Петро у нас грамоте обученный, – кто-то шепнул уважительно за занавесью табачного дыма.

А тот по привычке кашлянул деловито в бороду, поднялся со скамьи и вышел на улицу.

Хозяина забрали осенью, перед первыми морозами. «Теперь в одних штанах походишь, как сознательный», – зло сквозь зубы процедил конвоир. Убитая горем, Аулики тихо плакала, прижав к себе притихших сыновей.

Хозяин обернулся, будто прощаясь, в последний раз окинул взглядом жену с детьми, родные стены и вышел во двор. Там Петра грубо пихнули на телегу, покрытую соломой, и она, скрипя несмазанными колесами, покатила по вмиг опустевшей улице Верхней. Больше он в Доме так никогда и не появлялся.

Вот и март заиграл солнечными деньками. Крыши, укрытые снежными шапками, искрятся крошкой горного хрусталя. Аквамарином отливают раскатанные ледяные дорожки, а вечером гранатом вспыхнет морозный закат. Чудеса! И вдруг затарахтело кругом, заскрежетало, лучи фар бесцеремонно проникли в тёмные окна Дома. По Верхней трактор колотит двигателем, снег гребёт, улицу чистит – скоро дачники сезон откроют.

... Много лет назад, ранним августовским утром 1941-го, скрежет разнёсся над дремлющей Корзой, с каждой минутой он нарастал. По улицам, зловеще лязгая гусеницами, катил подбитый железный исполин с красной звездой на башне. Дрожала, как в лихорадке, земля, дрожали дома. Испуганно побрякивали стёкла в окнах, из-за занавесок показались тревожные лица.

Хмурилось небо, стягивая грозовые тучи, под порывами тугого ветра волновались яблони, шумели листвой, уже тронутой кое-где осенними красками.

Выглянув в окно, расстроенная Аулиikki подошла к постели младшего сына. Один он с ней теперь остался – старших призвали в армию.

– Знать, нам с тобой беды не избежать, Петенька. Всю ночь со стороны Каменьнаволока громыхало. Вот и до Корзы война докатилась, – голос её дрогнул, она с нежностью погладила нервными пальцами светлую макушку их с мужем последыша. Он родился вскоре после того, как забрали Петра Алексеевича.

На следующий день в деревню вошли чухонцы – рослые, подтянутые, в униформе. От них пахло дорожной пылью и потом. Постучались и в дом Аулиikki.

– Terve talo, – холодно поздоровался офицер, снимая фуражку.

Вроде как и слова схожи, из мирной жизни, да не те. Не с добром переступил он порог. Говорил офицер на языке, похожем на карельский, но не на нём. А хозяйка незваного гостя хорошо понимала – недаром родом из Суоярви. Пытаясь унять дрожь, она сплела руки на груди и торопливо ответила офицеру, бросив украдкой тревожные взгляды на печь. Офицер заметно оживился, услышав правильный диалект его родных мест, но, вспомнив, для чего он здесь, посуровел лицом; и его резкое «*guumiintarkastus!*» привело в движение солдат, пришедших вместе с ним. С лежанки стащили испуганного мальчика, прятавшегося за занавеской. Аулиikki кинулась было к сыну, но её грубо остановили. А Дом, казалось, похолодел весь, скрипнул половицами, словно зубами, загудел ветер в трубе: уходи, чужак, не трожь хозяев моих!

– Пустите меня к маме! – захныкал Петенька.

Аулиikki, сложив ладони, будто перед образами, молила о чём-то офицера по-фински. Ещё с минуту тот размышлял. Закинув руки за спину, он покачивался с пятки на носок в начищенных до зеркального блеска сапогах, будто прислушивался к завыванию ветра в трубе. Когда он заговорил, голос его, глухой, будто простуженный, звучал уже без ноток угрозы:

– Если бы не землячка, быть тебе с остальными! – он резко развернулся на каблуках и стремительно вышел.

Опустела улица Верхняя, приумолкла. У соседней сыновей и мужей, кого не призвали в армию, увели финны, но Аулиikki повезло. Хотя скотину всё же забрали до последнего поросёнка, её и сына не тронули, оставили и Дом.

Пошла жизнь в Корзе своим чередом – та, да не та. Бабы и редкие мужики, кого не взяли в плен, вернулись к хозяйству. В опустевших домах квартировали солдаты. Страх гулял по улице Верхней, тревогой заглядывал в окна – с болота его разносило ветром по деревне. В мирное время кормило оно деревенских морошкой и клюквой. А теперь за ручьём на болоте сидели пленные. Пригнали их сразу же, как в Корзу вошли финны. Красноармейцев было не больше двенадцати, среди них и конвоир, что донос на Петра Алексеевича, мужа Аулиikki, написал. Оборванные, грязные, голодные пленные сидели за оградой из колючей проволоки, недалеко от топи – гиблого места. Быстро вытянуло из них болото жизненные силы... В тот дождливый промозглый вечер, когда за оградой сгинул последний красноармеец, закат был особенно красив. В тёмном небе, прикрытое фиолетово-розовой кисеей облаков, алело солнце. Оно казалось огромным и давящим, будто тяжесть этого дня всё ниже клонила его в топь. Вдруг, коснувшись края земли, брызнуло киноварью, вздыбило, выгнуло аркой облака, раскрасило их радугой, будто дверь открылась на светлую сторону в стремительно чернеющем небе. Так и сияли радужным светом небесные врата, пока обессиленное солнце не скрылось за горизонтом и ночь не поглотила их.

Давно минули военные годы. Не во все дома вернулись с фронта мужики. Вот и Аулиikki не дождалась старших сыновей. Однажды, собрав вещи, она уехала куда-то с младшим Петей. В Доме стали жить другие хозяева. При них всё реже пахло пирогами, чаще – горьким, полынным запахом после безудержного пьяного веселья. Не стало скотины. Хозяйство пришло в упадок. Потом были другие люди и ещё другие...

Наконец, в Доме стал появляться дачник – пожилой мужчина. С ранней весны до поздней осени он жил в Корзе. Сажал картошку, ходил на болото, в лес, сушил на лежанке грибы, перебирал ягоды. Иногда по вечерам он доставал бережно хранимый чёрный кейс с блестящей латунной трубой внутри. Мужчина подолгу смотрел на инструмент, любясь изящными очертаниями, поглаживал его сухонькой ладонью с длинными гибкими пальцами, будто не решаясь взять, затем порывисто вставлял мундштук и подносил к губам. После короткого арпеджио он вставал к раскрашенному закатом окну, чуть прикрывал увлажнившиеся глаза и играл. А Дом слушал немного печальную мелодию и плакал мокрыми окнами. Зимой он берёт урожай в подвале и жил теми редкими погожими деньками, когда к нему наведывался музыкант. Иногда тот оставался на ночлег, и Дом, укутав заботливым теплом русской печи, сторожил его сон. Вот уже целых восемь лет хозяин не приходил к нему...

Первая капель. Всё пришло в движение. Вскрылись ото льда реки и озёра. В лесу в распадах и ложбинах ещё не сошёл грязный, с прошлогодней осыпью ноздреватый снег, но воздух был уже напоён пробуждением земли, очнувшейся от зимней спячки. Потянулись в родные края долгожданные клинья птиц. Вожаки, утомлённые длительным перелётом, радостно приветствовали северную землю, где птенцами ставили их на крыло родители.

Солнышко пригрело крыши, просушило венцы. Земля и деревья ожили зелёной молодью. Вздохнула, задышала полной грудью природа после зимней спячки. Под крышами домов начали вить

гнезда ласточки. Прогретый солнцем воздух наполнился писком, гудением, жужжанием, зазвенел голосами лесных птиц. Потянулись дачники с граблями и лопатами.

В бывшей школе на улице Верхней окна нарядились занавесками, заморгали жёлтым светом, словно извиняясь: прости, мол, старый товарищ, но у меня теперь другая забота – хозяйева вернулись. А Дом, погруженный в спокойную тишину, по-прежнему чутко спал. Давно не раздавалась в нём поступь шагов, весёлое бряцанье вёдер в сених, уютное потрескивание дров в печи. Тишина. Ни звука. И музыка умолкла на восемь лет.

Правда, был у Дома маленький секрет: в двойной оконной раме поселились бабочки. Каждую весну, когда солнце хорошенько пригревало, они просыпались и радовали беззаботным танцем. Вот и сейчас бабочки тихонько шуршали пёстрыми бархатными крылышками, будто перешёптывались – утешение одинокому старику.

В один из дней на крылечке послышались чьи-то шаги. Может, почудилось? Вот скрипнула ступенька? Вот и замок навесной слетел с петли на двери.

– Tervehteile! – (не может быть, это голос музыканта!)

– Tervehteile, – послышались чужие голоса.

– Вот моё хозяйство, проходите, пожалуста, я вам всё покажу. Снаружи вы видели дом. К сожалению, хозяйственная часть была утрачена: бывшие владельцы венцы раскатали на дрова – пили они, – словно извиняясь, сказал музыкант.

– Это ничего, геометрия хорошая – прочный дом, – со знанием дела произнёс гость, подперев головой потолок в сених, – вот только потолок ни-зковат, – улыбнулся он.

– В комнатах потолок выше, вам удобно будет, – поспешил заверить его хозяин.

Встрепенулся Дом, скинул дрёму. Вот так дела! Знать, других хозяев нужно ждать, коль на смотрины водят.

– Юрий Алексеевич, а почему дом решили продавать? – поинтересовалась спутница рослого гостя.

– Я ведь трубач, духовик, – смутившись, ответил он, – с лёгкими у меня не всё в порядке – это профессиональное. Мне климат нужен морской – вот и перебрался на Украину, в Крым. Всё гражданство думал сменить. А теперь, когда Крым снова российский, не придётся, – и, поразмыслив немного, добавил: – Тяжеловато мне стало с хозяйством управляться – ведь мне уже восьмой десяток идёт, а как хозяйки моей не стало, так живу бобылём, – тряхнув седой головой, отгоняя грустные мысли, нарочито бодрым голосом продолжил: – Сюда, по лестнице наверх, проходите. Ну, вот здесь я и жил... – Юрий Алексеевич с теплотой обвёл взглядом стены комнаты, обклеенные старенькими розовыми обоями, кое-где вздутые пузырями.

С улицы, топоча быстрыми ногами, в Дом вбежали двое мальчишек.

– Мама, папа, там качели есть! Можно мы покачаемся? – наперебой затараторили они.

– Хорошо, идите покачайтесь, пока мы с Юрием Алексеевичем обсудим всё.

Дети! Как давно в Доме не раздавался детский смех, топот босых ножек по деревянным плахам-половицам! Неужто он снова оживёт дыханием русской печи, и, как прежде, будет в нём стоять запах пирогов!

Встрепенулись, забились в оконной раме бабочки, полощут бархатом крылышек по стеклу.

– Ой, Вова, смотри! Русская печь! Я давно мечтала о такой! – обрадовалась гостья. – Пироги в ней м-м-м..! – мечтательно протянула женщина, прикрыв глаза.

Печь! Конечно же, печь! Дом замер в ожидании, лишь пришедшие в движение бабочки поднимались выше, заполняя собой всё пространство оконной рамы, – будто картина вдруг открылась взгляду гостей.

– Мама, папа, смотрите – бабочки! Какие красивые! А как они попали туда? – дети подбежали к окну, разглядывая, как приветственно помахивали им разноцветными крыльями луговые красавицы.

– Сам не пойму, – удивлённо вскинул брови Юрий Алексеевич.

– Это хорошо, что у вас печь сохранилась. Вы знаете, мы с мужем любим предметы старины, собственнo, и дом этот решили приобрести поэтому. Может, у вас сохранилось что-нибудь? Утюг или самовар угольный?

Обязательно есть! На чердаке сундук кованый стоит. В нём Аулики приданое хранила, а на двери, что ведёт на чердак, утюг угольный вместо пружины как противовес висит, и подкову найти можно, и гвозди кованые четыре штуки под соломой упрятаны, да мало ли чего ещё! Обо всём этом музыкант мог и не догадываться – тот редко заглядывал туда, а Дом берёт свои богатства в память о прошлой своей жизни. Он раскроет гостям все свои секреты, но это будет потом. А сейчас, что он может показать сейчас? Кольцо! Как же он мог забыть про кольцо в спальне?! И бабочки снова обеспокоенно забились в окне.

– Пожалуй, только кольцо, – пожал плечами музыкант, поняв, наконец, что именно от него требуется. – Оно в спальне вбито в потолок. Раньше к нему подвешивали люльку с младенцем.

Гостья оживилась и, взяв мужа за руку, ступила на порог спальни. В потолке виднелось кованое кольцо. Вбито оно было прочно, сидело основательно. Его неровная металлическая плоть была в мазках краски многих цветов – отметинах времени. Кольцо наполовину поглотила потемневшая от времени вагонка, будто след бывшего, ещё проглядывающий из глубины веков.

Глаза гостьи вдруг наполнились светом и радостью. Она с нежностью посмотрела на своего мужа и, улыбувшись, сказала:

– Вот только люльку смастерить осталось.

Музыкант лишь теперь обратил внимание на её округлившийся животик.

Сергей ДОРОХИН

г. Новомосковск, Тульская обл.

Дорохин Сергей Васильевич. Родился 25 июня 1972 года. Окончил Тульский государственный педагогический институт (1994), преподаватель химии и биологии. Автор 3 книг малой прозы и приключенческого романа «Три тысячи километров». Лауреат международного литературного конкурса имени Лаврентия Загоскина «Вслед за путеводной звездой» (2014), X международного мультимедийного фестиваля СМИ в Большом Болдыне «Живое слово» (2015), победитель открытого конкурса позитивной литературы «Добрая книга» (2016). Лауреат литературной премии «Козьма в Пустыньке» (2016), республиканских конкурсов «Крымское приключение – 2016» и «Крым романтический – 2017», обладатель специального приза всероссийского литературного конкурса «Литкон» (2022). Публиковался в газетах «Веста» и «Моя семья», литературных журналах «Вокзал», «Странник», «Южная звезда», «День и ночь», «Менестрель», «Иван-да-Марья», «Литра», а также в научно-популярном журнале «Потенциал. Химия, биология, медицина». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Грани вероятности

Новелла

1

Голова пухнет от мыслей... Лезут, какие-то странные. События летят, одни заслоняя другие, столько всего произошло, что многое толком и пережить не успела... Институт. Одна подработка, с которой ушла. Другая, откуда увольняют. Поиски новой... Кажется, мою жизнь живёт другой человек, не та я, какой себя знаю. Будто наблюдаю за той, которая является мной. И боюсь, что эта «другая» наворотит дел, там влюбится, выйдет замуж, нарожает детей, не посоветовавшись со мной. Боюсь, глядя, как родители седеют, надевают очки... И День знаний в этом году уже не для меня...

Для меня – ежедневные метания из Куршевки в институт в этой ужасной электричке – «вагонное» образование, так как дома на подготовку нет ни сил, ни времени; дважды в неделю подработка, путь на вокзал, проводимый в молитвах – чтоб не опоздать, чтоб нашлось свободное местечко, чтоб не приклеился какой озабоченный в вагоне, чтоб не пришиб, когда со станции пойду домой по темнотюге, умирая от страха и едва волоча ноги от голода. И хронический недосып. Наполеон, говорят, спал три часа в сутки, и чем этот чокнутый кончил? Я предпочитаю часов восемь, лучше десять, и желательна каждый день, да где ж их взять? Интересная бледность скоро перейдёт в оттенок жертв Бухенвальда, а синева под очами начнёт навевать мысль не о бурной личной жизни, а о женском алкоголизме...

Темп. Всё несётся, утрамбовывается ежедневно, ежеминутно. Сплошной тест на выживаемость, только набело, исправления не допускаются. И осознание, что перед смертью не надышишься, идиотское хихиканье, «апофигоз»... А эти многоэтажки в «спальных» районах, они только и навевают мысль, что ты – песчинка в часах: сыпешься с тысячами таких же, с трением, кручением и переворотами. Ты в толпе, ты не одна, но – так одинока! До тебя никому нет дела, каждый в своей скорлупе...

Последняя электричка на Куршевку. Три минуты до старта. Второй вагон. Одни и те же лица. Куда бы присесть? На боковушку, к бабке с тележкой? Или к парню, что один на целом диване расположился? Хотя, какой там парень, если четвертак на лбу написан! Книгу в руках мусолит, но за весь путь и двух страниц не прочитывает. Эстет самопровозглашённый. Такие и сами-то себя не всегда понимают, где уж им понять ближнего...

«Эти места заняты?» – спрашиваю. А ответ бесспорен: «К сожалению, да».

Всё верно: если ждать беду – она и будет приходить. Такой лёгкий, странный холодок, как первый утренний морозец: не так серьёзен, но так неприятен! Не сказала бы, что освежает, но определённо бодрит. Люди ж сами себя уполномочили ограничивать других людей! В праве на сидячее место... Ничего, побуду в роли жертвы, пусть и с летальным исходом.

«Вот это свободно! – он передвинулся правее. – Садитесь, сударыня, прошу вас!».

Н-да? Что ж, спасибо. Дальше спросишь, как у меня дела, как настроение? То и другое могли бы быть и получше! Потом спросишь, чем я занимаюсь? В Куршевку еду, видишь? Дальше что? Как провожу будни и выходные? Будни – в трудах, выходные – в праздности, логично? Тривиальные вопросы подразумевают тривиальные ответы. Далее тебе имя назови и телефон оставь? Опять тот же сценарий. Видно, во мне что-то не так. Проклята что ли? Смешно и скучно, потому что наперёд всё просматриваешь. Уже и впечатлений никаких. А они-то не знают – те, вокруг...

«Не будет ли сударыня возражать, если займу для неё местечко в понедельник?» – он проговорил вполголоса.

О-о-о, вот это поворотец! Насушно! И ни слова о состоянии дел! Признаюсь, удивил. Но имени всё равно не скажу, и пусть последней умрёт твоя «надька». В смысле – надежда. Я ещё не говорила, что я жутко вредная? Так вот: говорю!

«Полагаете, в понедельник я тоже поеду этой электричкой?» – вот тебе! Грубо? Можешь списать на юношеский максимализм. «Не исключаю», – он подмигнул, словно током ударил... В ступор вогнал, а как из него выгнаться? Руку протянешь? Так, только без рук! Не спеши, дай вникнуть. «Другая», утухни! Согласиться? Значит, стать обязанной. Отказаться? Вдруг свободных мест опять не будет? Выбор всегда чреват последствиями.

«Вы меня смущаете. Мы так не договаривались!» – это не я ответила, правда! Это та, «другая», не посоветовавшись... «Честно сказать, мы вообще никак не договаривались», – он

подмигнул уже на триста восемьдесят вольт... «Не берите в мысль, – нет, «другая», не старайся: я всё равно тебя заткну, чтоб жить не мешала! – Что у вас за книга? Достоевский? Смотрю, давно уже...».

Зачем, ну зачем это «давно уже»? «Другая», поди прочь! Ты б ему ещё, чтоб проводил со станции, брякнула! Шизофрения...

2

Считаю, достаточно тянуть время и сегодня для достижения поставленной цели пора применить метод развивающего дискомфорта через полимодальный подход, то есть – с воздействием на каналы восприятия:

- 1) визуальный;
- 2) аудиальный;
- 3) назальный (одоральный);
- 4) кинестетический;
- 5) гевзиальный.

Последовательность шагов по каждому каналу видится таковой:

- создание ситуации вынужденной конкуренции;
- провокация дискомфорта с последующим выбором модели поведения, наиболее продуктивного в конкретной ситуации;
- подключение неприоритетных компонентов для первичного повышения вариативности.

Следует иметь в виду, что рефлексия субъекта определяется спецификой развития личности как индивидуума и в контексте полисубъектного взаимодействия не всегда поддаётся однозначно прямой оценке.

Итак, субъект прибыл. Поскольку вагон есть изолированная динамическая система с возрастающей общей энтропией, то и канал 1) включается самопроизвольно, необратимо и инвариантно.

Подключение канала 2) – тоже процесс с $\Delta S > 0$, но моновариантный, лимитируемый физическим расстоянием до субъекта. Свободное пространство – оптимальный катализатор процесса.

«Эти места заняты?» Отрицательный ответ сделает ситуацию поливариантной, ответу положительно: «К сожалению, да».

Муслированная негативизация любого процесса на начальных стадиях в дальнейшем многократно повышает отдачу от любой, пусть и самой малой, попытки позитивировать его на последующих стадиях. Наличие микрокризиса очевидно по внешним признакам, для включения канала 3) достаточно сместиться в пространстве: «Вот это свободно! Садитесь, сударыня, прошу вас!..».

Таким образом, мы имеем задействованными уже три канала восприятия. Радость преодоления проблемы направляет дальнейшие события по одному из двух практико-ориентированных направлений:

- а) интенсивному – усиленному, основанному на крупных деятельностных вложениях в единицу времени засчёт применения инновационных технологий к решению поставленной задачи;
- б) экстенсивному – основанному на временном удлинении процесса и приводящему к достижению максимального результата при малых вложениях.

Логически оправдано направление б); придерживаясь его, вынужден сделать поправку на фактор времени, лимитируемый длительностью пути до Куршевки.

«Не будет ли сударыня возражать, если займу для неё местечко в понедельник?» – «Полагаете, в понедельник я тоже поеду этой электричкой?» – «Не исключаю».

Ситуация остаётся бивариантной. Имеет смысл придаться анализу структуры компонентов поведения субъекта. Но не долее минуты.

«Вы меня смущаете. Мы так не договаривались!». Положительность реакции очевидна! Теперь вариативность из «би» надо превратить в «моно»: «Честно сказать, мы вообще никак не договаривались». – «Не берите в мысль. Что у вас за книга? Достоевский? Смотрю, давно уже...». Последняя фраза однозначно завершает рефлексивно-оценочный этап процесса, степень вариативности по закону «бутылочного горлышка» повышается, и для подключения осязательного и вкусового каналов сами собой возникают пять магистральных направлений дальнейших действий...

3

Мой город устал к пятнице, но он живёт, дышит. Трогаю его, и он улыбается в ответ, радуясь мне рафинадом первого снега.

Так интересно: сдала проект, иду на выходные довольная. Люблю приятную усталость – без неё не бывает хорошего отдыха. Люблю летней ночью на балконе созерцать переход заката в рассвет... Люблю в сентябре посидеть с книгой в скверике, наслаждаясь ароматом хризантем и рудбекии. А когда схолодает – люблю прокатиться на вечерней электричке до Куршевки и обратно. Чтоб посмотреть людей, ведь каждый человек в нашей жизни – маленькое чудо, он приходит, чтобы что-то дать и что-то получить взамен...

Этот маршрут наша завкафедрой ужас как не любит. Очевидно, потому что идёт он мимо дач и собирает всех огородников. И этот контингент, пропахший табаком, алкоголем, потом – люди не всегда образованные, как, например, студенты педфака, которые в нашем вузе приравниваются к ПТУ. Если послушать эту братию, то у всякого доцента филологических наук разовьётся маниакально-депрессивный психоз на почве желания исправить, отрегулировать и насмерть стоять

за великий и могучий... А я – люблю прокатиться. Сажусь во второй вагон заранее, когда он совсем пустой, занимаю место у окошка, включаю плеер. Еду, чтоб ещё раз восхититься тем, что, несмотря ни на какие трудности, люди сохранили жажду жить по-доброму. И уж если в вагонной давке они способны извиняться, сопереживать, улыбаться незнакомым, значит, они воистину великие!

Парень напротив – из числа завсегдаев второго вагона. Мест опять на весь отдел забронировал. Ответь, ты зачем возишь книгу, если почти не открываешь её, а только женщин болтовнёй развлекаешь? И тебе удаётся: те слушают, будто на работе не успевают послушаться! Ещё одна личность, ещё один неповторимый набор генов, чувств и жизненного опыта... Такие сами-то себя не всегда понимают, где уж их понять ближним!

Вот и девчонка – тоже из постоянных пассажиров. Горящие от усталости глаза, стрекочущее от гонки сердце... Ритм бытия даже попереживать толком не даёт. Лишь в дороге и вздохнёшь, всхлипнешь, жалея себя, бедняжечку. Да дома, под одеялом, расчувствуешься... Ты ещё помнишь, что такое отроческая бессонница? Ничего, скоро забудешь!

«Эти места заняты?» – миленькая, сколько ж мольбы в твоём почти детском голосочке!.. «К сожалению, да», – беспощадный ответ. Неправильный! И ты сможешь продолжать сидеть, когда эта цыплюшечка будет стоять, беспомощная, как блондиночка-водитель на бурлящей трассе? «Вот это свободно! – он передвинулся правее. – Садитесь, сударыня, прошу вас!».

Правильный ответ! И не парься относительно коллеги – ты ж не её место уступил! Ты ж своё уступил! И вообще, коллеги могли бы не опаздывать!

Тронулись. Перроны, пути... Рысачьи морды электричек, сухие, вытянутые их тела нервно дрожат перед стартом... Ухоженные тела скорых фирменных... Длинно-чёрный, огромный вечер с фантастическими всполохами от контактного провода... И что ты молчишь? Отвлекись уже от книги! Или на буквы смотреть интереснее? Не стань придурком! Ну! Минуты капают!

«Не будет ли сударыня возражать, если займу для неё местечко в понедельник?». Отлично! Держи приоритет! «Полагаете, в понедельник я тоже поеду этой электричкой?». А куда ж ты денешься, солнышко! Поедешь и не рыпнешься! «Не исключаю».

Осторожно подняв глаза, она вздрогнула, отвернулась, заморгала... И к чему эта пауза на полторы станции? Твой коммуникативный кретинизм тебя саму не пугает? Лови ситуацию! Парень ждёт!

«Вы меня смущаете. Мы так не договаривались!». Слава богу, выразилась! «Честно сказать, мы вообще никак не договаривались». Он молодец, не ищет слова в кармане! В отличие от одной некоторой, опять язык проглотившей... «Не берите в мысль. Что у вас за книга? Достоевский? Смотрю, давно уже...». Вот ты и призналась, что тоже давненько за ним наблюдаешь! Герменевтика – мощная вещь, но вопрос: владеет ли он ею? «Не, я «Фёдормихалыча» не читаю – боюсь, вдруг понравится, – определённо, этот обаятельный балбес заставляет мозги работать в иной плоскости, со скрипом и заносами; чтобы понять человека, порою надо сойти с рельсов: – Диккенс, «Пиквикский клуб». Читали?» – «Что-о вы! Я читаю исключительно некрологи в вечерке!». Глупая! Зачем создаёшь негативные мыслеформы? Думаешь, сострила? Молись, чтоб он истолковал всё адекватно!

«И не знаете Диккенса?».

Это да: классики английской литературы – самая подходящая тема при знакомстве с девушкой! Ты и Теккерей упомяни, и Голсуорси! И Роберта Бёрнса не забудь процитировать: «Пробираясь до калитки по полю вдоль межи, Джени вымокла до нитки вечером во ржи».

«Откуда! Нас же в инкубаторе растили, только начали выпустить из него...». Вот! Подобающий ответ! «Ох, сударыня, ну вы сказали!» – бесенята, заплясавшие польку в его глазах, опять ввергают её в раздумья. «Ваше вежливое обращение, несомненно, льстит моей застенчивой особе, но разрешите попросить вас менее пафосно ко мне обращаться. При слове «сударыня» не могу устоять перед соблазном заказать у вас блинчики с яблоками и чай с лимоном». Bravo! Вернулся-таки дар речи! Не прошло и получаса! Какой шокирующий лексикон, какой ехидный тон! Ты ж даже не намекнула, ты прямым текстом открыла самое сокровенное! Не сомневайся: он-то не премедлит!

«Так вы и не устаивайте! В Куршевке есть местечко, где недурственно готовят блинчики, причём с яблоками! Вижу повод нанести туда совместный визит немедленно, а то обед был давно, а ужин готовить лень».

Ну? Ваше слово, «сударыня!» Поезд неумолимо заглатывает последние километры. К чему излишний выпендрёж? Кому от него польза? Вспомни: «Если он уйдёт – это навсегда!». Ну? Пищевая доминанта перевешивает остальные! Ну-у?? Вылезай из зоны своего скорлупного уюта, куршевский входной светофор полыхает зелёным! Ну-у-у??? Барабанная дробь, по нарастающей...

«Таня», – тоненькая ладошка трепыхнулась робким взмахом малой птахи, пробующей крылья, точнее – вскинутым белым флагом. «Дмитрий...».

... Шагнули они на перрон, постепенно растаяв в снегопаде. Странная тишина и какая-то недосказанность остались в вагоне... И как сегодня спокойно спать, при моём-то патологическом любопытстве? Снова ж скататься в Куршевку смогу только через неделю! Но пусть этой вновь образовавшейся паре, прыгнувшей за своим маленьким счастьем в открытый космос и твёрдо верующей в «мы сможем ВСЁ», не будут страшны ни глухой мир стервятников, готовых разорвать ближнего, ни ледяная пустыня равнодушия, ни всё прочее зло мироздания, вместе взятое...

Александр РАЛОТ

г. Краснодар

Петренко Александр Викторович (псевдоним – Александр Ралот) – прозаик, публицист, краевед.

Член Союза писателей России, Межрегионального союза писателей. Лауреат международного конкурса «Белая акация». Победитель конкурсов «Плавская осень», «Венок Победы», «Поэт и гражданин», «Центр Европы», «Патриот России-2020», «Есть только музыка одна» памяти Дмитрия Симонова, «Кавдория», «Созвездие духовности», «Русский стиль» (Болгария, Франция, Италия), Де Ришелье - «Бриллиантовый Дюк-2020», «Золотое перо Руси» (2018, 2019, 2020, 2021).

Автор 25 книг (15 электронных) и ряда публикаций в российских и зарубежных литературных журналах и альманахах.

Тень

(рассказ-загадка)

Взгляните внимательно и если возможно – нежнее,
И если возможно – подольше с неё не сводите очей.
Она перед вами – дитя с ожерельем на шее
И локонами до плечей.

М. Ц. (1913 год)

Сентябрь 1993 г., Москва

С трудом передвигаясь, Анастасия Ивановна доковыляла до старинного секретера, трясущейся рукой взяла исписанный вдоль и поперёк маленький блокнотик и, надев очки, стала водить негнувшимся пальцем по бисерным строчкам. Долгие годы пребывания в тюрьмах и лагерях приучили её экономить бумагу. И эта привычка никуда не исчезла. Отныне прочитав что-либо, ею написанное, женщина могла только сама.

Минуту спустя она протёрла краем платочка слезящиеся глаза, подумала: «Со здоровьем архиплохо, вернее, его нет, совсем». Зимой этого года ушёл в небытие любимый сыночек Андрей, прихватив с собой остатки догорающих материнских сил. Из глубин сознания пожилой женщины всплыл злосчастный день – осенью тридцать седьмого года.

Судьба-злодейка распорядилась так, что сын приехал к ней в Тарусу со своей невестой Таней в тот момент, когда в доме шёл обыск.

– Кто это? – рявкнул энкавэдэшник, ткнув пальцем в грудь Андрея.

– Сын, – еле разжимая губы, промолвила женщина.

– Арестовать соучастника! Немедленно! – взорвалось в её ушах.

– А это кто? – офицер указал на стоящую рядом с Андреем девушку.

– Впер-вые ви-жу, – через силу выдавливая из себя слова, произнесла несчастная мать; и Татьяну тут же бесцеремонно вытолкали из комнаты. Ареста ей удалось избежать.

Закрыв блокнотик, она опустилась на кровать. Прилегла. Задремала. Сначала во сне всплыли её строчки из «Сюиты тюремной»:

Убоги милости тюрьмы!
Искусственного чая кружка, –
И как же сахар любим мы,
И чёрный хлеб с горбушкой!
... Но есть свой пир и у чумы, –
Во двор, прогулка пред обедом,
Пить пенящийся пунш зимы,
Закусывать – беседой.

Писала их в камере, рассчитанной на сорок человек, в которую затолкали вчетверо больше!

«В тюрьме среди такого шума в камере... – в камере на сорок мест нас было сто семьдесят, как сельди в бочке, – но такая тяга к стихам была, больше, чем на воле, – за пять месяцев столько стихов, разный ритм... Всё повторяла, день за днём, отвернувшись к стене, – это счастье, что я у стены лежала! Если бы между женщинами – вряд ли бы я это смогла!»³

Тревожный сон уносил пожилую женщину всё дальше и дальше, почти столетие назад, «когда деревья были большими»⁴.

Лето 1911 года

Они вместе с сестрой отправились в Крым, в приветливый и дружелюбный Коктебель.

Женщина на миг приоткрыла глаза, посмотрела в угол комнаты. Там работал выдавший виды телевизор с выключенным звуком. На экране – две шведские певички, стоя друг к другу спинами, синхронно шевелили губами.

Вспоминала, как в тот год в Феодосии они с Мусей стояли на сцене театра и хором декламировали стихи. Зрители аплодировали, но, конечно же, не ей, а сестре. А ведь мы были так

³– цитата из романа «Атог».

⁴– советский художественный фильм 1961 года, драма режиссёра Льва Кулиджанова.

похожи. И читали прекрасно, даже тембр голоса у нас был одинаков. Но зависти к славе старшей не возникало никогда. Наоборот, бесконечно любя её, старалась не отставать. Даже замуж вышли одновременно, год спустя.

Полуостров покидали, разъезжаясь в разные стороны. Муся и её Сергей отправлялись в далёкие башкирские степи пить кумыс. Я же со своим ненаглядным – в Москву, а потом ещё дальше, в Финляндию.

На следующий год приветствовал своим криком этот мир мой первенец Андрей. Но супружеская лодка пропорола своё днище, и в неё стала проникать забортная вода. «Мы оба были слишком молоды для брака».⁵

«Взглянув на нас, кто бы сказал, что мы муж и жена! Как безнадежно чувствовалась жизнь впереди – полное отсутствие будущего. И как мудры были мы в семнадцать и девятнадцать лет, иностранцы и путешественники, – что не глядели вперёд. ... Ибо с такой же силой, как нам нет будущего, – прошлое для нас есть».⁶

Ненаглядный Борис ушёл. Правда, не сразу. До этого были ежедневные ссоры. Один скандал тут же сменялся другим. В доме стало пахнуть полным разрывом.

«... Через год мы с Борисом расстались – дружно: он бывал у меня, любил сына. А ещё через год я встретила с будущим вторым мужем, Маврикием Александровичем, а Борис – со второй женой, актрисой Марией Ивановной Кузнецовой-Гринёвой, с которой я так подружилась...»⁷

Хозяйка квартиры невольно улыбнулась во сне. На сей раз ей снилась её вторая и последняя любовь.

В один светлый день судьба распорядилась так, что на пороге её дома появился мужчина. Вежливо приподнял шляпу и протянул письмо. В нём их хорошие знакомые просили любезно принять и приютить Маврикия Александровича.

Они проговорили до полуночи. Частые беседы закончились официальным предложением руки и сердца.

А потом наступил страшный девятьсот семнадцатый.

Муж жаловался на сильную боль в боку. Надо бы обратиться к врачу, но отыскать его в это ужасное время – непростая задача. Да и Маврикий сопротивлялся, утверждал, что всё и так само пройдёт, надо только отлежаться, отдохнуть. Не отлежался – скончался от перитонита. Вовремя не удалили гнойный аппендицит. Беда, как известно, никогда не приходит одна. Младшенький, годовалый сыночек через полгода последовал вслед за отцом. Съел что-то немытое. В итоге дизентерия. Лекарств нет, лечить нечем, ужасный год, кругом ведь война и разруха. Старший сын Андрей тоже болеет. А ей всего лишь двадцать два. Почти что девчонка. Одна со своим горем и всеобщей революцией.

Анастасия Ивановна вновь открыла глаза. С трудом встала и выключила телевизор.

– Старею, – пронеслось у неё в голове, – через пару недель стукнет девяносто девять, но ведь не сто же? Разве это возраст? – раньше, бывало, лифт не признавала, пешком, правда, с остановками, но всё же поднималась на свой верхний этаж.

Хотела сходить на кухню и поставить на плиту чайник, передумала и опустилась в продавленное кресло. Воспоминания нахлынули с новой силой.

«Сестра хлебала несчастье ковшом. Я – глотками». 1922 год

Муся уехала в эмиграцию, а я перебралась в Белокаменную. Надо было как-то обустроиваться, искать работу.

Отправилась к другу и ученику покойного отца – директору Румянцевской библиотеки. Уж кто-кто, а он ни за что не откажет.

– «Видите ли, сейчас у нас нет набора работников, штат полон. И мне кажется, работа библиотекаря вам вредна: у вас же сильная близорукость», – директор был интеллигентным человеком и отказал со всей вежливостью.

– Будто бы жить одной, с маленьким сыном и без средств к существованию, при сильной близорукости крайне полезно, – подумала Ася, а вслух произнесла:

«В бывшем Румянцевском музее три наших библиотеки: деда – Александра Даниловича, матери – Марии Александровны и отца – Ивана Владимировича. Мы – Москву – задарили».⁸ Пыталась издавать свои книги и зарабатывать на жизнь гонорарами. Бесполезно. Её романы: «Голодная эпопея» и «SOS, или Созвездие Скорпиона» – не взялось опубликовать ни одно издательство. В двадцать седьмом ненадолго уехала в Италию, на Капри, к «Буревестнику Революции». Он помог.

⁵– «Зовут её Ася...». Фрагменты из книги. Автор Ольга Григорьева

⁶– Цитата из романа «Атог». Сталинский лагерь. Сороковые годы прошлого столетия.

⁷– Из книги Анастасии Ивановны «Памятник сыну».

⁸– <https://www.miloserdie.ru/article/anastasiya-czveteva-unikalnaya-bolshoj-pisatel-ona-vsyu-zhizn-byla-v-teni/?ysclid=l8qwhgo23p905642664>

Познакомил с поэтом Борисом Зубакиным, у которого и начала работать секретарём сразу после возвращения в Советский Союз.

За что и поплатилась! Арестовали в тридцать третьем, ибо Борис оказался самым настоящим масоном и розенкрейцером.

Правда, тогда меня продержали в застенках всего-то пару месяцев. Помогло заступничество Бориса Пастернака, Максима Горького и его жены – Екатерины Пешковой. А спустя четыре года – новый арест, тот самый, незабываемый, в Тарусе.

«Чекисты» вывезли из дома весь творческий архив, все ещё неизданные рукописи.

– Горького больше нет, заступиться за тебя некому. Получай свою десятку и отправляйся к чёрту на кулички, – гаркнул следователь, захлопнув тонкую папку.

– А сына-то за что? Он ведь только институт...

– Его – за «контрреволюционную агитацию», – бесцеремонного оборвал её начальник. – И не надейся, в один лагерь вас не сошлют. У ГУЛАГа их много. На всех хватит!

Отсидела от звонка до звонка. Вышла уже после войны, в сорок седьмом. Но вдоволь насладиться свободой не удалось. Через два года – новый арест. Слава Богу, приговор смягчили – ограничились ссылкой в посёлок Пихтовка Новосибирской области, в один из центров пребывания политзаключённых.

Женщина взяла со стола потрёпанную книгу воспоминаний «Моя Сибирь». Нежно погладила и подумала:

– Писала всё, как есть, без утайки и обид на судьбу. Старалась не вызывать к себе жалость.

Положила томик на место и обратила внимание на лежащее рядом настольное зеркало, потемневшее от времени. Поднесла его к лицу, посмотрела.

– Неужели она всего лишь тень своей сестры? Конечно же, нет. Это совсем не так. Фамилии девичьи у нас одинаковые. А вот судьбы – совершенно разные!

Дорогой мой читатель. Тебе только что и остаётся – назвать эту знаменитую фамилию.

А где традиционная подсказка? – спросите вы.

Так вот же она. Полагаю, одной строчки будет достаточно:

«Мне нравится, что вы больны не мной...».

Старшая сестра посвятила это стихотворение Маврикию, чтобы раз и навсегда начертать жирную точку во всевозможных пересудах и не ставить любимую Асю в неловкое положение.

Евгений ХВАЛЬКОВ

г. Санкт-Петербург

Евгений Александрович Хвальков (род. 14 июля 1986 года, Севастополь) – российский историк, медиевист, педагог, исследователь истории генуэзских и венецианских колоний Северного Причерноморья и межкультурных коммуникаций в Старом Свете позднего Средневековья. PhD (2015), доцент кафедры истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (2017). Изучал историю колоний итальянских морских республик Венеции и Генуи в Северном Причерноморье под руководством С. П. Карпова. С 2010 по 2011 год учился в магистратуре Центрально-Европейского университета в Будапеште. В 2011-2015 гг. – докторант департамента истории Европейского университетского института (European University Institute), где в 2015 году защитил PhD диссертацию. Впоследствии издательство Routledge опубликовало монографию на основе этой диссертации. С 2015 года работает в департаменте истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге: руководит научно-учебной группой (НУГ), занимающейся изучением источников по истории средневековой Италии. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Проводник

Рассказ-фэнтези

«Опять забыл принять лауданум», – подумал Эдвард Рейтерс, выходя промозглым осенним днём из ворот поместья на просёлочную дорогу. Он на секунду остановился, огляделся, закутался в плащ с воротником из волчьей шкуры, что подарила ему старуха Модлин, и пошёл в сторону леса.

Его оставили равнодушным и последние новости о дебатах в парламенте, и восторженное письмо от тёти Агаты, которая сообщала об удачном замужестве кузины Элизабет с третьим сыном графа Харрингтона. Не занимали его ни Наполеон, ни грозившее ему исключение из Баллиол-колледжа, ни инвективы обскурантов против недавней статьи профессора Н-сона в «Философских трудах Королевского общества». Не отвлекло его от тягостных раздумий даже весёлое веснушчатое лицо быстроглазой Китти, дочери кузнеца, которая улыбалась ему из-за запотевшего окна коттеджа на окраине деревни. Остался незамеченным и пучивший на него свои горящие, как масляные фонари, глаза чёрный кот на подоконнике ветхого, мрачного здания на отшибе – дома старой Модлин; а сама старуха, которая высунулась, опершись на край окна рукой с длинными пожелтевшими ногтями в трещинах, лишь проскрипела что-то невнятное ему вслед.

Всё существо Эдварда было занято одним. Дойдя до края леса, он устремил свой невидящий безумный взгляд в чашу. Внезапный порыв ветра чуть не скинул с юноши шляпу. Издалека донёсся крик ворона и заставил его вздрогнуть. Тогда его тонкие обескровленные губы прошептали: «Марвел!».

И он словно провалился в прошлое – в те дни, когда минувшей весной бродил вместе с Марвел по цветущим яблоневым садам Сомерсета. Теперь он даже не мог припомнить, где и когда познакомился с ней. Но пришло время – и Марвел Фидимейр покинула его. Он будто снова очутился там, в той мрачной и давящей комнате, в том огромном мёртвом доме. Часы били полночь, за окном хлестал дождь, огонь в камине догорал, как догорала и жизнь девушки. Чахотка неумолимо убивала её. Напрасно Эдвард звал девушку, лежавшую в беспомощности в кровати под шёлковым балдахином, напрасно уговаривал её не уходить от него туда – в круги путешествий души, в край духов, в край мёртвых. В край, к которому она, кажется, всегда и принадлежала, хотя Эдвард и обманывал себя, полагая, что после гибели Руперта Марвел принадлежала ему и только ему.

Под ногами хрустнула ветка, другая хлестнула Эдварда по лицу. Он споткнулся, а когда поднял голову, увидел перед собой голые ветви стройного клёна. Вздымаясь над промёрзшей и твёрдой, словно камень, землей, клён как будто бы лил слёзы, не то плача по призракам опавших с него листьев, не то оплакивая свою собственную наготу. И он сам, и лес, и весь мир в этом осеннем умирании были не чужды некой красоты – но то была красота костей, красота остова, красота скелета, красота абсолютного и смертельного покоя.

Эдвард вышел к вересковой пустоши и, пройдя по узкой тропе, дошёл до края высокой отвесной скалы. Внизу белели валуны, мимо них несла свои воды бурная горная речка. «Последний берег», – прозвучало у него в голове. Став на обрыве, юноша зажмурил глаза, и перед ним снова возник тот заснеженный лес на холодных берегах в окрестностях Инвернесса, и злое лапы елей, что тянулись к нему, и тёмная, едва различимая фигура Руперта в тридцати шагах от него. По сигналу Эдвард пошёл вперёд, медленно поднял руку, прицелился и, пройдя ещё четыре шага, спустил курок. Через несколько секунд он стоял рядом с двумя секундантами и смотрел, как чёрная лужа крови дымит на снегу и расплывается вокруг его цепенеющего друга, смотрел на его оскаленные в агонии зубы.

Уже тогда Эдвард терзался от раскаяния и сожалел, что соблазнил невесту Руперта, с которым он жил под одной крышей в колледже, что бросил вызов другу, ни разу в жизни не державшему в руках пистолета. Он видел, что Марвел, убиваясь от горя по убитому возлюбленному, избегает и просто не хочет видеть его, что она уступает его настойчивым ухаживаниям, лишь поддаваясь некой необъяснимой силе, неотмирной неизбежности, какому-то злему року, который влечёт их обоих. И всё же не переставал добиваться её благосклонности.

И он не искал забвения, нет! Слово в горячем припадке он упивался своим страданием, как пёс, который лижет острую пилу и глотает капли крови со своего языка. Он то мучился бессонницей целыми ночами, то впадал в полное беспомощное под действием горячительных напитков. Его терзали одновременно раскаяние в его тайных грехах и упоение собственной порочностью, тщательно скрываемой от посторонних глаз страстью. Но порочность победила, и постепенно раскаяние уступило, как уступила его домогательствам Марвел. Предчувствовал ли он тогда, что эта страсть доведет его до безумия, что внутри него раскроется эта абсолютная темнота, это бесконечное море ужаса?

Эдвард открыл глаза и ещё раз взглянул на мрачный пейзаж и на холодные камни под обрывом. Пошатнулся. Задержал дыхание. Вытащил из кармана флягу, отпил из неё пахучей жидкости, вздохнул и пошёл дальше по пустоши. Вскоре он снова очутился на опушке леса и среди остовов деревьев увидел вдали силуэт виселицы. Во внезапном приступе необоснованного ужаса Эдвард зажмурил глаза, и ему снова представились оскаленные зубы мёртвого Руперта.

В ту страшную зиму потрясения, пережитые после дуэли, вызывали у него видения и бред. Очередной припадок заставил его ещё чаще прибегать к опиуму. Просыпаясь в поту от ночных кошмаров, он добавлял себе в шерри или кларет всё больше и больше настойки лауданума. Это успокаивало, бодрило, а зачастую приводило к изменению сознания. Но после ухода Марвел, которая читала на своих запретных страницах тайны бытия и общалась с духами умерших, после ухода Марвел, которая проникала по ту сторону жизни и смерти, он понял, что он закончился, он исчерпал себя, ему уже нет места в этом мире.

Накануне в Рейтерс-холл, старом замке своего дяди, который, как говорили, в молодости убил на поединке друга из-за соперничества в сердечных делах, Эдвард заметил женский портрет и словно окаменел. Те же чёрные, как крыло ворона, локоны, те же глубокие, как озёра, глаза, та же смертельная бледность – портрет в точности повторял столь знакомые и дорогие ему черты! Это она, она – своенравное дитя его мечты, сон, фантазия, внезапно облекшаяся в плоть и столь же внезапно покинувшая его; теперь он обречён мучиться и страдать всю оставшуюся жизнь, вожделея её. Как и сейчас, ему тогда пришлось зажмуриться. Как и сейчас, он испытал глубокий ужас. Ему показалось, что женщина на портрете заговорила с ним, но он не мог разобрать её слов – казалось, будто она куда-то зовёт его. Сомнений не оставалось: смерть для него теперь столь же неотвратима, как и неизбежно нематериальное существование после неё.

Пройдя вдоль опушки, Эдвард, не углубляясь в лес, направился по тропе к старой сторожевой башне на утёсе. Поднявшись по тропинке, он собирался было отворить старую, скрипучую дверь, но звук, донёсшийся из-за неё, заставил юношу остановиться. Казалось, будто в башне кто-то говорил. Эдвард медленно, осторожно и бесшумно приоткрыл дверь и проскользнул внутрь. Стараясь издавать как можно меньше звуков, он стал подниматься по полуразваленной лестнице.

– ... и так две наши семьи оказались связаны. Связаны такими узами, что разорвать их невозможно. Я все время слышу звуки ада...

– Мы все обречены скитаться, мисс. Все мы, все неупокоившиеся души.

Эдвард поднялся на несколько ступеней и вышел к дверному проёму, что вёл на галерею. На башне, у бойницы, вырисовались два смутных силуэта, мужской и женский.

– И я не могу обрести покой в мире предков, Руперт! Я не просто обречена бродить по земле, не находя покоя – я обречена вернуться! Я обречена всегда возвращаться!..

– Вы обречены. И я обречён. Так говорит Сумеречная Леди.

Неожиданно из груди Эдварда вырвался сдавленный стон. «Марвел!..» – прошептал он.

Женский силуэт повернул голову в его сторону. На незваного гостя смотрели две чёрные, бездонные, пустые глазницы.

Эдварда сковал ужас. Он хотел бежать, но ноги и руки отказались ему служить. А призрак глядел как будто сквозь него – призрак не видел человека или, возможно, не хотел его видеть. Призраки двух влюблённых, которые когда-то были людьми, говорили, не замечая присутствия его, живого.

– Семейное проклятие связало две наши семьи, Руперт. С тех пор, как во времена короля Карла сэр Фитцджеральд Рейтерс надругался надо мной... надругался над Элеонорой Марб... убил её мужа... и она покончила с собой в его спальне...

– Я знаю эту историю, мисс. Она ужасна.

– ... с тех пор я каждый раз умираю и каждый раз возвращаюсь через поколение в женском потомстве Элеоноры Марб, чтобы вызвать губительную страсть в очередном потомке сэра Фитцджеральда!

– Сумеречная Леди говорит, что есть только один способ обрести покой для Вас и только один способ освободиться от проклятия – для потомка Рейтерса. Вы должны пройти великое очищение, огненное очищение, а он – должен стать Вашим проводником в мир мёртвых.

– Но этого никогда не случится, Руперт! Вы прекрасно знаете, что этого никогда не случится. Я – вечное существо из мира мёртвых, я – вечный обитатель границы миров, я – кошмар, вернувшийся с того света, я – та, что лишена надежды обрести покой!

У Эдварда помутилось в сознании и подкосились ноги. Он слышал обрывки долетающих до него слов, пока полностью не погрузился в забвение.

Парк Рейтерс-холл – это, в сущности, один из многих разбросанных по Шотландии остатков древнего Каледонского леса, часть которого когда-то была расчищена под строительство поместья. Большая же часть осталась нетронутой – даже во времена Стюартов обитатели замка не решились вырубить его, чтобы не поссориться ненароком с местными духами. Поскольку же последние несколько поколений хозяев редко жили в поместье, лес разросся и, казалось, уже вот-вот готов был поглотить и сам господский дом, в котором жили лишь несколько старых слуг.

Ночь Самайна выдалась тёмной, но, когда из ворот замка выскользнул закутанный в длинный плащ человек с фонарём и заступом, тучи расступились, и сквозь них слабо проглянул свет луны. Человек в плаще огляделся, словно желая удостовериться, что за ним никто не следит, и направился в ту часть, где парк переходил в древний, первобытный лес, который был здесь, по-видимому, ещё со времён прихода первых людей. Углубившись в чащу леса, он с трудом отыскал заросшую, давно не топтанную тропу. Он знал, куда она введёт. Спотыкаясь о корни деревьев, человек выбрался на небольшую поляну, к одинокому каменному зданию в глубине леса. Как будто в таком доме подобало бы жить самой Хозяйке Леса. Но это был дом мёртвых, дом смерти. Семейный склеп семейства Рейтерсов.

«Она здесь, – прошептал человек. – Марвел здесь».

Он с трудом сдвинул старую проржавевшую железную дверь и, переступив порог мира живых и мира мёртвых, вошёл в склеп. Свет фонаря упал на один из саркофагов и осветил надпись на нём: «*Eleanor Marbh, 23 August 1628 – 30 January 1661*».

«Она здесь, – повторил Эдвард. – Она ждёт меня».

Он поставил фонарь на край соседнего гроба и попробовал сдвинуть заступом крышку саркофага. Та поддавалась с трудом. Эдвард изо всех сил налёг на заступ. Крышка приподнялась, свалилась на каменный пол и раскололась. Свет фонаря упал на содержимое саркофага, осветив тело лежавшей в нём женщины. Казалось, будто её похоронили совсем недавно, и, хотя тление уже затронуло тело, человек в плаще с воротником из волчьей шкуры узнал знакомые черты.

«Марвел!» – воскликнул он, отступив на шаг. Затем снова приблизился и посмотрел женщине в лицо: «Что же, пусть этот гроб будет нашим с тобой последним брачным ложем!». Подобрал одну полу плаща, Эдвард переставил фонарь на край гроба, осторожно ступил на каменную стенку, лёг в саркофаг и припал к губам Элеоноры Марб. Внезапно тучи на небе расступились, и полная луна через дверной проём мрачного склепа осветила его обитателей.

Эдвард издал протяжный вой. Он почувствовал, как удлинились его клыки, тело покрылось шерстью, а руки превратились в когтистые лапы. Вот он – волк, проводник мёртвых на тот свет. Обнимая свою возлюбленную, Эдвард не заметил, как задел фонарь и опрокинул его в гроб, как от огня свечи занялся пламенем его плащ и его уже шкура.

Волк не чувствовал запаха горящей шерсти и плоти, не чувствовал боли. В его глухом, замогильном вое звучало только «Марвел! Марвел!».

Проза Севера.....**Вера ЭВЕРИ**

г. Москва

Вера Эвери родилась в 1971 году в Белёве – старинном городке на берегу Оки Тульской губернии. В 12-летнем возрасте приехала вместе с родителями на Крайний Север – в Норильск, где прожила 25 лет. Годы учёбы, замужество, рождение детей, первые «городские легенды», написанные для местного еженедельника, – всё связано с Заполярьем. 14 лет назад переехала в Москву. Сотрудничает с московским издательством «Specialbook», с информационным порталом «Зеленоград.ру». Публиковалась в российских и зарубежных изданиях: «Юный натуралист», «Норильчанин», «Всегда женщина», «Флорида», «Контрабанда» и других. Автор ряда публицистических статей и книг малой прозы.

Рассказы о тундре**«Оштрафованный природой уголок»**

В сентябре нет-нет да и возьмёт меня тоска по тундре. По её малорослым, сквозистым ольшаникам, по озёрам, в которых небо глубже воды, по полянам белого ягеля, по плосковерхим горным грядам, словно нарочно выпирающим всюду из земли, чтобы прикрыть чахлую растительность от всевластных арктических ветров. Названия гор дикие, древние, как гортанный вибрирующий звук варгана: Бырранга, Имангда, Чая-Аян, Дынкенгда...

Оно, конечно, все эти ёлочки, болотца – страсть одна. Как говаривал Бродский, выдавший такое своими глазами: «Человеку там делать нечего ни в качестве движущегося тела в пейзаже, ни в качестве зрителя». Мёрзлые и печальные это края, и яростные вспышки красоты здесь подобны чахоточному румянцу.

Тундра – это, в сущности, насквозь промороженное болото. Снизу оно замёрзшее, а сверху оттаявшее. Почва тут – сплошь торфяные кочки да бугры – земля лежит, как сбитое одеяло, по которому будто черти скакали. Я сразу колченогого Нарбута вспоминаю, как он с одним поэтом в поезде ехал и в окно глядел. А за окном вот что-то такое. «Всхолмления», – красиво говорит поэт. «Ото ж, – соглашается Нарбут. – Ото ж, скудоумная местность».

Настоящая тундра – лысая, безлесая – тянется на запад от Норильска за Урал. А на восток – до Тихого океана тайга стоит. Такое здесь место – грандиозная граница двух ландшафтов, географический рубеж. Норильчане, хотя и видят его, не сознают. Ну да, в сторону Талнаха до хмурых горных цепей Хараелаха и Путорана – почти что лес, а в противоположную – «тундрюк», великая моховая равнина до самого Ледовитого океана, болота да камни, унылые глыбы базальта, стиснувшие клочок земли. Отчего это? Да просто рубикон через Норильскую долинку проходит.

Тундра, которая тундра – сумрачный скорбный мир, придавленный грозным небом, вечными тучами, молчаливо кипящими над горами, изъязвленный топями, покрытый озерами, как ранами. Бывает, идёшь по ней, как по пружинному матрасу, враскачку, и матрас этот всхлипывает под каблуком, выдыхая серые тучи мошки в дрожащий сырой воздух.

Но день-другой в сентябре тундра бывает мучительно прекрасна. Небывалые краски проступают на поверхности земли стараниями сумасшедшего Художника. Кажется, полные сокровищ недра взяли да и вывернулись наизнанку. Пылают, как подождённые, багровые мхи и травы, неистово розовеет тронутый холодом нежный голубичник, круглые листочки карликовой берёзы горят начищенными монетами. Но пуще всех алеет арктоус – неприметная травка, покуда не клюнет её заморозком, и тогда уж ярче нет в тундре растения. Этот «приступ красоты» длится считанные часы, много дней – до первого залпа непогоды.

Тундра, которая почти лес – худой, редкий, торчащий вкривь и вкось, как забор у крепко пьющего селянина. Ну, уж какой есть. А ранней осенью ничего этого уже не видишь, не помнишь, только смотришь, без памяти влюблённый на томное золото лиственничных лесков, на ягодный ковёр у ног, на слоновьи спины гор, на весь этот внезапный бразильский карнавал. И горло перехватывает спазмом: в «оштрафованном природой уголке планеты»⁹ – праздник...

Беглец

Идею погулять зимой по тундре иначе как безумной не назовёшь. Тем более в ноябре, когда полярная ночь на носу. В городе солнца уже не видно, только слабые розовые отсветы ещё румянят тусклое, как невымытый стакан, небо.

Зима нынче ленива и недобросовестна, как заезжий гастарбайтер. Поначалу-то она рьяно за дело взялась: насыпала снегу напоказ, порадовала ребятню активировками, а там – «Шабаш-морозилка сломалась!». И с тех пор всё посвистывала в форточку, нехотя мела ветрами истоптанный серый снег и злокозненно наводила скользкий глянец на дороги.

А потом, после ноябрьских праздников, зима раскисла окончательно: под ногами хлюпает, лужи в ознобе, город в испарине. Тепло и грязно, как в мае.

В тундре, небось, не так. Солнце там ещё видно. И я поехала – взглянуть в последний раз, проститься до февраля.

Тундра, как мокрая рыжая шуба, напиталась влагой, слиплась, залоснилась. Снега совсем мало, да и тот в чёрных оспинах вчерашнего дождя, присыпан лесным сором.

⁹ Метафора писателя Сергея Снегова, отбывавшего сроклишения свободы в здешних лагерях в 40-х годах прошлого века.

От дороги до резных теремов турбазы и ещё дальше тянутся деревянные мостки. Идти по ним легко, певучие доски вздыхают и похрипывают, и этот звук, похоже, единственный на все слезящиеся дали до самых гор. Над их лиловыми гребнями розовеет в небе пятно, будто след от пощечины – там солнце, такое низкое и слабое, что можно смотреть не щурясь.

Я и смотрела, пока не пошли перед глазами тёмные пятна. Одно из них настойчиво мельтешило справа на границе видимости. Повернула голову и в первое мгновение даже не поняла, что это... Неподальёку трясся и чуть слышно поскуливал... куст можжевельника. В нём, как в мотке колючей проволоки, запуталось что-то белое. Я двинулась туда, но не сделала и трёх шагов. Напуганный моим приближением, зверь отчаянным рывком одолел цепкую хватку можжевельниковых лап и, поджав пышный хвост, затрусил прочь, сильно припадая на одну сторону.

«Лайка, что ли... – оторопело подумала я. – Нет, песец!»

Отбежав, сколько мог, натрудив больную лапу, зверь остановился и, дрожа всем телом, повернулся навстречу опасности. Я не шевелилась.

Песцы совершенно дикие. Иногда в сильные морозы они забегают на городские окраины, в поисках корма роятся в помойках, точно собаки. Пойманные – визжат и пребольно кусаются. Могут запросто прогрызть пуховик. Но людей они не знают и, кажется, вообще не выделяют их из живой природы.

Этот знал. Смотрел на меня испуганно, но прямо, словно надеялся договориться. В облезлой не по-зимнему тундре празднично белый зверь выглядел беззащитной мишенью.

«Иди, что ж не уходишь? Не видишь, я дерево. Терпеливое дерево, мёрзнувшее на юру». Песец, вытянув морду, недоверчиво понюхал воздух, потом стал осторожно спускаться к маленькому озеру, зажатому в крутых берегах, как в ладонях. Раз-другой оглянулся. И вдруг исчез за кучкой камней в неприметном углублении на склоне. «Вот, значит, как – нору не хотел показывать. Ладно, друг, я на твою жилплощадь не претендую».

Постояв ещё немного, побрела назад, к турбазе. Монетка солнца завалилась за толстую подкладку туч. Я продрогла, захотела горячего. На веранде самого большого терема возился дед сторож, правил крепления широких охотничьих лыж.

– Погодка... – буркнул он. – Не лыжи – ласты нужны!

Я поддакнула. Угостила старика карамелькой.

– Куда мне... – махнул рукой он. – Зубов нету. Разве в чай положить вместо сахара, а?

В чай, так в чай, я не спорила.

В сторожке рдели спирали тэна и остро пахло псиной.

– Собаки у вас тут?

– Зачем? – удивился дед. – Собак кормить надо. На кой они мне...

– А это? – я кивнула на худую подстилку в углу. Рядом валялся обмусоленный добела мосол.

– Убёг стервец! – пожаловался дед. – Ремень сгрыз и убёг, – он показал мне толстый сыромятный огрызок. – А то бы шапка была.

Я выгребла из кармана леденцы. Разливая кипяток по шербатым чашкам, дед рассказал, как на днях добыл песца, вызволил из капкана. Думал, лапу перешибло, всё одно пропадёт. Прибить беднягу рука, однако, не поднялась, но кормить зверя задарма дед не собирался – шапку себе растил. Нынче утром, пока старик радел по хозяйству, песец удрал.

– Ничего-о, – мстительно тянул дед, шурша фантиками, – на трёх лапах далеко не ускачет. Выслежу, пока не замело.

Я молча пила чай. Переживала.

– Щас не пойду, тёмно уже, – рассуждал дед. – Вот с утречка завтра...

Засиживаться в гостях не хотелось.

Мокрядь на автобусной остановке к вечеру стянуло тонким ледком. В жёлтом свете фар, несущихся мимо легковушек, затанцевали редкие снежинки. Потом повалило гуще, забелели обочины, земля покорно подставила себя небу. Метель разошлась, загудела. Когда из кипящей мглы вынырнул, наконец, полный автобус, за будущность песца можно было уже не волноваться.

Вячеслав КОНДИН

г. Ханты-Мансийск, ХМАО – Югра

Кондин Вячеслав Юрьевич. Родился 29 августа 1977 года в городе Ханты-Мансийске. Окончил Российский государственный университет имени А. И. Герцена. Работает в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа». Автор ряда статей по музейному строительству, обрядовой деятельности, изготовлению охотничьих принадлежностей северных манси. Пишет стихи и рассказы. Лауреат премии ХМАО – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера», премий губернатора ХМАО – Югры «За вклад в развитие межэтнических отношений в ХМАО – Югре» и «Выдающимся деятелям культуры». Победитель окружного литературного конкурса городских легенд «Югра – это моя земля» с работой «Как звери спасали Вороний день».

Кулем мунсы¹⁰

Сказка

День стоял солнечный, с тундры тянуло прохладой и свежим спасительным ветерком, который разгонял назойливых комаров и мошек, загоняя их в высокую траву на берегу тихой реки. От этого и людям и зверям становилось легче жить.

¹⁰ Чёртов бор (ханты.)

На берегу реки расположилось стойбище оленеводов пастухов, которые каслали за своим стадом через Уральские горы и по всей Байдарацкой тундре, где рос беломошник-ягель – основная пища северного оленя. В километре от стойбища стоял густой еловый лес, снижавший среди оленеводов дурную славу. В народе его называли Чёртов бор – Кулем мунсы, хозяином леса был Куль ики – властелин подземного мира. Только днём и только мужчины ездили в этот бор за дровами, брали в нём только необходимое для жизни количество дров. Без большой необходимости кочевники старались не останавливаться на стоянку возле бора. Но в этот раз ранние дожди и вышедшие из берегов ручьи и реки заставили их разбить стойбище возле святого леса. Собрав стадо и поставив чумы, пастухи пережидали непогоду. И вот погода наладилась. Реки замедлили течение, вода быстро шла на спад, и в спокойную погоду было видно, как плескался любитель холодной воды – хариус. Детвора, уставшая сидеть в чумах у костра, высыпала на каменистый берег играть в шумные игры. Взрослые занимались по хозяйству: женщины варили ароматное оленьё мясо, рубили по берегам кустарник на дрова, складывая их в аккуратные кучи-поленницы возле чумов, мужчины чинили упряжь и нарты для следующего перехода по тундре, чистили и проверяли оружие, ладили инструмент. Жизнь шла своим чередом.

Вечерело. Багровый закат окрасил небо. В это время года в тундре солнце еле скрывалось за горизонтом, а затем медленно катилось вверх.

Дети, не боясь темноты, бегали вокруг чумов и нарт, задорно смеясь и крича, играли в очередную игру, привезённую из интерната в тундру. Из чума вышла слепая бабушка и сказала:

– Дети, вы забыли, где мы находимся? Давайте быстрее заходите в чум.

Но дети, будто бы не слыша бабушки, бегали, весело крича.

Со стада возвратился пастух, дядя Кузьма, увидев, что дети бегают, сказал:

– А ну быстро в чум, видите, над лесом туча тёмная идёт, и ветер поднимается, рассердите хозяина здешних мест, ведь пришло время его детям играть, а вы их пугаете своим криком, заходите быстро!

И, вправду, на спокойном небе со стороны леса появились свинцовые тучи. Горизонт осветили зарницы, переливаясь вспышками молний.

Дети испугались, забежали в чум и забились за бабушкину спину. Бабушка сидела в своей половине чума, возле костра, горящего в центре жилища, и что-то шептала, а костёр, будто бы понимая шёпот бабушки, изредка трещал, выбрасывая в отверстие чума снопы искр. В чуме было слышно, как налетел ветер, прогибая жерди жилища и трепля покрывки.

На улице собаки подняли лай, а ветер как будто их поднимал и бросал на чум, от чего они взвизгивали, но продолжали лаять. Вдруг лай прекратился, покрывка у входа в чум откинулась, и в жилище вошёл невысокий старичок, весь обросший густыми, как смоль, волосами, из-за которых было не совсем понятно, есть на нём одежда или нет.

Бабушка, сидя у огня, спросила сына:

– Кузьма, кто к нам пришёл?

– Куль ики, – ответил Кузьма.

Дети и женщины сбились в кучу за спиной бабушки, дрожа от страха.

А Куль ики и бабушка, казалось, смотрели друг на друга.

Бабушка мысленно спросила:

– Зачем к нам пожаловал? Мы тебе плохого не сделали.

Куль ики ей ответил, тоже мысленно:

– Как ты смеешь говорить со мной, женщина? Я властелин подземного мира и живу во тьме.

– Если ты хорошенько приглядишься, то увидишь, что я тоже уже много лун не видела белого света и живу во тьме, как и ты, – ответила бабушка. – Ещё раз спрашиваю. Зачем пожаловал?

– Вы пришли на мою землю несколько дней назад, а жертву не принесли, да ещё дети ночью разыгрались, моим детям играть мешают, поэтому я и пришёл. Давай мне кого-нибудь из детей в жертву.

– Жертву мы тебе не принесли, так как луна не выросла, а детей в жертву я тебе не отдам, этому другие боги возмутятся, – ответила бабушка.

– Никто не возмутится, я небо от всех богов тучами закрыл, никто и не увидит. А не отдашь, тогда я сам заберу, – и потянул руки к детям.

Дети от испуга начали пятиться ещё дальше и уперлись в жерди чума.

А бабушка ему в ответ:

– Сильно ты ошибаешься, владыка нижнего мира, одна богиня всё же с нами всегда находится, и она перед тобой, – будто бы вторя её мыслям, пламя в костре заискрилось, зашипело, и язычки его угрожающе заплясали над костром. – Кто, думаешь, меня предупредил о твоём приходе? Этот огонь мне передала моя мама, когда я вышла замуж, и, даже потеряв зрение, я умею с ним разговаривать. А теперь уходи и больше не возвращайся.

Бабушка нагнулась к очагу, взяла самый яркий уголь голыми руками и начертила перед Куль ики крест, произнесла защитные, магические слова. Куль ики закрутился на месте, как волчок, завыл и со всего размаху вылетел из чума. Погода тут же успокоилась. Сквозь отверстие чума стало видно голубое небо и тусклые летние звёзды, которые тут же исчезли, когда небесный всадник поскакал на небо.

Наступал новый день. Все легли спать, лишь бабушка не спала, а охраняла сон детей и внуков...

Когда выросла луна, Кузьма поймал самого большого оленя чёрного окраса, которого затем принесли в жертву в священном бору, чтобы задобрить злой дух Куль ики.

Вячеслав НЕСМЕЯНОВ

п. Развилка, Московская обл.

Несмеянов Вячеслав Федорович. Работал на китобойном судне, автор морских северных рассказов. Публикуется впервые.

Экзамен

Рассказ

Подготовка специалистов военных учебных заведений значительно отличается от обучения студентов гражданских вузов. В мореходном училище вся жизнь и учебный процесс организованы так, что пропускать лекции и обязательные часы самоподготовки просто невозможно. Углублённое изучение профильных предметов, строгая дисциплина, переходящая в привычку, и плавательная практика дают уровень подготовки, который необходим для солёной флотской жизни. Окончание училища – это только теоретический зачёт и допуск к длительному испытанию выбранной профессией. Теперь начинается многолетний экзамен корабельной жизни, который покажет, что ты можешь и чего стоишь. Только там проявляются способности и личные качества. Но одновременно проходит и коварная проверка «медными трубами», благодаря новым материальным возможностям и соблазнам в период короткого пребывания на берегу. И, как оказалось, для многих этот экзамен стал одним из самых трудных.

Выбор сделан, направление на работу лежит в кармане, небольшие подъёмные деньги получены, и ты стоишь перед неизвестностью, даже не представляя, что ожидает там, впереди, за интригующим, неизвестным адресом – Беломорская база гослова.

Используя все существующие виды транспорта, включая паромную переправу, я добрался в пункт назначения – порт Беломорск. Всё виденное из окна автобуса поражало меня, южанина, жителя Ростовской области. Пустынная, низкорослая лесотундра холодно поблескивала многочисленными озёрами и морской водной гладью, представляя полный контраст привычному, знойному Причерноморью. Первое впечатление, что это край земли. Он находится где-то здесь, вон за теми бревенчатыми бараками, которые, как солдаты на привале, полулежали среди болотистой местности. Между собой они соединялись узкими деревянными настилами, выполняющими роль пешеходных дорожек. Одна из таких дорожек привела меня в скромный домишко под названием гостиница, т.е. дом только для ночёвки, где в большом пустынном помещении не было ничего, кроме нескольких раскладушек. Из всех необходимых элементов гостиничных удобств присутствовало только одно – комплект постельного белья и вафельное полотенце, которое в этом заведении, предназначенном для проживания спартанцев, оказалось важнее, чем кондиционер или холодильник. Усталость от дальней дороги валила меня с ног, было уже не до комфорта. Но уснуть не давало солнце, которое среди полярного дня, с небольшими перерывами на короткие сумерки, ярко светило в незашторенное окно. Только на мою вторую полярную ночь я не просто уснул, а свалился от усталости и переполнявших впечатлений. Что нужно уставшему человеку? Приложить голову на ночь есть где, а удобства и комфорт – это в других местах, здесь всё проще.

Посетив порт, я увидел вереницу ржавых сейнеров и траулеров, которые, прижавшись к пирсу, многие месяцы ожидали то ли ремонта, то ли отправки на металлолом. Это произвело на меня гнетущее впечатление. В памяти были ещё свежи прошлогодние воспоминания о цветущей и праздничной Одессе, встречающей нас после годичной плавательной практики на китобойной флотилии «Слава». Я взмолился в отделе кадров, попросил отправить меня в действующую Мурманскую группу кораблей Беломорской базы.

Попав в рыбную столицу страны, с нетерпением ожидал прибытия кораблей из Атлантического района промысла. А пока был отправлен в так называемый «резерв» с оплатой 70% оклада. Так продолжалось несколько месяцев. Я поиздержался до последнего рубля, пришлось опять перейти на курсантское меню – кафе обходить стороной, а столовую искать подешевле.

Судьба к голодным благосклонна. Чтобы как-то занять слоняющегося без дела и денег молодого специалиста, она откомандировала меня на старенький каботажный сейнер РС-5276 «Летник», с которого на самом отходе в море уволился механик. Ещё слабо разбираясь в местной специфике флота, я поинтересовался: «А там кормят?». «Иди, иди, там всё увидишь», – многозначительно напутствовали меня в отделе кадров. С надеждой заработать на пропитание я помчался в порт, к идущему на промысел сейнеру. Как на уходящий поезд, успел к прощальному гудку, и, как оказалось, очень удачно, как раз к началу своей вахты. Встретивший меня старший механик поздоровался и посоветовал снять китель с импозантным голубым ромбом выпускника мореходного училища, одеться попроще, в старую робу, и приступить к исполнению своих прямых обязанностей на выходящем в море корабле. Он не догадывался, что у прибывшего молодого специалиста ещё нет опыта самостоятельного несения вахты.

Выход в море – это всегда шум, суета, бесконечные тосты или просто праздник без тостов, но команда находится в «растрепанном» состоянии. Стармех со своей женой занялись каким-то своим срочным делом, а я, первый раз попавший на такой «лайнер», пошёл искать машинное отделение. Вдоль правого борта увидел люк и, заглянув туда, услышал характерный звук работающего вспомогательного двигателя. Догадался, что мне туда. Спустившись по трапу в машинное отделение, я замер. Вот это да... Чувство такое, будто меня посадили за штурвал самолёта и сказали: «Ну, давай, взлетай». Стоя среди этих совершенно новых для меня механизмов, приборов, датчиков и работающих систем, которые я всё-таки изучал в училище, я не представлял, как оборудовано это

машинное отделение и как это всё работает вместе. Напряжённо озираясь, я опознал главный двигатель – это же «Букау-Вольф», а с ним я знаком по плавательной практике на учебном судне «Руслан». Если ещё найду баллоны со сжатым воздухом, то смогу его запустить!

Громко звякнул ручной телеграф – поступила команда «Товсь».

Со страхом поглядывая по сторонам, я увидел ряд стоящих баллонов. На манометрах цифры 250 кг/см², значит высокое давление. Это они, родные. Это то, что нужно для запуска главного двигателя. И вдруг команда: «Малый вперёд». Меня встряхнуло, словно от высоковольтного удара, и мобилизовало на необходимые действия. Я отзвонился, т. е. подтвердил на капитанский мостик получение этой команды и свою готовность дать ход кораблю. Первый раз в жизни самостоятельно запустил главный двигатель и привёл в движение гребной вал. Корабль начал движение.

Свои дальнейшие действия я практически не помню. Но, судя по всему, у меня получилось управлять главным двигателем, и я смог обеспечить маневры по швартовке и выходу корабля в море. Только теперь осознаю, что это было чудо, что кто-то невидимый руководил моими действиями. Кто это мог быть, я точно не знаю, но верю, что это был мой ангел-хранитель. Он помогал и подсказывал, что нужно делать. Благодарю его за это.

Старший помощник капитана, производивший швартовку уходящего корабля, как джигит, рвал удила застоявшимся в порту тремстам лошадиным силам. Он гонял стрелку телеграфа от «Полного вперёд» до «Полного назад», громко огрызаясь осипшим тифоном (сиреной) на попадающиеся ему на пути большие и малые корабли. Густая рыжая борода и орлиный нос выдавали в нём характер испанского конкистадора. Как мне удавалось исполнять эту джигитовку, не представляю, а сказать, что у меня тряслись руки и ноги, значит не сказать ничего. Это была проверка всех моих знаний и навыков, это был единый госэкзамен одновременно по всем предметам. А когда телеграф начал затихать, я догадался, что уже вышли на чистую воду Кольского залива. В машинное отделение спустился старший механик и только буркнул: «Ну, ничего, ничего, я думал, будет хуже».

Рыбалка была на удивление удачная. За одну неделю мы заполнили сорокатонный трюм треской и, сдав улов в ближайший перерабатывающий цех, тут же получили полную оплату. Моя первая зарплата – семьсот рублей за десять дней промысла – после курсантских трёх рублей восьмидесяти копеек, показалась фантастической. Я не представлял, что можно делать с такой тьмой денег. Половину отправил своей бабушке, матери-героине, воспитавшей одиннадцать детей. Она в голодные послевоенные годы одна, без погибшего на войне мужа, поднимала огромную семью. Я хорошо помню, как она откладывала каждый месяц по несколько рублей на покупку чёрной плюшевой кацавейки, чтобы прилично ходить в церковь в Саратовской глубинке. Как разобратся с остальными деньгами, мне подсказали бывалые моряки, и мы через неделю с чистыми карманами и чувством исполненного морского долга вышли в море на поиски рыбацкой удачи.

Но рыбацкое счастье – штука коварная, она не любит тех, кто, выйдя из порта, по три дня лежит в дрейфе, приходит в себя после бесшабашного праздника и только потом вспоминает о цели, с которой вышли в море.

В дальнейшем уловы резко упали, и в течение последующих трёх недель мы не могли заполнить трюмы даже на половину, а с полупустым трюмом идти в порт не позволяет совесть и взятые на себя социалистические обязательства. Питаясь остатками продовольствия и галетами, продолжали круглосуточно тралить море Баренца, вытаскивая полупустые сети. С большим трудом месячное задание мы всё же выполнили.

Условия жизни на сейнере были очень похожими на условия на подводной лодке, причём старых выпусков. Кроме капитана, стармеха и радиста, все члены экипажа жили в одном большом кубрике. Здесь же сушили сапоги и рыбацкие костюмы. Обогревались помещения обычной печкой-буржуйкой. Топилась она углём. Кочегарил я её не всегда на полную мощность, и стармех бранил меня и то училище, которое судомеханика-универсала этому не обучило. Однажды при неудачной попытке растопить чудо-печь соляройкой произошёл взрыв, и это закончилось тем, что я с обожжённым лицом и руками нёс вахту в бинтах, пропитанных соляройкой. К моему удивлению, всё быстро зажило, остались только шрамы и урок на всю жизнь.

Прибрежный лов и короткие каботажные рейсы вдоль побережья Баренцева и Белого морей позволили мне увидеть малонаселённые, а иногда и вовсе покинутые, колоритные саамские и поморские поселения. Впечатлил вид лежащих на берегах полуистлевших останков старинных кораблей безвестных мореходов, свидетелей истории коренных жителей, их быта и труда. Их жизнь была незамысловатая по сути, но рациональная и надёжная, сформированная скудными возможностями, суровым климатом и удалённостью от благ и пороков цивилизации. Ограниченное общение с внешним миром осуществлялось только водным путём. Спустя многие годы я смог понять и оценить смысл этого христианского жития в нестяжательстве, их консерватизм, сохраняющий подлинные ценности. Теперь, имея возможность сравнивать, я окончательно убедился в том, что лучше жить в ограниченных условиях и среди добродетельных людей, чем в достатке, но среди волчьей стаи.

Вскоре моя командировка и вместе с ней испытание на стойкость и выживание в экстремальных условиях подошли к концу, и я считаю, что успешно сдал практический экзамен. Вопреки всем существующим правилам формирования экипажа, капитан потребовал продолжения моей командировки на их сейнере и даже отправил письмо-ходатайство в нашу организацию. Мой категорический отказ и непреодолимое романтическое желание ходить по дальним морям и странам оказались сильнее прагматических соображений быстрого карьерного роста и больших заработков.

Но судьба есть судьба, у неё на этот счёт были свои планы, она приготовила мне целый букет новых испытаний, за что в итоге я ей безмерно благодарен.

Райнгольд ШУЛЬЦ

г. Гиссен, Германия

Райнгольд Шульц (Роман) Асафович – русско-немецкий писатель, публицист, общественный деятель, представитель этнических немцев стран бывшего СССР. Литературный псевдоним – Папа Шульц. Родился 1 ноября 1949 года на севере европейской части СССР, в посёлке Краснозатонском (пригород Сыктывкара – столицы Коми АССР), в лютеранской семье выселенных из Карелии житомирских немцев-колонистов. Окончил Сыктывкарский государственный университет, экономист. В 1990 г. с семьёй реэмигрировал в ФРГ. Член литературного общества писателей «Немцы из России». Пишет стихи, историческую прозу, юмористические рассказы, анекдоты, христианские и житейские истории, репортажи, сказки. Автор свыше 20 книг и 1400 публикаций в СМИ. Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе десятикратный лауреат международного литературного конкурса «Золотое перо Руси».

Заимка на речке Лемью

Эссе

Заимкой на Руси издревле называли маленькое, однодворное поселение, расположенное вдали от освоенных территорий и основанного по праву первого владения.

В России республику Коми можно считать заповедной зоной. В двенадцати километрах от Сыктывкара есть красивейший посёлок Краснозатонский. Раньше там зимой, на озере Выль-ты, был затон судов северного речного пароходства.

От посёлка, до кордона Михайлова, через сосновый бор «Сидор круг», по девственной тайге – двенадцать километров. Впереди нет ни дороги, ни населённых пунктов! Дальше, на противоположной стороне огромного леса, за тысячу километров, в Пермской области, находятся города Березники и Соликамск.

У заповедного кордона много названий: приют Михайловский, приют Лемский, лесничество, заимка на речке Лемью.

Эту небольшую, восьмидесятикилометровую таёжную речку старики называли – речка Лем. В её прозрачной воде водится рыба: сиг, хариусы и щуки. Рыбаки боготворят эту речку.

По этой райской реке мы с детьми на нашей вёсельной лодке «Альбатрос» спускались до самой Вычегды – большой, судоходной северной реки.

Название Лемью, происходит от слияния двух коми слов: «льём» – черёмуха, и «ю» – река. Получается «Черемуховая река». Весной от обалденного запаха белоснежной черёмухи от счастья кружится голова! Летать хочется!

Посреди бескрайней тайги, на берегу этой речки, расположена очень приятная для глаз полянка. На ней построено три бревенчатых дома с печным отоплением. Там электричества и телефона нет. Вода из реки. Рядом придворные постройки – сарай, сеновал, нужник, дровяник, баня. На свободе гуляют лошадь, собаки, козы, куры, сказочно кукарекают петухи. Эхо многократно усиливает их старание. Лепота!

Природа в глубинке уникальная по красоте. Нетронутый цивилизацией уголок первозданности. Там время стоит. Там земля не вертится. Там человеку спешить некуда. Там чистый, густой, хмельной воздух. Пьянящие ароматы хвойного леса и необыкновенная тишина.

Красота эта закачивает в душу человека какую-то неведомую силу огромной любви ко всему, что он видит вокруг. Природа – Родина человека!

В детстве, собирая грибы, мы не раз выходили на заимку, любовались пышной красотой золотой осени, пили воду из реки, отдыхали, обедали, сидя на деревянном мостике. Радовались дарам природы.

Север – место не для слабых. За лесную ягоду расплачивались своей кровью. Летом не замечать кровососов – мошек, комаров и оводов – в тех краях невозможно, они живём съедят всё, что не прикрыто, по самые сапоги.

С шестидесятых-семидесятых годов на заимке постоянно проживал представитель лесхоза и егерь Сыктывкарского общества охотников и рыболовов. Возможно, как основателя, его фамилия увековечена в названии приюта.

Где-то с девяностых годов там держали медведя, оленей, диких кабанов и других диких животных для натаски и испытаний охотничьих собак. Всё это было под покровом Коми Республиканского общества охотников и рыболовов.

В конце восьмидесятых на заимке поставили два стандартных щитовых финских дома. Специально для отдыха туристов-экстремалов, желающих ощутить себя на необитаемом острове.

Прошло почти полвека, как мы зимой там отдыхали в последний раз, а под кожей и в памяти, в мельчайших подробностях, остались законсервированные ощущения той первозданной красоты.

Снег в глубинке совсем не такой, как в городе. В городе он тяжёлый, усталый, почерневший, как шахтёр после смены, а в тайге он – как только что родившийся младенец – чистый, нежный, мягкий, пушистый – тихо лежит как в колыхающей, вязкой, густой, ласковой тишине. Тихо любишься этой красотой, и слышно, как бьётся твоё сердце!

Как здорово прыгать в этот необыкновенный снег, словно в облако, а потом ползти в белом тумане наперегонки со своими очень счастливыми детьми. Сказочное царство зимы матушки забыть невозможно!

Вокруг божественная красота. Душа тихо визжит от счастья! Счастье это даёт душе крылья!

Душа восхищена и чувствует творца! Ощущает Бога!!!

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Никита БРАГИН

г. Москва

Член Союза писателей России. Автор 12 книг стихов. Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института Российской Академии наук. Публиковался в журналах «Российский колокол» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Подъём» (Воронеж), «Чайка» (Балтимор, США), «Голос эпохи» (Москва) и др., а также в многочисленных сборниках, выходящих по итогам литературных конкурсов. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«И было просто и просторно...»

Морщины строк волнами по листу
бегут, летят, всё чаще, всё скорее,
бумага надрывается, старея,
как юность, пережившая мечту.

Но слово, разгораясь на лету,
прильнёт и сердце ветхое согреет,
заплаканное небо просветлеет,
и будут сниться яблони в цвету.

Конец пути? Возврат к его началу?
В душе, как в небе, птица прокричала,
и тайное принёс протяжный крик.

«Ты всё исполнил» – подытожил разум,
забрестило, и просияли разом
и море, и прибой, и материк.

Метельным вечером

Лизнул огонь трескучие поленья,
кирпичным жаром задышала печь,
узор на стёклах начал слёзно течь,
и законный мир открылся зрению.

И были долгие часы творенья
в медовом свете трепетавших свеч,
и выплатило золотую речь
молитвенное тихое терпенье.

И полетев, гармония взяла
к себе на крылья самое простое –
платочек, соскользнувший со стола,

пилёный сахар, блюдечко пустое,
и вечный взор из красного угла,
наполненный любовью и покоем.

На берегах исчезнувших морей,
где древние пески окаменели,
где светлые закаты отгорели
и спят в медовых каплях янтареи —

там память умоляет — отогрей
крупинку льда во кружеве метельном,
пусть оживут в снегах глубоких ели,
и солнце возвращается скорей!

Пусть рокоты далёкого прибоя
в небесном перламутре загремят,
и сквозь свинец проглянет голубое.

Так по ущельям городских громад
бредёшь, не понимая, что с тобою,
и тает в сердце тайный аромат.

Воспоминание о Севере

И было просто и просторно
на поприщах и перевалах,
на снежниках и гребнях горных,
на повстречаньях и привалах,
где чёрен чай и сахар снежен,
где остужает ветер свежий
твой котелок у самых губ,
и дикий камень, ржав и груб,
вокруг вздымаясь, обступает,
в тисках сжимая синеву,
как будто полночь наяву
приходит, серая, скупая
на хлеб, на мёд и на тепло...
Всё это было и прошло!

Но там, в горах, всё то же эхо,
всё те же скалы и ручьи,
и тот же путь – когда к успеху,
когда до боевой нищи;
и воедино – мысль и дело,
и в неизведанных пределах
цепочкой жизни – их следы,
и тонкий холодок беды...
Сухая графика пейзажа,
крушение камня, хруст куста,
трагическая красота,
где и огонь, и кровь, и сажа,
и лёд, прозрачно-голубой,
перекликаются с тобой.

И ты, как искорка в кристалле,
горишь, мерцаешь на ветру,
ты стынешь, словно кровь на стали,
зарянкой кличешь поутру,
и отдаёшь, и обретаешь,
и в этом истина простая –
твоё заветное зерно
уже проклюнулось, оно
вбирает воздух, свет и воду,
и зеленеет, и растёт;
к нему из облачных высот,
на крыльях – ливень и свобода,
и не во сне, а наяву!
Вот это счастьем я зову.

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США.

«Как, мама, за тебя молиться...»

Памяти моей мамы, Балтиной Ольги Алексеевны

Я перед ней всей жизнью виноват...
Разрывы и узлы воспоминаний.
И я, уткнувшись в маменькин халат,
Тоскою исхожу слепых рыданий.

Ах, мама, мама, где же ты теперь?
В каких заоблачных пространствах мира
Глобального, коль жизнь – тропа потерь,
И на земле мелькнёт подобьем мига...

Чем объяснить, что утешенья нет?
И длятся ленты дней, серея скудно.
Ах, мама, мне тобой подарен свет,
Но без тебя им жить чрезмерно трудно...

Вернуться б в детский сад,
сначала жизнь прожить,
Нелепиц избежать, повторов и ошибок.
Ах, осенью и скрипок, и улыбок
Листвы так много: счастье можно пить.

Вот с папою иду я в старый парк...
Но где же папа? Много лет как нету.
Воспоминаний зыбкий-зыбкий пар
Не приближает к золотому свету.

Вот с мамою...
Но мамы тоже нет,
И смертью этой я раздавлен: снова
Ребёнком я гляжу на белый свет,
Не понимая толком ни полслова.

Нет, не вернулся – бедный – в детский сад,
Остался якобы пожившим взрослым.
Апрель сейчас. До осени бы рад
Дожить я...
Ощущенье смерти острым
Ножом разрежет ум.
Нельзя назад.

Трёх месяцев после тоски
И слёз, изводящих по маме –
Как быстро белеют виски,
Когда ты живёшь в чёрной яме, –
Вдруг реющую белизну,
Какой не бывает на свете,
Почувствовал – будто волну
Сияний пригнал райский ветер.
И мама из той белизны
Глядела, легко улыбаясь.
Был сон, но кончаются сны,
Виденье продлилось, слагаясь

В прекрасную лёгкость: почти
Сшивались душевные раны.
И белые дивно лучи
Дарили покой осиянный.

Маленький, домашний и уютный
Разлетится в миг мирок,
Доказуя: вот он – Бог,
Раздавивший силой абсолютной.
Мамы нет. И света больше нет.
Пустота. И из неё ни звука.
И не возвратится больше свет,
Остаётся шаровая мука.

Мама встретит на том берегу,
Хоть представить сего не могу,
Верю – мамочка встретит меня,
Жду и жду я счастливого дня...

На ледяном ветру оставшийся ребёнок,
На ледяном онтологическом ветру.
Вибрирую я, одинок и тонок,
Без мамы, понимаю – я умру.
Я пожилой, седобородый, жалкий –
Ребёнком люто мёрзну на ветру.

И мамочку зову бесплодно, жарко,
Зову, не веря, что её верну.

Ты со мною, и – я стал спокоен,
Хоть и знаю – мама умерла,
Вижу я её – она светла,
Свет в меня вмещён, и мной усвоен.
Ты со мною, мама? Но ответ
Чувствую, его не слыша, дивный...
Да, сынок, и, значит, смерти нет,
Смерти нет: её, сияя, свет
Отрицает, нежный и красивый...

Я потерял твои молитвы,
Что возносила за меня.
Смерть рассекла страшнее бритвы
Нас, душу в даль мою маня.
Как, мама, за тебя молиться,
Раз ты ушла, не знаю я...
Заложник страшного мотива,
Молчу в пределах бытия.

Иван НЕЧИПОРУК

г. Горловка, ДНР – Россия

Коренной горловчанин, родился в 1975 году. В довоенном прошлом – шахтёр с 20-летним подземным стажем. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ (филафак, заочно). Автор ряда книг стихов, прозы и очерков. Заместитель председателя Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России, Славянской литературно-художественной академии (Болгария), редактор литературного журнала «Пять стихий». Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Превращая стихи в согласованный шум...»

Зажгу свечу

(Горловский сонет)

Зажги свечу и сумерки отступят...

Николай Новиков

Приходит вечер по-октябрьски пресный,
И выползает тонкая луна.
Я одиноко пью закат до дна,
И сумерки встают стеной отвесной.
Зажгу свечу, и в памяти воскреснут
Все дорогие сердцу имена.

И вечер вдруг наполнится стихами
И голосами тех далёких дней,
Когда запал души горел мощней,
А сердце чёрствым не было, как камень...
Холст вечера строками, как мазками,
Заполню я, и станет мир ясней.

Зажгу свечу, чтоб те, кто были с нами,
Не растворились в памяти моей.

Беда

(Горловский сонет)

Пока слонялся по углам,
Моя беда ходила рядом:
Вокруг двора, вокруг кола,
Напитываясь злобным ядом,
Сверлила душу диким взглядом
И хищно свой момент ждала.

Пока рассвет серел в окне,
Беда, схватив меня за плечи,
Поставила лицом к стене.
А я наивно и беспечно
Смотрел, как некто жребий мечут,
Но не о ризах... Обо мне.

Мой новый день от страха жался
И от сумы не зарекался.

Усталость

(Горловский сонет)

И хочется вином залить тоску,
Ты так устал быть менестрелем бойни.
Легко судить смотрящим с колокольни,
И языком молотъ словес муку,
Чтоб речь звучала злей и протокольней,
Пока их с высоты не совлечут...

А тут молчишь, накапливаешь злость,
И чувствуешь себя как в саркофаге,
Пока душа не выплеснет бумаге
Всё то, что в хрупком сердце запеклось,
Не думая о страхе и отваге,
О спице, что вот-вот пронзит насквозь...

И судит век предвзято и сурово
За каждое несказанное слово.

Если мы выживем

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме,
И, вспоминая об этой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми...

Сколько в сердцах накопили мы зла,
В списках потерь без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок выл над нами, как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды суровую нить
Не оборвать, но и страшно хранить...
Если мы выживем, если мы выжи...

Над городом

В скверах вновь рябиновый накал,
Ветер листья без просвета носит.
Вот и я, сомнения отбросив,
Понял, как последний маргинал:
Густав Климт любил, бесспорно, осень,
Только все не упоминал...

Смерть и жизнь – две непохожих птицы –
Заставляют этот мир кружиться...

Несказанно тесен мир и мал,
Охрою деревьев опалённый.
Снова сыплют позолоту клёны,
Снова сквер полупрозрачней стал.
Я парю над городом влюблённо,
Как когда-то предсказал Шагал:

Люди у него почти что птицы,
С ними суждено и мне сродниться.

Не резон

(Горловский сонет)

Превращая стихи в согласованный шум,
Обречённо ищу подходящее слово.
Но душа, растерявшись, мне снова и снова,
Настоятельно шепчет, что я, мол, спешу.
А ноябрь сверлит спину мне взглядом суровым,
Я опять не от печки по жизни пляшу.

Заговаривать сны нынче вышел сезон,
Но шаманят ветра по шершавой бумаге.
Я хотел написать про линялые флаги,
Но от этого страшный рождается звон...
Мне придётся забыть о вчерашней отваге,
Быть «героем не к месту» – уже не резон.

И слова улетают грачиною стаей,
Я вослед пепел старых тетрадей листаю.

Александр ШЕРСТЮК

г. Москва (Зеленоград)

Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Автор 8 книг стихов и прозы. Дипломант XIII Международного Волошинского конкурса (2015). Зам. главного редактора по литературной критике журнала «Северо-Муйские огни».

Продолжение из цикла «Когда танцы – стансы» (2022)

Есть такая рыба арапайник
так же просто как у нас репейник
водится в Бразилии она
весит как примерно наковальня
каждой чешуйкою сильна
и на вкусище заметна чрезвычайно
но об этом знают только те
заглянул кто в рот её случайно
и остался смело в темноте
и остался в пасти её пастой
на румяном рыбьем языке
интересна эта рыбка тем что
язычок её не просто орган вкуса
оснащён он острыми зубами
всё что попадётся и нас с вами
перемальывает каждого с хребтами
в прах повергнет трижды будь искусен
хоть в искусстве ты хоть в Иисусе
будешь беспощадно ты искусан
да-да-да язык у ней с зубами
точно так же как бывает это
у иных язвительных поэтов

Веря своей Верке
зная её стороны
значит зная вздоры
сталбыть зная здорово
ангелом я к Меркель
полечу просторами
полечу просторно
полечу себя я
затхлость себорейную
освежая – ну её! –
например бореем
не перечь мне ты брат
мне уж лучше выбрать
удрученьям меру
где не юберменши
с унтерпришибеями
мелюзга народная
где не нищевродная
и вериг поменьше
и дрючки потоньше
лучше верить в веру
мерою где Меру
скрепа она крепкая
пусть без кваса с репкою
но уж крепче веры
где вервольфы доры
где стреляют глазками
те что сеют вздоры

Меня направили в онкобольницу №62
это на Новорижском шоссе
везла дочка несравненная моя Настенька
ехали от дома км 70 по Глонассу

через старый город новый город путепровод
Георгиевское шоссе Кутузовское шоссе
Пятницкое шоссе потом бывшая бетонка
бетонка это кольцо оборонки с ракетной начинкой
я здесь служил в Хоругвино и в Лыткино
командиры Артур Бойцов второй Захаров
этот запомнился гауптвахтой
бетонка теперь заасфальтирована
повороты развороты
голос девушки назовём её Тая следившей за
нами вещал
«через семьсот метров... через триста метров...»
«через тридцать метров поворот направо»
перестроиться не успели залетели налево
не в ту степь
Тая семь раз фиксировала изменение
маршрута
опять подсказки повороты развороты...
Вдруг справа взрыв атомной бомбы ну очень
похоже
дым шириной с Хиросиму с грибом до самого неба
вечером передали крупнейший пожар
в районе Истры
горели склады
число жертв устанавливается
нам повезло наконец вот он лес в котором
больница
центральный корпус колокольный звон
«Не спрашивайте, по ком звонит колокол»
в путанице коридоров и комнат
нашли мой кабинет
куда надо попасть на приём
на приём хотя запись моя на 9.50 живая
очередь
очередь она всегда живая хоть и по записи
да да очередь пока ещё живая
на двери кабинета висит табличка
«Стационар временного пребывания»
я так обрадовался!
ведь вся наша замечательная жизнь
также может быть названа
стационаром временного пребывания
именно так
а значит я попал туда куда надо

А что там кажут про вечную жизнь
вроде как все воскреснут
и будет у дам каждой свой визажист
и будет у каждой свой пейзажист
и будет пейзаж этот тортом
наступит сладкая сладкая вечная жизнь
и кушать все смогут пока не треснут
наступит житуха для мёртвых
но есть одно небольшое но
оно будто вишенкой к торту
наукой преподано и заодно
движеньем светил задорных
расчерчено на миллиарды лет

и будет казаться когда что вот-вот
воскреснем а тут
тут на тебе вот
может за день до воскрешенья
Красный Ярילו что солнышком был
Геюшку в топку своей животищи
погрузит и даже не погрузит
и многим-многим это польстит
быть
в спиральном круговороте
Вечной пищи

Только что получено сообщение
несмотря на санкции против России
страны для Запада безусловно отвратительной
которой просто не должно быть на карте
тем не менее
в книгу рекордов Гиннесса
занесён
абсолютный мировой рекорд
установленный русским богатырём
Ильёй Муромцем
из того ли года Мурома
из того ли села Карачарово
33 года просидевшим на печи
этого никому пока не удавалось
хавайте западенцы
дурачьё
ведь чем больше санкций
тем больше рекордов
будем мы устанавливать

Когда умер Горбачёв
был народ тут ни при чём
не нашлось великой скорби
для любимца немцев Горби
со слезою к Горбачёву
только Алка Пугачёва
по утряночке примчала
Горби в гробе полегчало
у могилы ноль речей
чтоб остался счёт ничей
и не стала ждать родня
когда скроет гроб земля
едва донышка коснулся
каждый тотчас же очнулся
все поехали домой
со святыми упокой
так народ алаверды
потесней сплотил ряды
как всегда к плечу плечо
оказавшись ни при чём

Когда умерла Елизавета британская королева
людишкам сообщили причина смерти
остановка сердца
но британские учёные неглупые копнули глубже
и установили причиной остановки сердца
стала смерть
о это Великое Британском Королевство
там лучшая в мире демократия есть даже
Гайд-парк
где любому можно гайдарить что хочешь

становись на высь и неси едрёна вошь любую
чушь
на Руси это называется мели Емеля твоя неделя
да и Пётр наш великий имперский царь
велел говорить не по-писаному а токмо своими
словами
валяй дурь свою являй дабы каждому видна была
и что же в законопослушной Великой Британии
в порыве единомыслия людишки с учёными
согласились
о люди помнили девиз Елизаветы
королевы ихнейной
её слова заветные мол никогда никогда никогда
едрёна вошь не спорь

А вот ей-ей случайный случай случился
самолёт в Ейске на дома свалился
самолёт военный люди миряне
погибло людишек славбогу немного
что-то человек пятнадцать
сгорели до полного опепеления
а такое всё почему
а такое всё потому
что два голубя летательных мирных
самолёт на взлёте голуби в полёте
пробрались в турбодвигатель
до самых между лопаток
лопатки такое голубиное нахальство
перелопатить не смогли
и в натуре воспламенились
люди люди не надо турбоваться
турбины у нас неплохие
помните не будь воли неба
ни один волосок дрогнуть бы не был
а голубь тем более
даже тем паче
он к Марии деве летал
благый вести посланцем
не всякому можно доверить
такие полёты-улёты
молитесь

На столетие я отстал
а ведь там был другой устав
но скажу – я сегодня не пил
на хрена нам вычурный дыр бул шыл
никаких нам не надобно дыр
на тыр-тыр-тыр я хочу быть шир
тыр-тыр-тыр тыр-тыр-тыр тыр-тыр
если музыка значит тррремоло-тыр
в руках лузеров это тррремор-тыр
музыкально – это трррембита
а у древних-то карта бита
а ещё у них там у древних – мор
а когда-то у них был – ром
а теперь вот за мором – морг
как когда-то за ромом – гром
гром гремел был он грум-гржимайло
гром победы гремел раздавался
ром не ром – а шнапс разливался
с Тарапунькой Штепсель братался
как бы депрессия?
как бы не так
80 – это 55+5x5 если трезв чердак

Татьяна СОБЕЩАНСКАЯ

г. Мытищи, Московская обл.

Член Союза писателей России, участник клуба «Московитянка» при ЦДА (Москва) и Мытищинского литературного объединения имени Дм. Кедрина. Автор 2 книг стихов и ряда публикаций в периодике.

«Никому не уйти от времени...»

У зимы что ни день, то подарок:
Снегири, Новый год и каток.
В чистом поле – особый порядок:
Белизна и румяный восток.

Даже ночью безлунною можно
Прочитать по следам на снегу,
Как лиса замерла осторожно,
Чтобы зайца схватить на бегу.

Как всегда...
Только снова и снова
Удивляюсь пришедшей зиме
И звенящим весёлым подковам
На остывшей, усталой земле.

Зимняя ночь.
Голубые снега.
Стройная ель у плетня.
Пахнущий дымом кусок пирога –
Эхо прошедшего дня.

Спит деревенька.
Мы снова вдвоём
Смотрим на звёздную пыль
И улыбаемся так же, как днём.
Вот она – светлая быть.

Другая жизнь на дальних берегах,
Другие песни, правила, законы
И даже христианские каноны
И церкви в деревнях и городах.

Там всё не так, как видится порой
Тому, кто бросил место, где родился,
Родился, но, увы, не пригодился,
Забыв об этой истине простой.

Пушкой там хлеб действительно сытней,
Синее небо и зима короче,
Но в письмах к матери понятно, между прочим,
Что греет душу курский соловей.

Этот чеховский шкаф,
Что стоит, подбоченясь, у стенки,
Говорит, что не прав
Тот, кто падает ниц, на колени.
Не появятся враз
Ни любовь, ни признание народа,
Несмотря на указ,
На желанье угнаться за модой.

Ведь у нас на Руси,
Существуют другие законы:
Есть подарок – неси,
А ещё – колокольные звоны
Объявляют для всех
О престольном застолье весёлом,
Где так радостен смех,
Что летит по деревьям и сёлам.

Счастье в том, чтоб любить
Соловьиные вёсны и лето,
Когда можно бродить
По лугам, что поэтом воспеты,
И сквозь дождь проливной
Видеть радость в глазах у подруги,
А холодной зимой
Мчатся в санках под пение вьюги.

Есть у нас холода
И жара, и туман молчаливый,
Ледяная вода,
Что сосульками виснет на ивах,
И закат, что горит,
Как свеча, в золотом обрамленье,
И монашеский скит,
Где святые не ведают тленья.

Я люблю свой народ
И его бесшабашную силу.
Он неправду найдёт,
Даже если упрятать в могилу.
Всё ему нипочём,
Не пугает работа до пота...
.....
Не шутите с огнём,
Осушая беспечно болота.

Никому не уйти от времени,
От себя никому не уйти,
Если даже царского племени
И проторены все пути.

Пирамиды в пустыне медленно
Рассыпаются, словно прах.
Только Слову, наверно, велею
Стать бессмертным, светить в веках.

От него, как лучи, сияние
И надежда на мир иной,
Где отсутствует оправдание,
Где не ходят с пустой сумой.

За окошком метель беснуется.
Это значит – весна опять
В ярком платье пойдёт по улице
Новорожденных поздравлять.

Алексей ЗВЕРЕВ

г. Москва

Родился в 1966 году в Москве. Окончил театроведческий факультет ГИТИСа. Работал завлитом в Театре на Малой Бронной, редактором на Мосфильме, в рекламе, в «Еженедельном Журнале», в Театральном Музее им. А. А. Бахрушина. Учился и работал в иконописной мастерской «Русская икона 21 век». Публиковался в журнале «Голос эпохи» (Москва). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Ржавых крыш кружева...»

Февраль

Пахнет снег водой и кровью,
Неба низкий потолок,
Вечное средневековье,
Хлябь разъезженных дорог...
Долго ль нам шагами мерить
Нашей жизни тонкий лёд.
Ни одной закрытой двери,
Всё известно наперёд.
Жизнь, любовь моя, сестрица,
– Сердцу клетка так тесна...
Ты мне вечно будешь сниться
В светлых, странных, страшных снах...

Прогулка

Мы идём с тобой след в след.
Это больше чем любовь – свет.
К этой музыке – нот нет.
Мы зелёного мира часть.
Трава, как мокрая шерсть,
Босяком иди-плести-прясть.
Незабудок голубой сон,
Умирающих цветов стон,
Грохот муравьиных войн.
В каждом дереве – сердца стук,
Мне всё кажется огненный круг
Вспять покатится на восток.
Умирает медленно день.
А у нас с тобой одна тень,
Золотая, райская тень...

Бессонница

Ночь по переулкам тёмным
Растеклась водою сонной,
Гаснут окна через двор.
Дождь-полуночник, жестянщик,
Неуёмный барабанщик
К нам на крышу сыплет сор.
Шорох сотен крыльев птичьих,
Шум дождя косноязычный,
Говор странных голосов,
Хор волшебных междометий,
Мерный гул тысячелетий
Вторит тиканью часов.
Будто каждая минута,
Богу, иль ещё кому-то.
Стоит столько, столько сил.
Ход часов, как пульс неровный –
Хватит времени, чтоб вспомнить
Лица тех, кого любил.
Не излитая в чернила
Кровь не движется по жилам.

Станет красной глиной кровь.
Пламя белое не гаснет,
Но не манит и не дразнит,
Сердце запер на засов.
Замирая от испуга,
Цугом, вниз гоня друг друга,
Капли с крыш катились вниз.
Всё окончится, конечно,
Утром пасмурным, кромешным,
Серым, как газетный лист.
Мир игрушечный, стеклянный,
Одуванчиков поляны
Не раскроют сонных глаз.
Будто жизнь мгновенье длилась,
Будто всё остановилось,
Будто всё в последний раз...

Колыбельная маленькому сыну

Светила тусклая луна,
И ночь была темна,
И было спать давно пора,
Но было не до сна.
И всё же спать пора, сынок,
Ложись на правый бок,
Тебе на дудочке своей
Сыграет ангелок,
И пусть черна ночная тень,
Пускай кричит сова,
Тебе приснится яркий день,
Зелёная листва...

Подражание Мандельштаму. Московский вальсок

Моя страшная сказка, цыганская злость,
Кинь камней-голубей в небо полную горсть,
Ржавых крыш кружева, облаков синева:
Голубица, орлица, волчица – Москва.
Третий Рим, я волчонок, я твой сосунок,
Бестолковый зверёныш у каменных ног,
Я же вскормлен был волчьим твоим молоком
На щербатом асфальте, покрытом песком.
Над кондитерской фабрикой сладкий дымок –
Это пряничный детства горит теремок,
Только кремовый кремль с леденцовой звездой
Мне сияет над чёрной московской водой.
Наша вера проста. Тень от храма Христа.
Да сведённое голодом брюхо моста.
И дрожат колокольни, роняя кресты,
Шлемом грязь из реки зачерпнув золотым.
И ломает река окровавленный лёд,
И в Заязье утка за хлебом плывёт.

Алёна ИВАНОВА

г. Озёрск, Челябинская обл.

Лингвист. Автор 2 книг стихов. Публиковалась в российских и зарубежных литературно-художественных журналах, антологиях, коллективных сборниках. Участница пяти Международных Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» (2013, 2015 – 2018). Победитель литературных конкурсов от городского до международного уровня.

Венок сказаний Южного Урала

(Венок сонетов)

1. Аркаим

Заветный край меж небылью и былью,
Славянская отчизна – Аркаим.
Он – амулет, в степи застывший свилью,
Непотопляем и неопалим.

Адепты – чуть дыша, в слепом бессилье, –
Войдя в поток энергии над ним,
Ступают, вняв кочевникам самим –
Земным иль нет, – след в след, сокрытый пылью.

Все гости в час рассветный и закатный
Возносят три желанья Благодатной,
Шаманке – плач о здравии без травм.

Огни во мгле загадочно моргают,
И камни тешат, камни помогают:
Мечты людей не чужды здесь горам.

2. Чашковское каменное городище

Мечты людей не чужды здесь горам,
Где млеет в чаше золото долины.
Как памятники сказочным зверям,
Стоят в лесу граниты-исполины.

Иль это гномы злобные? Вот срам!
Покаренные солнцем властелины.
Крушит кузнец врагов неисчислимых –
Незрячий, мстит за жёнушку вора.

Его с Голухи кликнет коль чета,
На счастье в мир вернутся доброта
И грёза – в явь сквозь камень без усилья.

Коль кто Лягушке даст свой поцелуй,
Найдёт любовь в небесной стае струй:
В парящих скалах вырастают крылья.

3. Скала Крылья дракона

В парящих скалах вырастают крылья,
Зубчатый гребень режет синеву.
Где мыли золото, мусковит где рыли,
Средь белых древ дракон склонил главу.

Природа здесь Ворота растворила,
Стеречь доверив чудо-существу.
Светла ль, темна ль – их, как по волшебству,
Окутывает аура всесилья.

Охотники к ней издавна зывали
О метком глазе, о руке из стали,
О добром знаке, о щите от ран.

И ныне в арке мощь кипит иная:
Сквозь тело, все желанья исполняя,
Струится сила, льнущая к ветрам.

4. Озеро Иткуль

Струится сила, льнущая к ветрам,
Над Иткулем, студёным и прозрачным.
На дне горят гранаты тут и там,
Всю воду крася пламенем кумачным.

Средь озера, не чадо мастерам,
Темнеет камень отщепенцем мрачным.
Сюда на ритуал – чтоб год был значным¹ –
То белый шёл, то чёрный шёл баран.

Дух Аждаха́ в пещеру под скалой
Влечёт пловцов: моргнёшь – и с глаз долой.
Вон там – бурун ли, демон ли, горбыль ли?

В своей броне чешуйчатой свинцов,
Пронзая током дерзких удалцов,
Петляет змей, мерцая пенной пылью.

5. Река Ай

Петляет змей, мерцая пенной пылью, –
Сбегаёт Ай из тесных берегов.
Леса и горы лишь дивятся пыли,
Летят с обрывов струи жемчугов.

В пещере, что колодцем землю взрыла,
Беглец увечный скрылся от врагов;
Аверкий спрятал клад и был таков.
На страже – жуть под ветошью и гнилью.

А в скалах замер миг на циферблате:
До горизонта – нива на закате,
Лучи колосья гладят по вихрам.

Оставив на утёсе дождь и ветер,
Сомнамбулой в мистическом просвете
Плутает время по иным мирам.

6. Таганай

Плутает время по иным мирам
На заповедных тропах Таганая.
Туман-лисун² крадётся, шал и дран,
В тенёта страха сердце загоняя.

К вершине по космическим морям
Флотилия стремится неземная,
И разверзает бездну тьма ночная
Огням-столбам и молниям-шарам.

По воле бабки Фени Киалимской
Дорогу щедрый гость приметит близко;
Кружить начнёт, кто жаден и упрям.

Вновь ног босых следы неподалёку...
Когда дремота стелет поволоку,
Из леса духи сходятся к кострам.

7. Аракульские Шиханы

Из леса духи сходятся к кострам.
От немощной старушки жди подвоха:
Мелькнёт копыто, вспыхнет глаз, багрян, –
Знай, с бабкою Шиханкой шутки плохи.

Аракуль – щит под стать богатырям.
Над пиками стволов горят сполохи,
А под грядой сменяются эпохи,
Заря в озёрах гаснет по утрам.

На гребне скал – огромные круги:
Там выдолблены чаши-очаги
В граните без киянки и зубила.

Твердь камня жгли сигнальные огни.
Богам и людям весть несли они:
Зовёт маяк в обитель изобилья.

8. Сугомак

Зовёт маяк в обитель изобилья,
Откуда голубь нёс масличный лист.
Здесь Ной, сойдя с аракульского шпиля,
В пещере жил, где мрамор серебрист.

Любовь слезами землю окропила –
И в озере вид гор небесно чист.
А в гроте НЛО специалист
Заметил под водой, под толщей ила.

Из подземелья или из кошмара –
Алёшенька у бабушки Тамары
Конфеты ел на печке по-людски.

И в недрах где-то ход ведёт (узнать бы!)
В демидовскую белую усадьбу...
Хранят легенду-клад особняка.

9. Улица Цвиллинга в Челябинске

Хранят легенду-клад особняка.
Дозор несёт у дома полицмейстер.
Погубленный захватчиком, таки
Он здесь, в тумане, на законном месте.

К хозяйскому жилью летят звонки –
То колбинский трамвай³ идёт из мести.
С площадок тянет холодом по приезде.
Рискните, пассажиры-смелчаки!

Фигуры потревоженных пришельцев
Из древнего некрополя у рельсов
Бредут под новый кров – колосники.

Лишь в оперном театре гаснут люстры,
Являются хрустальные балюстры⁴ –
Во тьме светлеют призраки, легки.

10. Челябинский особняк Ларинцева

Во тьме светлеют призраки, легки.
Не терпит чужаков старинный терем!
В ответе ль зверь, слуга, большевики?..
Отдать свой дом хозяин не намерен.

Он прочь унёс, минуя косяки,
Шар молнии, взъерошен и ощерен.
А люди – даже кто несуетерен –
Съезжали сами наперегонки.

Звенит посуда, гулко стонет дверь,
Шаги тревожат сумрачную серь,
Сочатся вой и шорох из подвала.

Огромный сейф пылится без ключа.
Разумно: сталь прочнее сургуча.
Влекут загадки древнего портала...

11. Мавзолей Кесене

Влекут загадки древнего портала –
Роскошной усыпальницы в степи.
Взметнулась башня цвета краснотала,
Союз любви навечно укрепив.

Дочь Тамерлана счастья попытала,
Отцовские заветы преступив.
Был краток путь сорвавшихся с цепи...
Разбил два пылких сердца лёд металла.

Живой рекою войско, сожалея,
Носило кирпичи для мавзолея,
Чтоб вымолить прощенье Кесене.

Но дева-дух с понурыми плечами
Поньне никнет лунными ночами
К теням, не упокоенным во сне.

12. Заброшенный челябинский погост

К теням, не упокоенным во сне,
Вернулась жизнь без сна и без покоя.
Дома людей и духов наравне
Слились вдруг с панорамой городской.

Дорога в предрассветной пелене
В момент лишала бодрого настроения.

Коль кто вдали сквозил, идя иль стоя,
Мурашки пробежали по спине.

Спустя полвека духи нашалились,
С погоста в тихий край переселились.
Раскинулся парк Дружбы по весне.

Вновь бродят в нём сияющие тени,
И люди подбираются из теми
К соседям, навещающим извне.

13. Южноуральский йети

К соседям, навещающим извне,
Случается, заглядывает йети.
В долине тихой⁵ вьётся в зыбуне⁶
Куделью светлой шерсть на очерете⁷.

Являет сердце-озеро⁸ в волне,
Как великан волочит руки-плети.
Мелькает клин макушки в хвойной сети,
Где лучезарна птица⁹ в вышине.

Несутся вопли, зычны и чужды.
Вминают землю грузные следы.
Есть фото самого оригинала...

А снежный человек неуловим.
Спокойно среди лесов и седловин
Народам дивным Южного Урала!

14. Гора Ирмель

Народам дивным Южного Урала
Открыл чертоги в недрах Ирмель.
Там души дремлют в каменных фиалах –
Телах жрецов от века и досель.

Дом чуди белоглазой мреет в залах –
Провидцев сладкогласных тех земель.
В горé пришельцы прячут цитадель,
Летают НЛО по их сигналам.

Энергия из пика бьёт вовне,
Течёт, лучась, по рекам при луне;
Желанья исполняются любые.

Неважно, правда это или нет.
Чарующе прекрасен (в том секрет!)
Заветный край меж небелью и былью.

15. Магистрал

Заветный край меж небелью и былью.
Мечты людей не чужды здесь горам;
В парящих скалах вырастают крылья;
Струится сила, льнущая к ветрам;

Петляет змей, мерцая пенной пылью;
Плутает время по иным мирам;
Из леса духи сходятся к кострам;
Зовёт маяк в обитель изобилья;

Хранят легенду-клад особняка;
Во тьме светлеют призраки, легки;
Влекут загадки древнего портала

К теням, не упокоенным во сне,
К соседям, навещающим извне, –
Народам дивным Южного Урала.

¹ Злачный – (устар.) плодородный.

² Лисун – леший.

³ Колбинский трамвай – трамвай, принадлежавший купцу и предпринимателю В. М. Колбину.

⁴ Балюстра – фигурный столбик в балюстраде.

⁵ Тихая долина – (перевод с башкирского языка) Сулея, посёлок.

⁶ Зыбун – болото, трясина, покрытые слоем растительности.

⁷ Очерет – камыш, тростник.

⁸ Сердце-озеро – (перевод с башкирского) Зюраткуль, озеро.

⁹ Лучезарная птица – (перевод с башкирского) Нургуш, горный хребет.

Анатолий АРЕСТОВ

г. Рубцовск, Алтайский край

Анатолий Арестов родился 19 июня 1985 года в Рубцовске. С 2003 по 2007 гг. учился на агрономическом факультете Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в журналах «Юность», «Приокские зори», «Традиции & Авангард», «Северо-Муйские огни». Автор книги стихов и эссе «В потоке поэзии».

Стихи о разном – 6

Полевая полынь

С полевой дороги пыль
ветер гнал, оставив быть.
Ветер гнал, оставив вой,
на дороге полевой.
Эх, полынь моя, полынь,
ты под ветром-то не сгинь,
ты под ветром не остынь,
желтоглазая полынь!
Не кручинься, мой родной!
Я в землеце полевой.
Я привыкла к пылевой
жизни ветреной, родной!

В замешательстве

Дождь и снег – варила кашу
из подручного зима,
проклиная долю нашу,
с неба плакала сама.
Забубнила, затрубила
в кроны лысых тополей,
и с плеча она рубила
хлестким ветром в даль полей.
Разжевала до мякины
лист прилипший на крыльце,
отмечая именины
у себя. В одном лице
человеческом улыбку
вдруг заметила она:
«Что за радость? В чём ошибку
допустила я? Без сна
всё пытаю непогодой,
промочить пытаюся их.
Он идёт, как воевода,
не боится стрел моих!
Вот шельмец!» Зима кричала
в кронах лысых тополей,
и визжала, и урчала,
мчась в спокойствие полей...

Семейное счастье

– Перестаньте! Не мучьте кота
и за хвост не тяните... Степан!!!
Расцарапает руки, тогда...
Да ты что же такой хулиган!
Быстро слез и заправил кровать!
Почему ты бесстыдник такой?
Ты не слышишь! – ругается мать.
Вдруг отец погрозил им рукой:
– Так, Иришка, иди убирай,

раскидала игрушки свои.
Я смотрю разбалованы в край...
– Приберёшься, меня позови,
я проверю! – прикрикнула мать.
А в кастрюле почмокивал борщ
– раскипелся вовсю.
– Наливать?
– Наливай! Вкуснотища-то! Мощь!

Луг

Прилягу на травы в рубаше измятой
по утренним росам. Глотая туман
с пахучим шалфеем, раздавленной мятой,
прольётся в сознание лёгкий дурман
российского луга. Его разнотравье
изнежит навеки души уголки.
Вдохну аромат, да поглубже, за здоровье!
За наше Отечество, луг и колки.
Разогнаны птицы лучами на волю
на синее небо. Встревожена гладь
далёкого жёлтого милого поля
порывами ветра – моя благодать!
Извечная радость зелёного луга,
хранимая предками с дальних времён,
обнимет, поддержит, как старого друга,
который безмерно в Россию влюблён.

Осень жизни

Потерянный ветер затих у забора
с листьями горящими тонких рябин,
растущих поодаль у мрачного бора,
где рядышком поле – посеян люпин
крестьянином утром весенним задорным,
прошли быстротечно и летние дни...
И всё в нашей жизни окажется вздорным,
и вся наша жизнь, как листья-огни...

Божья воля

Бурьян степной скрывал коня
от глаз врагов, уставший всадник
смотрел на степь в закате дня,
увидел степь последний ратник!
Из битвы выжил он один
каким-то чудом, видно Богом
меж ним и смертью вбитый клин
молитвой «Отче наш» залогом
предстал за душу – жив боец
и видит степь в невинных травах.
... Твоё есть Царствие, Отец!
Твоя же воля – воля правых.

Руди ГОМЕС РИВАС

г. Агуакатан, Гватемала

Руди Альфонсо Гомес Ривас (Агуакатан, Уэуэтенанго, Гватемала. 2 июля 1977 г.р.) – педагог, писатель, редактор, культурный менеджер. Специальный приз за самый короткий театральный монолог на Международном конкурсе микровымысла «Гарсón Сэспедес» (Мадрид, 2008). Первое место за книгу «Бумажные птицы» в Международном конкурсе поэзии «Премия Марии Евгении Вас Феррейра» (Монтевидео, 2008), второе место в Первом международном литературном конкурсе «Одинокая звезда» (Хьюстон, 2020). Публиковался во многих стихотворных сборниках и в прозаическом сборнике «Липшённые наследства жильцы». Директор литературного журнала «Конвергентные голоса» и издательства «Кофеин». Основатель и организатор Международного поэтического фестиваля в Агуакатане. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Неуловимые следы дыма...»

(Перевёл с испанского Игорь Елисеев, Ростов-на-Дону)

Море и темнота часов

Чайки бродят по пляжу
в поисках детского света песка.

Песок хранит в памяти песни сирен.

Сирены, своенравные невесты
путешествуют в своей сущности крылатых рыб
по другим морям.

Морям, хранящим свет, песни, память,
с которой я ежедневно возвращаюсь
в темноту часов.

Зеркала

Ирма Грезе и Иоганна Борман
добираются до пляжей Балтийского моря
держась за руки,
между их пальцами можно услышать страх

3 часа 40 минут
и часы истекают кровью,
солнце извлекает соль из их слёз

Волны разбиваются о скалы
превращаясь в девичий смех

3 часа 39 минут
я увидел себя перед зеркалом,
я улыбаюсь.

На берегу моря

Я пришёл из дальних стран
неся на плечах
туманности, которые нарушают
нежелание и забывчивость шипов и гноя.

Я иду на звук горизонта
заглушая басни
которые подготавливают обнажённые
рассветы.

Во мне зеркала инея
разрушают прогулку
которая была подвешена
на жёлтых окнах.

Ладан – это далёкий аромат
где гнездится детский голос
инжира и сломанных птиц.

На берегу моря:
мечта
улыбка
трудолюбивые руки
губы, которые приглашают к безумию
песня Серрат
девушка расправляет крылья в страхе
чи-то глаза выдумывают другую страну.

Дверь, ежевика мечты

Сын,
двери создают диалог между жизнью и смертью.

Засов на двери – это глаз,
который смотрит на нас со смехом.

Ангельские петли с алюминиевой кромкой
приговаривают к ежедневным поражениям.

Ключи спасают нас от кнута улиц.

Старуха ходит по тротуарам
из её рук вылетают бабочки, пахнущие морем.

Ребёнок ловит ветер
из своих лохмотьев он делает гитары.

Двери – это горизонтальные пропасти
где время томится
и обезболивает себя ежевика мечты.

Неуловимые следы дыма, который нас видит

В глазах
оазис георгинов и куколок.

В сердце бесконечные реки
копия дантовских лабиринтов.

В руках эта сытость
корней,
крабов,
рифов из дыма.

В движении есть неуловимые следы
ножей и отражений.

В пальцах моря есть тяжесть веков.

В море есть зеркало волн,
истребляющих песню богов.

В гостях у Журнала.....**Белгородское молодёжное литературное объединение «Младость»**

Белгородское молодёжное литературное объединение «Младость» создано 5 января 1997 года при содействии администрации г. Белгород, централизованной библиотечной системы города и Белгородского регионального отделения Союза писателей России. С 2007 года литературная студия «Младость» стала неотъемлемой частью Пушкинской библиотеки-музея.

Четверть века её бессменным руководителем является Людмила Брагина – член Союза писателей России, поэт, прозаик, педагог.

Пушкинская тональность, заданная уже в названии студии, прослеживается и получает развитие в идее, целях и построении работы. Программа работы студии нацелена на деятельную помощь молодым авторам в литературном обучении, встраивании в культурную среду, а также популяризацию произведений белгородских писателей среди молодёжи.

С момента образования деятельность студии «Младость» неразрывно связана с культурной жизнью региона – при её активном содействии, подготовке и организации, молодые авторы являются неизменными участниками традиционных Дней литературы на Белгородчине, Дней поэзии, Дней книги для молодёжи и Детской книги.

Произведения молодых писателей белгородцев отмечены дипломами и премиями на международных, всероссийских, региональных литературных конкурсах и форумах. Члены Белгородского литературного объединения «Младость» неоднократно становились лауреатами премии «Молодость Белгородчины» в области литературы. Руководитель студии и её участники активно сотрудничают с региональными СМИ.

Созданы группы литературной студии «Младость» и «Литературный Белгород»:

[HTTPS://VK.COM/MLADOSTCLUB](https://vk.com/mladostclub) и [HTTPS://VK.COM/LITBELGOROD](https://vk.com/litbelgorod), где максимально полно освещается деятельность студии. Также осуществляются регулярные публикации в группах Пушкинской библиотеки-музея.

За 25 лет активной творческой деятельности Белгородского молодёжного объединения подготовлены к изданию и вышли в свет более десятка авторских книг студийцев.

В настоящее время издан уникальный коллективный сборник «Серебряный браслет», посвящённый 25-летию студии, в котором отражена жизнь целого поколения.

Проект литстудии «Создание молодёжной творческой площадки Лит Studio» получил поддержку Фонда Президентских грантов. В рамках его реализации записано 12 видео мастер-классов с участием Л. Брагиной и членов литстудии «Младость». Для молодых талантливых литераторов Белгородского региона проведён конкурс «Проба пера», по итогам которого произведения авторов-победителей включены во второй коллективный сборник «Грани самоцветов».

С 2021 года начал регулярно выходить литературно-публицистический журнал «Дрон», нацеленный на общероссийский охват, редакторы – Людмила Брагина и Олег Роменко.

Весь предыдущий юбилейный 2022 год был посвящён популяризации успешных методов работы нашего творческого коллектива и продвижению лучших образцов современной литературы. В различных аудиториях проходили поэтические марафоны, выставки книг, филологические семинары, конференции и круглые столы, авторские вечера и литературные праздники.

Постоянный приток молодёжи, непрерывная цепь ярких событий свидетельствуют о здоровом, правильно организованном творческом процессе, огромном интеллектуальном потенциале молодых белгородцев, реализовать который есть и силы, и опыт, и любовь к избранному пути.

Олег Роменко, редактор литературно-публицистического журнала «Дрон»

Стихи.....**Людмила БРАГИНА**

Брагина Людмила Петровна родилась в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г.) молодёжной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Стихи и проза публиковались в коллективных сборниках «Серебряный браслет», «Грани самоцветов» и других, а также в журналах «Дрон», «Звонница», «Наш современник», «Нижегород», «Парус», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции и Авангард», «День и Ночь», «Истоки», «Литкультпривет!» и др.. Автор книг стихов «Чистый звук» (1993), «Дождь снов» (1995), «Белый налив» (1997), сборника песен «Защити меня, любовь» (композитор А. Балбеков, 2001), «Найди меня, ветер!» (2004). Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России, Союза писателей России.

Благодарение

Благодарю тебя, Господь,
Что между нами нет преграды,
За то, что я не жду награды,
Когда смиряю дух и плоть.

Спасибо за спокойный сон –
Дневных трудов венец счастливый,

И за укор твой молчаливый,
За слабостей минутных сонм.

Прости, что не всегда прилежно
Я постигала хлеб и воду,
Как дар и высшую свободу
Души – быть праведной и грешной.

Иней

На ветвях иголки.
Все деревья – ёлочки.

Я не женщина,
Я – Муза,
Чьи-то слёзы,
Чей-то смех.
Для себя самой обуза,
Тяжелейшая из всех.

На плечи дня ложится синий сумрак.
В нём звон сверчка и сонный шелест трав.
Он проникает в каждый закоулок,
В прохладных снах блуждает до утра.

Ночной туман таинственной природы
Скрывает всё, что днём имело цвет.
И будит звук живительные воды,
Бурлящие в земле *миллионы* лет.

Кто говорит, что утро мудренее,
Быть может, прав, но верить не спеши.
Послушай ночь, и ты поймёшь скорее
Сокрытые движения души.

О.Р.

Разве думалось, что я
На раздолье лет цветущих
Буду, ревность затая,
Выбирать среди идущих:
Кто из них судьба моя?

Разве мало в жизни мне
Пылких, щедрых, простодушных,
Чтоб дрожать наедине
Пред мальчишкой непослушным,
Но воспитанным вполне?

Слёзы скрыл беспечный смех.
Мне сердиться бесполезно.
Знает это лучше всех
Мальчик с выдержкой железной
И с душою льдисто-снежной...

Но весной растает снег...

Напоследок, как прощаться,
Нам с тобою, мой любимый,
Брошу в чай тебе я травку,
Лучик, солнышком гонимый,

Чтобы не был ты счастливым
Рядом с женщиной другою
И в минуты поцелуев
Сердце наполнилось тоскою...

Не пугайся шутке, милый!
Буду жить я, не скучая.

Ты свободен, как и раньше.
Но... не пей ты всё же чая!

Весенние кочуют облака,
Изменчивые в вечном постоянстве,
Подвластные капризам ветерка,
Бездомные в своём родном пространстве.

В природе есть особая пора,
Когда замрёт движение снегопадов,
И в небесах до самого утра
Горит звезда холодным, чистым взглядом.

И облака скитаются по свету
Бесплодной и бесцельной чередой,
Ненужные зиме, чужие лету,
Им не пролиться влагой молодою.

Так сердце, позабытое тобой,
С весенним облаком живёт одной судьбой.

Алесе

И что за слово-то «любовь»?
Понапридумывают люди...
Рифмуется со словом «кровь»,
Смешала в вихре столько судеб.

Не стоит слово ни гроша.
Но помню, как, прикрыв ресницы,
Шептала мужу, чуть дыша:
«Мне дочка светленькая снится...».

И вот она, роднее нет! –
Как солнышко! – Сбылись мечтанья!
Мне осветила целый свет
И освятила все страданья.

И новый смысл, и новый взлёт!
Мы вместе плачем и смеёмся.
Друг другу днями напролёт
В любви счастливой признаёмся.

Алесе

Вариации на тему «Кошкин дом»

Ах, какие весёлые кошки
На рояле играли, пели!
Мы кормили их сыром с ладошки
И забрать всех домой хотели.

Ах, какие беспечные кошки,
Не заметили, как повзрослели.
В нереально далёком прошлом
Наши детские книжки сгорели.

Ах, какие печальные кошки.
В сердце нет живого места.
Провожая тебя, на дорожку
Сиротливо сидят у подъезда.

Галина СТРУЧАЛИНА

Стручалина Галина Валерьевна. Родилась в Севастополе. Преподаватель китайского и русского языков в НИУ «БелГУ». Публиковалась в журналах, сборниках и альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова и др. городов России. Лауреат конкурса исторической поэзии «Словенское поле».

Снега и сны в избытке шлёт зима.
Качает головой сосна седая,
Крик ворона, безмолвье разбивая,
На плечи падает с ближайшего холма.

И стонут камни. Холод и ветра
Их песни заунывной подпевают.
И мелкий иней, облако пронзая,
Мостит к луне свой путь из серебра.

Сухой травы огню предать не жаль.
Смеркается. Печалится. Сгорает.
Скрипит крыльцо. И вот уже рука
Над пламенем тревожно замирает.
И жар огня её не обжигает,
И неизвестность, как летящий снег – легка.

У озера Светлояр

Какие краски здесь слышны!
Как будто райское горенье
У синей: от лазурной тени
До золотой голубизны.

В ней слышится рублёвский звон.
От голубца небес над Яром
Он льётся щедрым божьим даром
Взамен утраченных икон.

Прибрежье летом – малахит.
Осенний лист как воск топлёный,
А белый наст зимой студёной
Левкасом девственным лежит...

И отражают облака
Молчанье дивное меж нами –
Там, где под синими волнами
Вода, как тайна, глубока...

Отряд мам

Жительницам приграничья

Морок туманный спадает,
Хлюпает в лужах дождём.
Женщины плитку включают,
Лёгким щелчком разрешают
Дню наступить за окном.

Ловко снимает с картошки
Жёлтую шкурку одна:
Варится борщ для Серёжки.
Ромки, Никиты, Алёшки.
Не подведи, старшина!

Нет из-за ленточки долго
Вести от этих ребят.
Кто с Енисея, кто – с Волги.
Мины, снаряды, осколки...
Где вы, Иван и Ринат?

Над деревенькою сонной
Стала белёсой луна.

Здесь их хранят телефоны.
С полочки смотрят иконы.
Всех приведи, старшина!

Жарит котлеты другая,
Третья готовит салат.
Мама, хотя не родная.
Каждая женщина знает:
Мама она для солдат.

Сыр, колбаса, разносолы, –
Прост и привычен здесь стол.
Дом – после ночи тяжёлой,
Дом – чтобы воин весёлый
И – человеческий ушёл.

Не на зарплате казённой
Их придорожный приют.
Женщины, мамы и жёны
Держат рубеж обороны –
Место, где любят и ждут.

А всякий город – камертон
Твоей души. Твоё зеркало.
Твой берег и твои причалы.
И полдень, утро, вечер, сон

Подчинены его дрожанью.
Настрой себя на этот звук –
Вздохнут дворы и стены вдруг,
И площади придут в звучанье.

Неровный бит и плавный вальс,
И кружева протяжных песен –
Ах, всякий город звукам тесен
И тянет в слушатели нас!..

То уличный, прогорклый джаз
Покажется из подворотен,
Простужен, грустен, старомоден,
Где клавиши, труба и бас,

Как будто лебедь, рак и щука,
Все, вроде, разом, только врозь,
И вот бы – вырвись, вот бы – брось,
Но нет: не могут друг без друга.

То полковой оркестр взгремнёт,
То кабачок поманит скрипкой,
То голос тонкий, голос зыбкий
Вдруг «Свете тихий» запоёт...

Всё – отражение души,
Всё – отголосок, подголосок.
Ты кирпича, камней и досок
Услышать песню поспеши.

Когда по нраву – подпевай,
Когда постыло – попрощайся,
И лишь в себе не замыкайся,
И музыки не обрывай...

Галина ЦЫБАНЬ

Цыбань Галина Васильевна. Родилась в городе Белгород, окончила институт ВЗФЭИ по профессии экономист, публиковалась в областных СМИ и коллективных поэтических сборниках «Серебряный браслет», «Грани самоцветов».

Все мы смертны...
Дождливо шепчет
Шелестящей осени жар.
Все мы жесты...

Ритуальных шествий,
Неизбежных, как злой кошмар.
Все мы ветры...
Простудно веет

Посреди мировой зимы.
Все мы жертвы...
И все стареем.
Но зачем обязательно мы?

Холодный вечер. Пустота.
И ничего нет лишнего.
И ощущение: жизнь не та
Идёт в разряды личного.

Мне некому сказать «прости»
Сквозь ком, застрявший в горле.
И незачем себя вести
От отклонений к норме.

И все слова, и все дела
Куда-то подевались.
И жизнь отчаянно мала,
Когда её не знаешь.

Настольная лампа

Живущая невесело,
Есть лампа у меня.
Головушку повесила,
Что ива у плетня.

Она живёт и тужит,
Но на исходе дня
Она мне верно служит,
Печаль свою храня.

На сморщенную шею
Ей бантик повяжу.
Я так её жалею,
Что слов не нахожу.

Она всё понимает,
В глаза мне не глядит.
О чём грустит – не знаю,
Не хочет говорить.

Я медленная,
Только не угроза,
Не дождь, начавшийся с утра,

И не улитка, от мороза
Ползущая в тепло двора.

Я постепенная,
И только.
Но вряд ли это докажу.
Как апельсин, делюсь на дольки –
И ухожу.

Я стала совсем другой
Без шуток скажу и вымысла.
Клянусь, что второй такой
Весны бы уже не вынесла.

Мне всё же не двадцать лет,
Влюбляться в первого встречного...
В любви оправданий нет,
И объяснять тут нечего.

Не верила я, что во лжи
Быть может простая истина...
«Ты любишь меня, скажи?»
А я апельсины чистила.

Дождь моего детства

Нежное небо забрызгано солнцем,
Лает дворняга за хилым заборцем,
Слизаны капли на шёрстке у кошки,
Мокрый петух пьёт водичку из плошки.

Дождь отошёл... Я бегу на крылечко
В рыжую грязь на тропинку беспечно.
Чавкают хлипко отметины буден.
В детстве мы есть и потом, значит, будем.

Люблю смотреть, как сигарета тлеет
В чужих руках.
Как день осенний за окном сереет,
Снег на плечах.

Люблю смотреть на спящих, быть уставшей
И отдыхать.
На кухне слушать чайник закипевший,
Люблю молчать.

Люблю, когда совсем одна я в доме,
И не одна.
Каштан за окнами зелёный,
Бокал вина.

Люблю зимой мечтать о лете,
Люблю вокзал.
Но кто-то до меня так жил на свете.
И всё сказал.

Проза.....

Илья ЧЕШОКОВ

Родился в г. Чимкент (Казахстан). Участник команды КВН института, а позже и сборной КВН города. В 2000 году с семьёй переехал в Белгород. Печатался в газетах «Наш Белгород», «Белгородские известия» и «Белгородская правда», журналах «Дрон», «Звонница», коллективных сборниках «Серебряный браслет», «Грани самоцветов», а также в столичной периодике. Работает преподавателем в Белгородском педагогическом колледже.

Полспички

Рассказ

Случилось это в апреле 1992 года. После распада Советского Союза в моём родном Чимкенте только и разговоров было о том, как теперь будет жить и развиваться Казахстан. Разорванные производственные и торговые отношения между республиками и городами сразу сказались на поставках сырья, материалов и потребительских товаров. Товарный голод надвигался быстро и беспощадно обрушивался на людей. В ходу были ещё советские рубли и копейки. Национальную валюту (тенге) начнут печатать только через год: и не в Казахстане, а в Великобритании и Германии.

Я учился на четвёртом курсе педагогического института. Что будет дальше после учёбы, я не имел никакого представления. С работой было непросто. Мой папа работал, как и раньше, слесарем на фабрике, а мама продавцом в хлебном отделе продуктового магазина «Колос», который находился на проспекте имени Ленина. Магазин располагался на первом этаже пятиэтажного жилого дома и пользовался огромной популярностью среди жильцов соседних многоэтажек. Товарооборот в хорошие времена был в магазине огромен. Но наступили девяностые, и всё изменилось. Об одном из случаев того времени я и хочу рассказать.

Я только вернулся из института и начал разуваться, как вдруг зазвонил телефон. В трубке зазвучал тревожный голос мамы:

– Сынок, приезжай быстрее в магазин! Здесь такое творится! А папа пришёл с работы?

Ничего толком не поняв, я ответил:

– Папа ещё не пришёл. А что случилось?

– Не спрашивай. Напиши записку папе, чтобы он срочно, не переодеваясь, ехал ко мне на работу.

– Хорошо, мама, не волнуйся. Выезжаю.

Быстро обувшись, я моментально выбежал из квартиры. Записку написать я забыл. Встревоженный, не заметил, как промчался через весь город двумя транспортами. И вот, выскочив из троллейбуса, я направился к магазину к той стороне, где был служебный вход. Мама работала здесь много лет, и поэтому я знал все ходы и выходы.

Магазин имел три входа, и у той двери, что вела в хлебный отдел, стояла толпа, хаотично раскачивающаяся из стороны в сторону. Из толпы вылетали крики и ругательства. Над людьми грозовой тучей повисла гнетущая тревожность. Я обошёл толпу и стремительно вбежал на террасу со стороны служебного входа, где обычно грузчик принимал тележки с хлебом. Зашёл внутрь, промчался мимо раздевалки, склада и очутился в торговом зале, где находились хлебные полки.

То, что я увидел, поразило меня как молния. Весь торговый зал был набит людьми, толкающимися, орущими и хватающими хлеб. Были, конечно, и раньше большие очереди, но вот такого я ещё не видел. Передо мной оказалась стена спин и затылков,двигающихся в разных направлениях. В нос ударил запах свежего хлеба и чего-то кислого и пропотевшего.

– Мама, я здесь. Где ты? – закричал я поверх голов, в сторону двери.

– Сынок, я за кассой! Двигайся ко мне.

И я стал двигаться. Протискиваться сквозь плотно прижатых друг к другу людей было непросто. Приходилось искать удобный момент и проныривать, продвигаясь вперёд. Мне это быстро надоело, и я прокричал:

– Дорогу! Дорогу! Свежая краска!

Люди на какое-то мгновение замерли, осматриваясь вокруг. Я воспользовался этим замешательством и пробрался к кассе.

Запыхавшись, я выкрикнул:

– Что делать надо?

– Держи кассу! Они двигают её. И не позволяй, чтобы уходили, не оплатив за хлеб. Помогай, без тебя никак!

Раскинув руки и сдвинув угрожающе брови, я встал в проходе между кассой и стеной, за которой находился соседний отдел.

Кассы в то время стояли в магазинах ещё старой модели. Это были огромные и тяжёлые счётные агрегаты, похожие на печатные машинки, с большими клавишами, на которых были выдавлены цифры и буквы. Внизу этого аппарата находился выдвижной отдел для денег, а справа, сбоку, имелась ручка для движения кассовой ленты. Кассы устанавливались на тумбочках, которые крепились к столам. Продавцы-кассиры сидели на высоких стульях, принимали деньги и пробивали чеки. Вот на таком возвышении и находилась моя мама. Она тогда была старшим продавцом хлебного отдела и отвечала за весь процесс торговли – от получения товара до сдачи выручки.

Имея высокий рост, мне несложно было наблюдать за движениями покупателей. Первые мои слова, обращённые к покупателям, были ещё сдержаны и даже интеллигентны:

– Товарищи, соблюдайте очередь! Не спешите! Всем хлеба хватит! Скоро привезут новую партию.

Произнося «новую партию», я, студент исторического факультета педагогического института, представлял себе совсем иное. Ма реальная ситуация говорила сама за себя, и я, отбросив всяческие размышления, настроился на серьёзную работу.

Народ наседал, и, как бы я ни старался регулировать движение входящих в отдел и выходящих из него, постепенно сдвигался то к стене, то к кассе. Посмотрев в сторону мамы, я увидел её, раскрасневшуюся и немного растерянную. Очень быстро она принимала деньги, отсчитывала сдачу, отрывала чеки и что-то ещё успевала говорить покупателям. А в воздухе стоял гул, похожий на грохот перекатывающихся камней горной реки.

– Мама, – крикнул я, – где Вася, рабочий? Почему он не помогает? Где он сейчас?

– Я не знаю, – долетели до меня её слова, утопая в разноязыком многоголосье, – наверное, в соседнем отделе.

Соседним отделом был винно-водочный. Мне стало душно. Я расстегнул пиджак, приподнялся на цыпочки и, приложив ладони ко рту, изо всех сил крикнул:

– Вася! Василий!

Из толпы вынырнули одновременно три мужские головы с взъерошенными волосами и приоткрытыми ртами. Они одновременно крикнули мне в ответ:

– Не¹? Что? Не болды²?

Может быть, это и были Васи, но не те. Я со злостью махнул в их сторону рукой. Головы скрылись. Сжав кулаки и сверкая глазами, я крикнул в толпу:

– А ну прекратить орать! Выстраиваемся в очередь! Встали по одному! Заранее готовим деньги, и без сдачи! Не отвлекайте продавца!

Во мне забурился сплав из ненависти и уверенности в своей правоте. И это позволяло мне держаться на ногах. Я поймал благодарный взгляд мамы, и мне стало немного легче.

Вдруг я почувствовал чью-то руку на своём плече и тут же обернулся. За мной стоял, покачиваясь, Вася. Это был мужчина лет сорока пяти, трудноопределимой национальности, в помятом комбинезоне бутылочного цвета. Седящая и одновременно лысеющая голова его была покрыта замусоленной кепкой неопределённой формы. Из его редкозубого рта изрыгались какие-то нечленораздельные звуки вперемежку с отравляющим всё живое дыханием.

– Ты пьян, что ли? – крикнул я ему в лицо.

– Нет, – ответил он, отшатнувшись от меня и ударившись затылком об угол стены. – А что, собственно, случилось? Я был в соседнем отделе, помогал разли... расставлять бутылки. Коллеги настоятельно попросили.

Я понял, что Вася ничем сейчас нам не поможет, отвернулся от него и продолжил сдерживать людей у кассы. Касса двигалась, как живая, словно было землетрясение в отдельно взятом магазине. Было уже половина шестого. Люди возвращались с работы и сразу шли в магазин. В это время уже начались перебои поставок хлеба. Другие продукты тоже стали постепенно пропадать с прилавков. Почувствовав на себе эти перебои, люди начали нервничать. Паника росла. И результат этой паники я видел сейчас собственными глазами. Мне в одиночку справиться с этой ситуацией было невозможно.

Люди, боясь остаться без хлеба, превращались в неуправляемую толпу, забыв культуру, вежливость и элементарный порядок. Они хватали булки, поднимали их над головой, чтобы не помять, и двигались к кассе. В их глазах читалось желание побыстрее выйти из магазина, но мимо кассы сложно было пройти незамеченным. В отдел заходили новые покупатели, брали хлеб, а выйти уже не могли, застревая в массе ожидающих своей очереди. Вот я и занялся тем, что пытался контролировать поток людей на входе, следил, чтобы никто не уходил, не уплатив за товар.

Я повернул голову к кассе и крикнул:

– Мама, а где твоя помощница Нурия?

– Она сейчас должна прийти на смену. Ждём машину с товаром. Она будет принимать хлеб. Привезут триста серого хлеба и двести батонов белого.

Покупатели с тревогой осматривали торговый зал, жадными глазами прощупывая хлебные полки снизу доверху и наоборот. Но, услышав о скором привозе хлеба, немного успокоились и начали выстраиваться в очередь. Мимо окон магазина проехала будка «НАН»³ и остановилась у заднего входа магазина. Одновременно с этим из приёмочного отдела выглянуло заспанное лицо Нурии. Продащице было на вид около тридцати. В её располневшей фигуре виделось безмятежное спокойствие и равнодушие к происходящему.

Протерев глаза и прикрыв ладонью рот, она сонным голосом визгливо выпалила:

– Лидия Дмитриевна! Хлеб привезли! Принимать?

– Принимай, пересчитай внимательно, прими документы и распишись, – крикнула в ответ мама, не отрываясь от работы.

Я, уже немного успокоившись, скомандовал:

– Товарищи, привезли свежий хлеб! Подождите немного. Сейчас продавец принимает товар. Всем хлеба хватит.

Мне срочно нужно было найти Василия, и я отправился к соседнему отделу. Заметив моё появление, он наклонил голову и хотел было уже скрыться в дверях.

– Василий, туру⁴! – требовательным голосом скомандовал я.

Он резко развернулся, подошёл ко мне вплотную и, вытирая пальцами уголки губ, проскрипел:

- Да знаю я, знаю, что машина приехала. Сейчас вот только товарищам руку пожму...
- Василий! – я грозно придвинулся к нему и схватил его за рукав.
- Всё, иду, иду...

Приёмка хлеба началась энергично, но продолжалась она совсем недолго. Уже через несколько минут из приёмочного отдела высунулась голова Васи и, обращаясь к маме, прокричала:

– Командир, товар приняли! Сто штук хлеба и сто штук белого батона. Накладные на столе. Водила уехал в другой магазин. Когда будет новый завоз, не знает.

Услышав это, мама, чуть не плача, пригрозила ему кулаком. Хотя, чему это могло помочь? Вася, конечно, видя такую напряжённую ситуацию, мог бы подойти и тихо ей это сказать, чтобы не поднимать волну тревоги. Но, находясь в приподнятом настроении, ему хотелось покуражиться и быстрее вернуться к собутыльникам. Нурия же начала неспешно раскладывать булки по полкам и поправлять ценники. Люди, не выдерживая её медлительности, стали выхватывать батоны, просунув руки сквозь полки, прямо из её рук.

Услышав о недопоставке хлеба, толпа с новой силой взорвалась: «Нан жок^{б!}!» «Хлеба не хватит!», «Нас обманули!», «Припрятали хлеб себе!», «Будем жаловаться!», «Чёрствый привезли!». Я понял: всё, что было до этого, – только цветочки. В воздухе над головами летали искорки хаоса. Ко мне присоединился Василий, почему-то быстро отрезвевший. Я поставил его в проходе, а сам направился к кассе на помощь маме. Пробираясь сквозь людей, я услышал за спиной голос отца:

- Сынок! Куда мне идти? Я ничего не вижу.
 - Папа, иди к проходу, к Васе. Держите оборону!
- Отец устал после смены. Но, натянув на брови потёртую кожаную фуражку, он рванул в толпу:
- А ну, посторонись! Зашибу!

Обладая сильным голосом, он мог перекричать кого угодно. А под хорошее настроение его крик превращался в пение. У него был сильный тенор. Папа много лет выступал в фабричной художественной самодеятельности, был запевалой мужского хора из сорока человек вместе с другим вокалистом по фамилии Соловей. Понимая, что его слова тонут камнями в бурлящем море звуковой какофонии, он мгновенно перешёл на пятиэтажный нестандартный лексикон как на русском, так и на казахском языках. Услышав до боли знакомые выражения, народ немного поостыл, всматриваясь в небритого мужчину, рвущегося в проход. Папа, доплыв до Василия, вцепился в него, как в родного. И они, схватив друг друга за руки, образовали живую цепь, качающуюся в волнах человеческой нервозности. Я увидел эту картину и, желая приободрить отца, крикнул ему:

- Так держать, Владимир Ильич!

Папа успел мне кивнуть, не выпуская рук грузчика Василия, как вдруг из центра толпы раздался чей-то визгливый крик: «Бабке плохо!».

Я приподнялся и разглядел, как в центре зала образовалась воронка из десятка согнувшихся спин. Люди сочувственно зацокали языками, выкрикивая советы, как спасти старушку. Её подхватили под руки, оттащили к окну и прислонили спиной к батарее. Когда ей стало лучше, она прижала к груди свежий хлеб, откусила кусочек и, озираясь по сторонам и шмыгая носом, начала энергично шамкать. Пока всё внимание было приковано к спасению старушки, подросток лет пятнадцати неожиданно оказался около кассы. Это был невысокий паренёк с растрёпанными волосами и в распахнутой рубашке. В его узких азиатских глазах вспыхивал огонёк азарта и голод. Он прикрыл батон рубашкой и, стараясь незаметно продвигаться мимо кассы, вдруг резко рванулся и устремился к выходу. Я успел это заметить и крикнул отцу:

- Папа, держи пацана!

Отец быстро среагировал и выставил ногу вперёд. Но воришка видать ожидал этого и перепрыгнул через неё. И тут же он на мгновение оглянулся назад, чтобы показать отцу язык. А зря он это сделал. Парень не успел заметить, как из соседнего винно-водочного отдела выехала тележка, доверху гружённая ящиками с водкой. Беглец на полной скорости наскочил на тележку, перелетел через неё и грохнулся на бетонный пол. Батон вылетел из его руки, пролетел мимо мясо-молочного и галантерейного отделов и влетел прямо в зевающую пасть случайно забежавшей собаки. Пёс, не растерявшись, мотнул головой и выбежал из магазина, пугая прохожих, но радуя ожидавших его четвероногих друзей. Несколько бутылок водки «Пшеничная» вдребезги разлетелось по сторонам длинного коридора магазина. Такой дезинфекции помещения в этом магазине ещё никогда не было! На мгновение все покупатели превратились в зрителей. Я воспользовался этими секундами тишины и спокойно проговорил:

- Товарищи, соблюдайте порядок! Не проходите мимо кассы, не оплатив товар!

По мере того как постепенно заканчивался хлеб на полках, у мамы в кассе заканчивалась мелочь. Окидывая взглядом весь торговый зал, она, приподнявшись со стула, обратилась ко всем покупателям:

– Товарищи! Мелочи для сдачи нет. Готовьте, пожалуйста, деньги под расчёт. Соблюдайте порядок и тишину.

Люди тут же углубились в свои карманы, кошельки и сумочки. Раскрылись ладони, и насупились брови. Люди начали считать и пересчитывать. Кто-то радостно уже зажимал в руке подготовленную сумму, а кто-то растерянно шарил, где только возможно, в надежде найти недостающую копейку. В очереди было много жильцов этой пятиэтажки, где находился магазин. Люди, живущие по соседству на одной площадке много лет, наконец-то встретились. Послышались вежливые слова, и засверкали улыбки. Они перезанимали друг у друга мелочь, обещая сегодня же вечером отдать долг. Но некоторые были в полной растерянности и в таком состоянии их толпа подносила к кассе.

У кассы, обняв два батона правой рукой, оказалась женщина мощного телосложения. На голове у неё красовалась высокая причёска, из которой торчали заколки. Вытаращив глаза на продавца, она протянула мятую купюру вперёд и пробасила:

– Вот мои деньги за товар. Дайте мне сдачу копейка в копейку.

– А помельче у вас нет?

– Нет! – язвительно выдавила женщина, – вы должны иметь мелочь для сдачи, чтобы рассчитаться с покупателем!

– Мелочи было много, но вы ведь видите, что происходит. Люди дают только крупные деньги, и вся мелочь закончилась. Могу вместо мелочи дать, например, спички из расчёта, что коробка спичек – это рубль. Возьмёте сдачу спичками?

Поддавливаемая толпой то справа, то слева, женщина была похожа на пароход, качающийся на волнах у причала. Люди, окружившие её со всех сторон, стали возмущаться:

– Да отдайте же вы ей эту сдачу! Что она очередь задерживает! Хоть спичками, хоть птичками, хоть чем!

Продавец, почувствовав, что волнение опять нарастает, крикнула в толпу:

– Кто готов сдачу взять спичками вместо денег, встаньте к кассе, а те, кто хочет получить сдачу деньгами, отойдите в сторону и ждите, когда мелочь появится.

– Почему я должна ждать, – протрубила женщина-пароход, – я и так проторчала в вашей очереди полчаса! Вы обязаны обслужить меня, как полагается. Я буду жаловаться!

На пароход с боков наседали мелкие судёнышки, выдавливая его в сторону. К кассе потянулись руки с честно заработанными, то сложенными вчетверо, то свёрнутыми в трубочку, а то и просто смятыми деньгами.

Сверив запасы спичек, лежащие у неё под столом, мама обратилась ко всем:

– Товарищи, учитывая сложившееся положение, буду выдавать вместо двух копеек одну спичку, а вместо рубля одну коробку спичек. Иначе не получается!

В эти дни в торговле были перебои почти на всё. И на спички тоже. Проблемы были уже и с зубной пастой, и с туалетной бумагой. Всего и не перечислишь. Покупатели осознали и то, что другого выхода нет, и то, что продавец как-то всё-таки пытается решить проблему.

Мама кивнула мне головой, указывая под стол. Я понял, что там лежали коробки спичек. Подошёл, достал коробки и начал подавать их ей в раскрытом виде.

Теперь всё перемешалось: и бумажные деньги, и монеты, и коробки, и вынутые спички, и чеки. Всё это летало, мелькало, шелестело, стучалось, щёлкало. Кассовый аппарат, словно живое существо, гудел и скрежетал. Клавиши, как зубы, лязгали, пожирая в своей утробе деньги. Чековая лента безостановочно вылетала из узенькой щели, издавая стрекочущие звуки. А мама, как укротительница, нависала над кассовым аппаратом, тыкала в него пальцами, требуя подчинения. Мне показалось, что она разговаривала с ним, нежно похлопывая по корпусу. А я был похож на солдата, подающего из окопа снаряды наверх.

Людской поток ускорил движение. Люди хватили спички, кидая их в ту же сумку, куда и хлеб. С видом победителей они выползли из объятий толпы и устремлялись к выходу. Я, папа и Василий могли немного отдохнуть. Но всё же в этой суматохе недовольные голоса продолжали нарастать: «Обманули! Обсчитали! Недодали!».

Отдохнув у подоконника и набравшись сил, старушка постепенно продвинулась к кассе. Продолжая жевать корочку, она внимательно пересчитала сдачу. Зажав в сухощавой ладошке монеты и подняв небесной голубизны глаза, старушка плачущим голосом произнесла:

– Что же ты, дочка, меня обманываешь! Я всё просчитала. Ты мне должна вернуть три копейки, а даёшь только одну спичку. А где ещё одна?

– Бабушка, – ответила мама, – возьмите ещё одну спичку и не задерживайте людей.

– Нет уж, дорогая моя. Мне чужого не надо! Я за правду стою, за честность! Ломай спичку пополам и отдай мне половину!

– А зачем вам половина спички? – улыбаясь, спросила мама.

– Из принципа, доченька! Из принципа! Ломай, говорю, и дело с концом.

Люди, стоящие рядом, подняли гул, который можно было принять, как одобрение честности и принципиальности бабушки.

За старушкой горой возвышался мужчина. Он был одет в чёрный костюм и белую рубашку, на которой красовался галстук в горошек. В руке он держал пухлый коричневый портфель, застёгнутый двумя широкими ремнями. На его голову была нанизана фетровая шляпа до самых бровей. По его щекам и подбородку катился пот, огибая ещё не состарившийся рельеф лица. Мужчина достал платок, вытер пот, кашлянул и, чётко выговаривая, произнёс:

– Позвольте, позвольте! Мне тоже нужна будет сдача в три копейки. И что же, извольте мне ответить, я получу? Полторы спички?

– Другого выхода нет, товарищ. Я разломаю спичку пополам и каждому дам по полторы спички, если вам так угодно, – ответила мама, едва сдерживая улыбку.

Из толпы подал голос Вася:

– Мужик! Ты что копаешься? Тебе – полторашку, и старухе – полторашку. И все довольны!

Двигай корпусом на выход. Как Днепрогэс, перегородил здесь народный поток. Дышать уже нечем.

Старушка, быстро сообразив, что к чему, протянула руки к продавщице и протараторила:

– Давай, дочка, быстрее спички мои. Но мне половинку спички с головкой. Мне с головкой, так как я раньше его подошла.

Мама поломала спичку и протянула ей одну целую и половинку с головкой. Старушка быстро засунула спички в карман кофты, надгрызенную булку кинула в сумку и, прихрамывая, засемила вперёд.

Мужчина, зажав свою огромную ладонь со спичками, округлил глаза и завизжал фальцетом:

– Это что же получается? Меня обставили? Это старухе с головкой, а мне без головки? Я требую справедливости и уважения к покупателю!

Мужчина, надувая щёки, взметнул вверх руки и затряс ими. Портфель навис над людьми, как топор палача. Шляпа с головой затряслась от возмущения. Мужчина стал похож на горную вершину при землетрясении.

– Я найду на вас управу, – загрохотала вершина, не упуская из виду удаляющуюся старушку.

Вася, держась за живот от смеха, прыснул:

– Мужик, ты сперва со своей головкой разберись. Каждому по головке не получится! Тебе достался холостой патрон! Старуха, ковыляй быстрее, а то эта гора тебя сейчас раздавит!

Хлебный отдел взорвался от хохота. Мужчина, расстегнув пиджак, пустился вдогонку за старушкой:

– Товарищ бабушка! Бабуля! Остановитесь! Давайте найдём компромисс. Я хочу вам предложить...

Что хотел предложить эта горная вершина в шляпе пожилой женщине, мы так и не узнали. Нам было уже не до этого. Потому что Нурия, высунувшись из-за занавески и поправляя причёску, рывкнула на весь зал:

– Машина приехала! Хлеб привезли!

И все, находящиеся в зале, разом грохнули: «Ура! Победа!». Все начали жать друг другу руки и обниматься. Нервное напряжение спало. Вася обнял моего отца и начал его целовать, вытирая слёзы.

Мама, защёлкнув кассу, сказала:

– Нурия, садись за кассу. Я сама хлеб приму.

Устало облокотившись на стол, она выдохнула:

– Выручка сегодня будет что надо!

Мы с папой быстро направились к запасному выходу помогать маме и Василию в выгрузке долгожданного хлеба. И только тут я вспомнил о записке, которую должен был написать папе.

– Пап, а как ты узнал, что нужно срочно ехать сюда на помощь?

– А мне позвонил мой товарищ по хору, Соловей. Он в этом доме живёт. Он зашёл за хлебом, увидел то, что здесь творится и сразу позвонил нам домой. Хорошо, что меня не перевели сегодня на вторую смену.

Мы закончили с выгрузкой, подождали, когда мама переоденется, и отправились вместе домой. Горячая смена закончилась. Но завтра всё это могло опять повториться. И уже в троллейбусе, как бы очнувшись, я спросил:

– Мама, а ты домой-то хлеб взяла?

Ответом была нежная и усталая улыбка.

Перевод с казахского языка: ¹Что? ... ²В чём дело? ... ³«Хлеб» ... ⁴Стоять! ... ⁵Дорогая ... ⁶Нет.

Олег РОМЕНКО

Роменко Олег Сергеевич. Родился в Белгороде. Поэзия и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Север», «Южная звезда», «День и ночь», «Ротонда», «Земляки», «Звонница» и других. Лауреат ряда региональных литературных конкурсов. Автор книги стихов «Волны времён».

Лакмусовая бумажка

Рассказ

Есть люди, которые, погружаясь в ту или иную человеческую среду, безошибочно свидетельствуют о её подлинных свойствах, подобно лакмусовой бумажке.

На заре нулевых, когда перед приунывшими после дефолта россиянами была поставлена амбициозная задача – догнать Португалию, я работал в одной из городских типографий. Располагались мы на первом этаже бывшего проектного института, который «прихватизировало» начальство и теперь сдавало в аренду новым нэпманам.

На дворе стоял месяц листопада, а у нас в типографии была «горячая пора». В один из таких дней я зашивался на работе с тиснением. У меня ныла правая рука, которую я постоянно держал на рычаге, двигая его то вверх, то вниз, а в глазах рябило от блестящих золотых оттисков на красных и бордовых папках для школьных фотографий.

Слева от меня трудился на раздолбанном «Ромайоре» Игорь Иванович Херонов. Он был худой, сутулый и плешивый. Его станок весь день надрывно пыхтел, хватая резиновыми присосами бумагу, и лязгал железными захватами, отпуская печатные листы на выходе.

Рядом с печатником кемарил на табуретке у подоконника меланхоличный слесарь Кривицкий, переехавший в Белгород из Минска к сыну милиционеру нянчить внуков. Белорус отоваривался в магазине просроченных продуктов и подолгу засиживался на унитазе. Пенсионер Кривицкий был похож на Херонова, с той лишь разницей, что годился тому в отцы.

У второго окна остервенело кромсала визитки на ручном резаке верстальщица Света Косарецкая. В те времена было модно искать дворянские корни, и наша сотрудница уверяла, что она «пани Косарецкая» и что её род восходит к гордым шляхтичам Речи Посполитой. Лицо у «пани» было усыпано крупными веснушками, а за спиной болталась рыжая и толстая коса до пояса. Это была монументальная женщина, будто высеченная из камня доантичными мастерами.

За столом у двери дремал, подложив вытянутую руку под голову, Гриша Бычков, который тиражировал бланки на ризографе. Это был маленький и щуплый инвалид детства из Семипалатинска. В его тусклых треугольных, будто у пришельца, глазах едва теплилась жизнь, а нос от «Ролтона» был постоянно красным, как у пьяницы. Иногда слесарь Кривицкий из озорства дул спящему Грише в уши, а потом лоб в лоб кричал: «Ку-ку, Гриня!».

В общем, налегли мы на работу точно галерные рабы на вёсла и имели все шансы догнать потомков Магеллана. В тот момент, когда я решил передохнуть, сзади раздался пронзительный визг пани Косарецкой: «Мужчина, выйдите отсюда!».

По моей спине пробежали холодные мурашки, дробно стуча копытами, словно стадо антилоп, напуганное львиным рёвом, а на лбу выступила испарина.

Обернувшись, я увидел высокого пожилого мужика в грязном жёлтом старомодном плаще с коричневым беретом на голове. Его глаза скрывали солнцезащитные очки, а в руке болталась пустая хозяйственная сумка времён перестройки. В последние дни я несколько раз видел его возле нашей работы. Он рылся палкой в кучах опавших листьев. Наверное, искал бутылки. Несколько раз мы с ним пересекались на узкой дворовой дорожке. Обычно он жестом просил у меня раскуренную сигарету и потом молча благодарил кивком головы.

В ответ на «приветствие» Косарецкой мужик гаркнул так, что у нас в ушах зазвенело:

– Начальник?! Да?!!

У верстальщицы слёзы брызнули из глаз, а Гриша подхватился и, пригибаясь к полу, выскочил в дверь как перепуганный таракан, над которым устрашающе занесён комнатный тапок.

– Мужчина, выйдете отсюда! – снова завизжала пани Косарецкая.

– Начальник?! Да?!! – перекрыл её писклявый голос рычащий бас.

– Мужщина! – манерно растягивая буквы, вмешался Херонов. – Что вам здесь нужно?

– Начальник?! Да?!! – перекинулся на него мужик.

– Ну... – причмокнул губами печатник и потупил глаза. – Можно сказать, что начальник.

– Сколько получаешь?!! – заорал мужик.

– А какое это имеет значение? – густо покраснел Херонов.

Пани Косарецкая, которую уже вовсю колбасило, вплотную подошла к мужику и решительно указала на дверь:

– Мужчина, выйдете отсюда!

– Начальник?! Да?!! – медведем взревел наш незванный гость.

В дверь заглянул копировщик печатных форм Бакаев в камуфляжной афганке.

– Начальник?! Да?!! – оглушил его, как рыбу динамитом, мужик.

Бакаев посмотрел на нас, словно на пассажиров гибнущего Титаника, а потом исчез, задравив дверь нашей каюты.

Своего начальника мы не видели уже полгода. Он пал жертвой зарождающегося интернета, познакомившись во всемирной паутине с канадским пожарным. Между ними завязалась бурная переписка в ночное время. А днём, когда в Канаде была ночь, наш начальник отсыпался. Снова распахнулась дверь, и мы увидели нашу кладовщицу Анжелу Ипатову – женщину-русалку, в строгом деловом пиджаке и дерзкой джинсовой мини-юбке – метившую в начальники.

– Что тут у вас происходит? – сделав каменное лицо, строго спросила она.

– Начальник?! Да?!! – резко повернулся к ней мужик, и кладовщица поняла, что она «попала».

Попала, лучше поэта не скажешь, «как комсомолка в штаб гестапо, как дочь кулацкая в колхоз». Упершись спиной в дверь, кладовщица отчаянно выкрикнула:

– Начальник!

– Сколько получаешь?!! – заорал мужик, нервно сорвав с себя солнечные очки и засунув их в карман плаща.

– Миллион! – заплакала перепуганная Ипатова.

– Ого!!! – воскликнул мужик, хлопнув себя ладонью по макушке. Колени его дрогнули, он присел и застыл перед трясущейся кладовщицей в позе морского конька-горбунка.

– Мужчина, выйдете отсюда! – взвизгнула пани Косарецкая, зайдя к мужику с тыла.

Тот выпрямился и, сокрушённо махнув рукой, вышел за дверь. И как будто тихий ангел пролетел, а потом оглушительно звякнул об пол гаечный ключ, и из-за «Ромайора» вылез, пришибленно улыбаясь, с грязной тряпкой в руках слесарь Кривицкий:

– Хорошо, Светочка, что ты его выгнала. А то я уже собирался в морду этому козлу заехать. Только руки хотел вытереть.

Я недавно устроился в типографию и знал этих людей только как работников, каждый из которых выполняет свою функцию. Нащупав в кармане початую пачку сигарет, я вышел вслед за мужиком. Мне захотелось отблагодарить человека, открывшего мне глаза на моих новых коллег.

Сатира и юмор

... обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презираю.

А. Д. Кантемир – величайший поэт-сатирик первой половины XVIII века, зачинатель русской басни.

Илья КРИШТУЛ

г. Москва

Лауреат премии «12 ступень» «Литературной газеты». Дипломант международного конкурса «Журнальный вариант» (Крым, 2014).

Сказки

Читал тут намеренно с ребёнком русские сказки, это оттуда у меня слово «намеренно» появилось. Начали с «Колобка», а после чтения, как и просила детская педагогиня, я стал вопросы задавать, для закрепления материала. «Вот что ты, доченька, поняла из этой сказки?» – спрашиваю. «Ничего не поняла», – отвечает. «Ну как не поняла? Если бы Колобок не сбежал от своих бабушки с дедушкой, его бы лиса не съела... Нельзя убежать из дома!» Дочка подумала и сказала: «Если б он не сбежал, они бы сами его съели. Для чего его бабушка испекла-то? А так он хоть по лесу погулял, зверюшек разных увидел...». Тут задумался уже я. Перечитал сказку ещё раз, уже для себя. Действительно, логики никакой – дед, судя по всему, проголодался, послал бабушку в сусеки, та наскребла муки вперемешку с пылью и испекла на обед Колобка. И только они хотели его сожрать, как он в окно прыг, прыг и покотился, ну а дальше вы знаете. Мораль-то понятна – тяга к свободе ничем хорошим закончиться не может, это первое, второе: хочешь есть – закрывай окна, а вот почему половина леса разговаривает с хлебобулочным изделием...

Взял другую сказку, всем известную «Курочку Рябу». Там нет ни колобков, ни кулебяк, там одно яйцо. Правда, из золота, которое «... дед бил, бил – не разбил, баба била, била – не разбила, а мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось... Дед и баба плачут...». «А чего они плачут? – дочка спрашивает. – Что яйцо разбилось? Так они сами его разбить хотели. Мышка помогла только хвостиком своим...». Я опять задумался. «Понимаешь, – говорю, – Ксюшенька, яйцо – это символ жизни, символ солнышка. Разбилось яичко – это как погасло солнышко – жизнь кончилась, и все умрут...». «Это, папа, – отвечает дочка, – уже и не сказка совсем, а хоррор какой-то...». Выбросил я «Курочку Рябу» в мусорное ведро, покопался на полках, нашёл «Крошечку-Хаврошечку». С детства помню, что сказка добрая и хорошо кончается, но на всякий случай решил сначала про себя прочитать, благо она короткая. И что? Говорящая корова бедной сироте помогала-помогала – по хозяйству за неё всё делала, пока сиротинушка Хаврошечка отдыхала, и в итоге животное за это зарезали. То есть корова добрые дела делала, а её на мясо, чтоб неповадно было. «Крошечка-Хаврошечка» ушла вслед за «Курочкой Рябой», а я пошёл остальные сказки перелопачивать. Включил дочке мультик про «Простоквашино», там вроде придраться не к чему, сам книгами обложился, интернет включил, ищу сказку нормальную, чтобы прочитать и никаких вопросов. Чтобы добро победило, зло наказано, все живы и безо всяких хлебобулочных и яично-говяжьих приключений.

«Буратино» я отнёс сразу, с современных педагогических позиций это не сказка, а пособие по мелкому хулиганству. Сказки, где участвует Змей Горыныч, тоже отнёс – он зверёк, конечно, забавный, но характер... То жрёт кого-то, то сжигает, то девиц невинных похищает, да и головы у него после отделения от туловища в геометрической прогрессии вырастают, я подсчитал – одна процедура отрубания это 6 новых голов. Соответственно, 10 процедур – 3072 головы, 100 процедур – сумма с 20 нолями. Если бы богатырь не успокоился, не плюнул и не пошёл бы домой, то дня через три масса голов Змея Горыныча превысила бы массу Вселенной.

Сказки, где жабы в Василис Прекрасных превращаются, а Чудища Лесные в принцев, я выбрасывать не стал, отложил просто. Не хватало ещё, чтобы дочь стала лягушек домой таскать и ждать превращений. Пусть подрастёт, потом прочитаю. Дальше – «Гуси-лебеди». Что это за птицы, спросит дочка, ведь есть или гуси, или лебеди? Что отвечать? А богатырь? У камня постоял, прочитал «Прямо поедёшь – женату быть» и сразу налево повернул, коня спасать... Почему он жениться не хочет? За что он так лошадь любит? Как я это дочке объясню? Тут она заходит. «Ну ты, папа, и мультик мне поставил... – говорит. – Деревня заброшенная, люди её покинули, один почтальон странный остался, который полиции боится... Почти Кубрик, «Сияние»...». «Давай, – предлагаю, – я тебе «Машу и медведя» поставлю». «Нет, про эту мелкую стерву я даже слышать не хочу...».

А у меня из детских последняя книжка осталась – «Сказки народов Средней Азии». Я только конец первой сказки прочитал, мне уже плохо стало... «Содрал Едгор с Азамата кожу, бросил её на седло, кишки на копьё намотал и поскакал по степи, и только суслики умирили под копытами...».

«Лучше, – говорю, – Ксюша, я тебе диск поставлю музыкальный, а потом песни обсудим...». И я поставил «Шансон-97», под который я с её мамой познакомился. Там я хоть всё объяснить могу, почему «... дочь прокурора рыдала, верность жигану храня, а маманя даже не знала, кого любит дочка её...».

Вдруг прокурором дочка станет. Областным.

Хотя, если ей «Сказки народов Средней Азии» почитать, то, может, и на федеральный уровень выйдет.

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова в номинации «Критика» (2018).

Литературный экспресс

«Россия во мгле»

Проводник медленно продвигался по вагону «СВ», протирая окна и поправляя занавески на них. Оказываясь возле дверей очередного купе, он задерживался, прислушиваясь к тому, что происходило внутри. Однако из-за шума, издаваемого вагоном при движении, что-либо разобрать удавалось довольно редко.

Иногда проводник слышал отдельные фразы, но чаще улавливал просто неразборчивую речь. А в некоторых купе вообще было так тихо, словно там и не было пассажиров. Но проводник знал, что свободных мест в вагоне нет.

Пройдя от тамбура до тамбура и убедившись, что на вверенной ему территории всё в порядке, проводник вернулся к себе. Обычно после утренней приборки он позволял себе часок подремать, выбирая большой интервал между остановками. Но в этой поездке всё было не так, как всегда.

Во-первых, служебное купе заняли сотрудники каких-то спецслужб, о чём ему было приказано начальством держать рот на замке. А во-вторых, список пассажиров невольно вгонял проводника в трепет: столько там было известных во всём мире людей. Впрочем, встречались и ничего не говорящие имена. К примеру, Иванов Иван Иванович из седьмого купе. Или Джон Гриффит Чейни из пятого. А вот его сосед – Герберт Уэллс. Это имя проводник, похоже, где-то раньше слышал. Только никак не удаётся вспомнить, что было связано с ним.

«Стану разносить чай, нужно будет приглядеться к этим иностранцам. У них в купе тихо. Спят, небось, ещё», – подумал проводник.

А в пятом купе действительно было тихо. Но пассажиры не спали. Один из них был постарше, с запоминающимся интеллигентным лицом, на котором выделялись аккуратно уложенные усы, густые брови и весёлые внимательные глаза. Этот человек неторопливо потягивал пиво, изучая пронесившиеся за окном картины заснеженной сибирской природы и время от времени выжидательно поглядывая на своего попутчика.

Второй пассажир, полностью погружённый в свои мысли, – молодой мужчина – что-то записывал в большом блокноте. Иногда его лицо хмурилось, иногда приобретало мечтательное выражение. Скорость записи то замедлялась, то вновь ускорялась, давая возможность пишущему выплеснуть на бумагу пришедшие в голову мысли.

В списке пассажиров вагона этот человек значился как Джон Чейни, но гораздо больше он был известен под именем Джека Лондона.

Сейчас он был всецело поглощён работой, что несколько удивляло сидящего напротив Герберта Уэллса, привыкшего к более комфортным условиям творчества.

Однако он уважал привычки других людей и даже не пытался нарушить затянувшееся молчание. Впрочем, оно и так вскоре нарушилось.

– Ну вот, на сегодня хватит, – довольно выдохнул Джек и закрыл блокнот. – Пока не напишу тысячу слов – ни глотка. Затем он взглянул в окно и заметил: – Прямо-таки белое безмолвие. Это напоминает мне Аляску. Просто удивительно как похоже.

Герберт Уэллс вежливо выразил недоумение:

– Что же здесь удивительного? Аляска ведь когда-то была российской.

– Да знаю. Но когда это было! Об этом уже мало кто помнит. По крайней мере, на Аляске.

– А при чём тут человеческая память? Природа-то какой была, такой и осталась. Ну, или почти такой. Я имею в виду природу там, где её ещё не победил человек.

– Да, – кивнул Джек, – к сожалению, таких мест остаётся всё меньше. Ну ладно, хватит о грустном. Как вам русское пиво?

– А вы сами оцените, – улыбнулся Герберт Уэллс. – Для меня будет весьма интересным мнение американского эксперта.

Джек Лондон махнул рукой:

– Какой из меня эксперт. Я, скорее, любитель. Да и вообще предпочитаю виски. А пиво так – баловство, – он наполнил стакан и сделал большой глоток. – Вкус довольно непривычный, – прокомментировал Джек, прислушиваясь к своим ощущениям. – Не могу сказать, что неприятный, но я бы всё же предпочёл наш напиток.

– Обычный европейский лагер, – заявил Уэллс, – а вы, скорее, привыкли к стауту. Но дело не в этом. Мне бросилось в глаза, насколько местные магазины стали похожи на магазины в Европе. Россия, несомненно, теряет свою индивидуальность, превращается в общество потребления. А я ведь помню её совсем другой.

– Да-да, – подхватил Джек Лондон, – вы вчера вспоминали, как были здесь в 1914 году. Конечно, она стала другой. Как и наши страны, собственно. Но вы ведь и позднее бывали в России. С Лениным встречались. Я, конечно, читал вашу книгу «Россия во мгле», но было бы неплохо услышать не приглашенные литературно впечатления автора. Расскажите?

Герберт Уэллс не возражал:

– Отчего нет? Если вам интересно.

– Конечно, интересно. Я давно интересуюсь Россией. Даже вынашиваю мысль написать когда-нибудь книгу о революции. Тут такие типажи прорисовываются...

– Ну что ж, – задумчиво произнёс Герберт Уэллс, откидываясь на подушку у стенки купе.

Он немного помолчал, мысленно возвращаясь в прошлое, и сказал:

– Во второй раз я приехал в Россию в 1920 году. Уже после революции. Именно тогда я и встретился с Владимиром Лениным. Я хорошо помню эту встречу. Разговор у нас был долгий и откровенный. Бесспорно, Владимир Ильич был одним из умнейших людей, с которыми мне доводилось беседовать. Он понимал меня с полуслова. Чего не могу сказать о себе, к сожалению. Но одно я понял: у этого человека была мечта, которой он посвятил всю свою жизнь. Мечта – создать новую лучшую жизнь. И он ясно видел, как это сделать. В принципе у него было почти всё, чтобы осуществить намеренное. Кроме одного. Достаточного числа людей, которые разделяли бы эту мечту. Людей, которые могли бы пожертвовать собой ради достижения светлого будущего для других. Такие люди были, но в столь малом количестве, что вряд ли они могли одержать победу.

А потому картины будущего, которые рисовал мне Владимир Ленин, невозможно было принять всерьёз. Что я тогда видел вокруг? Я видел страну, только что чудом пережившую три войны. Страну, которая, казалось, уже никогда не оправится от потрясений. А тут передо мной сидит человек и рассуждает о светлом коммунистическом будущем. Уверяет, что за десять-пятнадцать лет всё изменится. И фабрики заработают, и пройдёт электрификация. Что это как не утопия? Так Ленин и остался у меня в памяти как кремлёвский мечтатель.

Герберт Уэллс задумался на минуту, а затем продолжил:

– А вообще, в ту поездку Россия меня несколько ошеломила. Я ведь довольно много поездил по миру. Но здесь, вернее, там, в России начала 20 века, многое было для меня возмутительно непонятно. Я оказался в голодной полуразрушенной стране. И на фоне этой разрухи – работающие театры. Помню, попал на выступление Шаляпина. Театр был полон.

А школы? Я сам преподавал некоторое время и мог сравнить эти школы с нашими, английскими. И знаете, сравнение было отнюдь не в нашу пользу. Да, школы выглядели довольно убого. Да, не хватало учебников. Но это было вполне объяснимо. А вот ученики меня поразили. Тяга к знаниям зашкаливала. Меня не оставляла мысль, что, если так пойдёт и дальше, то эти дети рабочих и крестьян могут в скором времени оставить просвещённую Европу далеко позади.

По возвращении в Лондон я не раз поднимал этот вопрос. Но ко мне не прислушались. Тогда не прислушались. А вот когда уже через 40 лет в Советском Союзе создали первый искусственный спутник Земли, вот тогда всполошились и у нас, и в Соединённых Штатах. И начались споры: Что делать? и Кто виноват? Кстати, исконно русские вопросы.

По сути, было лишь два пути: улучшить наше образование и попытаться ухудшить советское. Вот на эти пути и пришлось потратить уйму средств.

– Да, – согласился Джек Лондон, – российская революция оказала огромное влияние на весь западный мир.

– И не только на западный, – кивнул Герберт Уэллс, продолжая погружаться в свои воспоминания: – Я сказал, что многое в России меня удивляло. Тогда, в 1920 году. Но в глубине души я считал, что все эти лозунги, все эти планы не могут быть надолго. И как я был поражён и встревожен, когда побывал в России, уже в Советском Союзе, в 34 году.

Я увидел, что многое из того, о чём говорил Ленин, перестало быть только мечтами. Оно стало реальностью. Это была уже не та, бьющаяся в агонии послереволюционная Россия. Это была быстро крепнущая и развивающаяся страна. Ленина уже не было, а его слова превращались в действительность. Люди действительно строили светлое будущее. И среди них – вчерашние школьники. И вновь я подспудно ощутил тревожное предчувствие надвигающейся угрозы для нашего устоявшегося образа жизни.

– Так вы ожидали увидеть ту же Россию во мгле? – спросил Джек

– Ну, не совсем так. Я ведь интересовался переменами в этой стране. Но я полагал, что Россия несколько отошла от революционного дурмана и будет ближе к Европе. Я всегда считал и продолжаю считать, что будущее за Мировым государством, в которое рано или поздно вольются отдельные страны. И Россия в том числе.

Однако я увидел, что революционный дурман перешёл в дурман самодостаточности. Большинство советских людей на самом деле верили, что смогут построить коммунизм в своей стране, отдельно от остального мирового сообщества. Идеи Троцкого о мировой революции были уже не актуальны. А после разговора со Сталиным я в этом окончательно убедился.

– А, кстати, какое мнение сложилось у вас о Сталине? Об этом человеке столько противоречивой информации.

– Он показался мне очень честным и порядочным человеком. Весьма эрудированным и твёрдо знающим, чего он хочет. К тому же, не лишённым чувства юмора. Таково моё личное мнение.

Я, разумеется, знаю о многочисленных обвинениях в его адрес, Но вряд ли этого достаточно, чтобы моё мнение изменилось. И это несмотря на то, что мы с ним стоим на разных идеологических позициях. Я не приемлю социализм, а он – капитализм. Ну и что? У каждого есть право на собственные убеждения. И на собственные заблуждения.

– Так вы считаете, что Сталин заблуждался? – с улыбкой поинтересовался Джек Лондон.

– Разумеется, я так считаю. Иначе пришлось бы признать, что заблуждаюсь я.

– Логично.

На лице Уэллса тоже заиграла улыбка:

– Ладно, довольно воспоминаний. Вернёмся к нашим скромным персонам. Скажите-ка мне, Джек, как вас, успешного американского писателя, занесло в сети социализма?

Джек Лондон, не задумываясь, ответил:

– Почему я стал социалистом? Да просто потому, что верил и продолжаю верить, что это – будущее человечества. Если, конечно, оно хочет выжить.

Когда я начинал писать, я просто чувствовал, что мне есть что сказать, и хотел хоть немного приблизиться к создателям книг, людям, перед которыми я преклонялся с детства и творениями которых зачитывался. Приблизиться. А уж оказаться в их рядах – это был вообще предел мечтаний.

Это уже потом я понял, что писательская среда – вовсе не какая-то высшая каста. Есть книги, и есть книжонки. Одни делают человека лучше, пробуждают самые светлые чувства. А другие спекулируют на тёмных, низких сторонах, укрепляют людские слабости. Да и как могло быть иначе. В литературе, как и повсюду, идёт извечная борьба добра и зла. Законы диалектики нельзя просто взять и отменить как нежелательные общественные законы. Именно законы диалектики предрекают неминуемую смену капитализма более совершенной формой организации общества. На сегодняшний день таковой является социализм.

– Но ведь социализм потерпел крах, – заметил Уэллс, открывая очередную бутылку пива.

– Да неужели? – по губам Джека пробежала еле заметная улыбка. – И откуда вы это взяли?

– Ну как же. Рухнул социалистический лагерь. Да и мы с вами едем сейчас по стране, которая считалась оплотом социализма. Тут на каждом шагу были лозунги «слава строителям коммунизма». А сейчас строят капитализм.

– Неудачное воплощение теории в жизнь – это вовсе не крах самой теории. Вам как учёному это хорошо известно. Да, социализм в Европе потерпел поражение. И наши с вами страны сыграли в этом не последнюю роль. И что? Считаете, что на этом всё и закончится? Как бы не так! В истории человечества это всего лишь один из эпизодов, из которых создаётся история. Чтобы увидеть Будущее, нужно ворошить Прошлое. Когда ликвидировали первое социалистическое государство в Южной Америке, тоже считали, что социализм уничтожен навсегда. Но сколько раз с тех пор его ростки пробивались то тут, то там по всему миру. Законы диалектики не победить. Их ход можно временно затормозить. Но и только.

Уэллс с интересом наблюдал за разгорячившимся собеседником. За свою жизнь Герберт не раз слышал подобные доводы. Он давно понял, что можно доказать что угодно, если подобрать нужные аргументы. В паутине слов запутался не один рассудок. И сейчас, слушая американца, Уэллс думал о своём. О времени, когда человечество придёт, наконец, к пониманию необходимости создания Мирового правительства. И о том, куда тогда будут двигать мир законы диалектики.

А Джек продолжал свои рассуждения:

– Да, Советский Союз был очередной попыткой создания справедливого общества. И более успешной, чем все предыдущие. И вновь человечество оказалось не готово. Пока не готово. Но я не сомневаюсь, что попытки будут повторяться. И обратите внимание, Герберт, что если раньше ростки социализма уничтожали военным путём, то с Советским Союзом было уже не так просто. Здесь потребовалась долгая работа в области влияния на сознание людей. Планомерное кропотливое оболванивание масс, отвлечение на негодные цели, подмена духовных ценностей, насаждение многочисленной и самодовольной армии управленцев. И в итоге в очередной раз человечество отброшено назад.

И что мы видим в России? Какая-то дикая смесь капитализма и остатков социализма. Весьма неустойчивая конструкция.

Да её ещё и расшатывают разросшиеся группы так называемых публичных людей. Всё чаще из стана этой самопровозглашённой элиты доносятся сентенции, позволяющие оценить как духовный, так и интеллектуальный уровень представителей людей, ухвативших свой кусок власти и общественного пирога. Да взять хотя бы высказывание небезызвестного деятеля о том, что образованными людьми трудно манипулировать. Манипулировать, естественно, собирается он и ему подобные. Уж они-то образованны дальше некуда. Что ни высказывание, то истина в последней инстанции. Да ладно бы они только болтали. Но их болтовня всё чаще превращается в действия. Тут и повышение пенсионного возраста, и провозглашённая всеобщая вакцинация.

Вроде бы манипуляция обществом пусть со скрипом, но удаётся. Однако и у манипуляторов есть слабое место. Нетерпение. Хочется всего и сразу. Они как-то не учли тот факт, что есть ещё много людей, которые учились в школе думать, а не слепо впитывать любую информацию. Поторопились.

Это напоминает мне одного моего друга, с которым мы часто ходили в горные походы. Так вот, когда после долгого перехода хотелось на привале выпить кружку чая, у него никогда не хватало терпения дожидаться, пока вода закипит. Его коронная фраза: пар пошёл – вскипело. Да нет, не вскипело. Это только предвестник закипания. А когда закипит и закипит ли вообще, – это ещё вопрос.

– А вот здесь я с вами согласен, – сказал Уэллс и, взглянув на часы, продолжил: – Вопросы, вопросы, вопросы. А сколько их ещё будет. Только что так волноваться, Джек? Это ведь российские проблемы. Пусть у россиян голова и болит.

– Российские проблемы? Да нет, Герберт. Это происходит по всей земле. Человечество раздроблено, и повсюду творится одно и то же. Большая часть пассивно терпит кучку активных посредственностей, прорвавшихся к власти и занятых лишь одним: сохранением своей власти. Вам не кажется, что в таком положении дел и есть основной тормоз человечества?

– Кажется, Джек, кажется. А ещё мне кажется, что настало время перекусить. Согласны?

– И когда я отказывался от разумных предложений? – удивился Джек Лондон. – Только умоляю: овсянку не предлагать.

– Да где же её здесь взять? – вздохнул Уэллс.

В этот момент в дверь постучали, и в открывшемся проёме возник проводник.

– Чаю не желаете? – спросил он. И, посмотрев на Уэллса, добавил: – Может, овсянку, сэр?

– Нет, – вырвалось у Джека Лондона.

– Да, – кивнул Герберт Уэллс.



Рыбоохотобзор

Хожу на охоту, пишу мои вирши...
Н. А. Некрасов

Сергей МАЛАШКО

г. Магадан

Родился в 1962 году в городе Зей Амурской области.

В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахе «Охотничьи просторы», журнале «Охота и рыбалка 21 век». В 2009 году несколько работ вошли в юбилейный сборник «Неизвестный Магадан». Публиковался в журналах «Острова» (США), «Интеллигент – Нью-Йорк». В 2010 году вышла книга «Бальзам для охотничьей души», в 2011 году в соавторстве с Михаилом Смирновым выпустил книгу «Одна, но пламенная страсть». 2013 год – книга «Весенняя охота на гуся, или Бегство от себя к себе», 2015 год – книга «Хобби настоящих мужчин». 2022 год – книга «Десятая вечность». Удостоен почётного звания и нагрудного знака «Серебряное перо Руси» в рамках национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2013) и специального диплома Александра Бухарова в номинации «Популяризация русского языка в рамках международных проектов», медали «М. Ю. Лермонтов» (2014), специального диплома Александра Бухарова и медали «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» (2015). Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси» (2022).

Редактор литературного отдела «Рыбоохотобзор» журнала «Северо-Муйские огни».

Один день десятой вечности

Глава из книги «Десятая вечность» (журнальный вариант)

Ночь прошла спокойно. Никто не потревожил наш чуткий сон. В абсолютном комфорте, не забираясь в спальник, я проспал часов до четырёх. Быстренько подзарядил печь толстыми сырыми дровишками, после чего от неё вновь пошло ровное приятное тепло. Я вновь занял место на лежанке и проснулся от голоса куропача, сыгравшего нам побудку. Проснувшись, машинально глянул на часы. Они показывали восемь утра. Андрей тоже проснулся, и мы каждый на своей лежанке валялись в сладостной истоме хорошо отдохнувших людей, находящихся в предвкушении праздника. Ведь сегодня наступал один из самых знаменательных дней десятой вечности. Все остальные, проведённые здесь, были только его предтечей. Уже как восемь часов назад открылась охота, и мы приобрели законное право посоревноваться с гусаками в хитрости, сноровке, маскировке и испытать по воле Деда всю меру фарта или неудачи.

Встал первым. По уже сформировавшейся привычке глянул на висящий над окошком лист метеопрогноза-календаря. По его утверждению, день должен быть малооблачным и безветренным.

– Серёга, получается, что можно сказать вполне определено – ура, открылись! – произнёс, потягиваясь, напарник. – Это я не про пиво, квас или «Казань». Это я про открытие охоты.

– Именно так, мы сегодня начинаем гусиную охоту почти по всем правилам. Ведь исключения могут быть из любых правил, – согласился я с ним, набирая воду в ковш и направляясь на улицу для утреннего туалета.

Вопреки прогнозу небо было чистым, ветер не тревожил кроны стоящих рядом деревьев. Нас переполняло ощущение праздника, предвкушения новых ощущений, которые можно получить только здесь и во время нахождения в десятой вечности.

– Геннадьич, сегодня идём в скрадки и греем кресла в них до полной победы, то есть до первого взятого гусака. Сейчас завтракаем чем бог послал – и вперёд на озёра, ну уж больно хочется пороха понюхать и душу порадовать, – как-то само собой задал я план на день.

За его выполнение принялись сразу же, наскоро накрыли на стол резаной колбаски, сыра, и я принялся соблюдать незыблемую в этом домике традицию. Дед должен быть накормлен с самого утра, поэтому вскоре я сидел рядом с открытой дверцей горячей печки, удерживая в руках кусочек колбасы и хлеба, в другой стопочку, наполненную водкой на четверть.

– Дедушка, мы с Андреем благодарим тебя за всё. Ты милостиво встретил нас, дал возможность подготовиться к охоте во всех отношениях. Мы успели сделать всё, что намечали. Ты даришь нам отличные отношения между нами, нам комфортно вдвоём. Просим тебя сейчас об великой милости – пошли нам охотничью удачу, пошли под выстрел гусей. Мы приехали к тебе за этим и верим в то, что ты услышишь нас и исполнишь нашу просьбу, – обратился я к Деду, отправляя в огонь водку и закуску.

В ответ мы услышали одобрительный гул печки и могли предположить, что Дед будет к нам благосклонен.

– Андрюха, Дед накормлен, осталось нам принять немного допинга. Ведь как говорят мудрые люди, алкоголь в малых дозах не только вреден, но и полезен. Короче, наливай по мензурку за удачу, – предложил я напарнику.

Всё получилось как всегда, просто и органично и, главное, в меру. Как-то совсем неожиданно на улице начал безобразничать непрошенный гость – тундровый ветер. Он шумел в кронах деревьев, ударялся об стенку домика, пытаясь проникнуть внутрь.

... Вскоре под скрип подтаявшего сверху снега я двинулся на своё озеро. Издали увидел на льду чёрные точки чучел и борющийся с ветром белый скрадок. «Заждались, однако. Сегодня и вы тоже охоту открываете», – мысленно обратился к ним, когда, оставив лыжи у берега, перешёл на лёд. Мягко, ступая с пятки на носок, пришёл к замершему в ожидании скрадку. Ведь полностью он собирается и выполняет свою задачу один раз в году. Всё остальное время каркас стоит на берегу озера, открытый ветрам, дождю и снегу, в ожидании весны.

Лицо освежал неприятный холодный ветерок, дувший на море. Перед тем как занять своё место в скрадке, поправил чучела, поставил их грудью на ветер. Мне придётся делать это всегда, как только он будет менять направление. Четыре чучела наклонились ко льду и требовали переустановки – за день подтаяли подставки. Я снял рюкзак возле скрадка, достал топорик и ввёртыш и направился к подтаявшим чучелам. Вернулся к ним, сверлил отверстия во льду, и со второй попытки чучело на новом месте принимало естественный вид. Делал все неспешно, размеренно – наслаждаясь тем, что это можно позволить. Вернулся к скрадку, поставил через верх оружие, переложил на кресло рюкзак и топор. С трудом втиснулся в ставшее родным пространство своего укрытия и закрыл задний полог на липучки. Достал из рюкзака термос, поставил его в левый угол, топор уложил вдоль нижнего бруса каркаса, рюкзак убрал под кресло. Бинобль занял своё место на вбитом заранее гвоздике, и я устроился в удобном кресле. Так получается, что все события, произошедшие в этой вечности, с первого дня их пребывания предшествовали этому моменту. Вот с этого момента мир с боков ограничился полотном скрадка, снизу льдом озера и только сверху был накрыт бескрайним весенним и голубым небом. Это особое время и место в странствии в десятой вечности. Именно здесь чаще всего происходят встречи с гусями, после которых они могут стать твоими трофеями. Очень часто ты ни разу за весь день не видишь, и даже не слышишь прекрасных птиц. И вот здесь появляется уникальная возможность, пребывая в прекрасном одиночестве, поразмышлять о прожитом. Ведь с определённого возраста так свойственно погрузиться в воспоминания, ведь лучшие годы, вероятно, остались позади. Вместе с ними уходит острота восприятия многих вещей, как-то незаметно более тусклыми становятся краски жизненных событий. Но погружение в любую из десяти вечностей позволяет ненадолго вернуть утрачиваемую яркость красок и жизненных ощущений. Часы, проведённые в скрадке, бесценны для приёма подобных процедур. Очень часто вспоминаются прошлые охоты. Ведь на этом озере купался в адреналине, когда по воле Деда гусь шёл как сумасшедший, небо гудело от его голосов, они раздавались непрерывно весь день, лаская охотничью душу. После одного из дней проведённого здесь лет так семь назад, я впервые в своей охотничьей жизни повесил оружие на гвоздь и прекратил охоту. Впервые мне удалось победить охотничий азарт. Часто вспоминаются многие события, не касающиеся охоты. С высоты прожитых лет им дается уже совсем иная оценка. Какой будет нынешняя охота, знает только Дед, и ничего другого не остаётся, как подчиниться его воле.

Я внимательно прислушивался ко всем доносящимся звукам, через определённые промежутки времени привставал с кресла и осматривал в бинобль небо, в надежде увидеть желанную и налетающую на меня гусиную стаю. Прошло около часа в таком режиме, и вскоре послышались голоса гусей. Утомлённый ожиданием, привстал в скрадке и начал искать источники звука. Одна стая, птиц в шестьдесят, шла очень далеко, ближе к реке, вторая шла надо мной на недостижимой высоте.

«Потихоньку потянул гусь, будем ждать своих», – мысленно порадовался я увиденному.

Действительно, после продолжительного молчания гуси стали радовать нас своими голосами и возможностью хотя бы в бинобль понаблюдать пунктиры линий, которые чертят на небосклоне гусиные табуны. Эти крики пробивались через шум ветра и радовали душу. Время медленно текло, позволяя мне в полной мере наслаждаться происходящим.

Вдруг прохладный, свежий воздух разорвал трубный лебединый крик. Я мгновенно привстал в кресле и начал в бинобль искать тех, кто кричал. Нашёл сразу, и сердечко учащенно забилось – невысоко от озера Андрея в мою сторону шла лебединая стая. В ней было четырнадцать белоснежных птиц, своими криками славящих наступающую долгожданную весну. Они приветствовали своими криками промёрзшую тундру, белоснежные вершины сопков, начинающий таять лёд на озёрах. Каким-то чудом в эту стаю белоснежных красавцев попал гусь, летящий между белыми громадинами. Ему, бедолаге, приходилось в несколько раз быстрее махать крыльями, чтобы удержаться в этом строю.

... Вброшенный в кровь адреналин раззадорил, я ощущал прилив душевных и физических сил.

Из разных мест тундры стали раздаваться выстрелы. Иногда это были торопливые серии по четыре-пять выстрелов, иногда выверенные пары. Раза два после серий через короткое время звучали одиночные. Это, как правило, бывает, когда добирают подранков. Можно только порадоваться за товарищей по охоте – они уже ощутили прелесть добычи.

Гусь продолжал тянуть очень вяло, и пока это происходило ближе к пойме Ланковой. Глянул на часы – два часа дня. А означало это, что пора идти на обед, который здесь никто не приготовил. Оставив в скрадке бинобль, не торопясь двинулся на берег озера к оставленным

лыжам и вскоре был в домике. Андрей был там. На столе шипела газовая плитка и булькала вода в кастрюльке с картохой.

... Картоха удалась на славу, местная копчёная селёdochка тоже, поэтому мы душевно продолжали обедать. За это время раза три нас беспокоили проходящие гуси, и мы, быстро подорвавшись, вылетали на улицу в готовности встретить возмутителей спокойствия. Увы, в этот раз мы могли их только увидеть.

Подшло время чая. Он безумно вкусен на тундровой воде. Я отдельно беру с собой заварник и крупнолистовой хороший чай, благо сейчас есть выбор. Завариваю очень крепко и, разбавляя кипятком до нужной крепости, получаю бесподобный напиток.

... Ещё две обратные стаи выходили Корчанской долиной. Как-то получалось, что гусь летел обратно левее и правее нас, совсем игнорируя наше присутствие. Вскоре на соседней нашла ещё одна входная стая, но та пошла на снижение с круга, и ещё один гусак выпал из стаи. Мужикам фартило, было интересно наблюдать за их охотой со стороны без зависти. Минут через тридцать небольшая заходная стайка вновь повернула к ним на озеро, и вскоре ещё один гусь, утратив способность летать, начал падение. Нас с Андреем гуси пока игнорировали. Представляю, с какими чувствами наблюдал за происходящим Андрюха. Я почему-то твёрдо был уверен, что без зависти и злости.

Раздались голоса гусей по фронту, найдя стаю в бинокль, с сожалением увидел, что она маршевая и идёт стороной. Большая стая гуменников – птиц в двести – красиво шла на фоне теряющего яркость вечернего неба. Никто, кроме вожака, не знал конечной точки их маршрута. На пути их ждали множество опасностей и лишений, но они преодолевали это упорно и мужественно, как истинно свободные творения природы. Их крики оглашали округу, они славили Создателя, давшего им при рождении свободу, славили наступающую весну и просто наслаждались полётом над промёрзшей землей. Они гордо и величественно уходили из поля зрения, продолжая свой свободный путь.

Пока наблюдал за стаей, на озере соседней опять прозвучали несколько выстрелов, послышался тревожный гомон обстрелянной стаи. Вероятно, опять кто-то попал под выстрел. Сегодня у соседней бенефис.

Вскоре немного похолодало, и подошло время надеть ещё одну куртку от костюма «Колыма» и перчатки. Да и чего-то чайку горяченького очень захотелось. Встал полностью в скрадке, повернулся налево, пытаюсь увидеть гусей, прокричавших в том направлении. Четвёрка гусей с криками шла между нашими озёрами. Андрей старательно пытался повернуть их манком на себя. Я тоже попытался это сделать, но вожак четвёрки оказался очень недоверчивым и увёл её в сторону озёр нашего друга Валерия. Птицы исчезли из виду, и вскоре послышалась канонада. Похоже, бедолаги попали в огневой мешок, когда попадают под обстрел двух или ещё хуже трёх полуавтоматов.

Я стоял спиной к присаде и пытался развязать уже лежавший на кресле рюкзак. Именно в этот момент сзади раздался приглушённый гусиный крик и свист крыльев. Как-то само собой движения стали быстрыми, точными и резкими. По всей видимости, первой повернулась голова, открывая возможность глазам увидеть происходящее. Они увидели севшего между тремя крайними правыми чучелами гуся, который уже складывал крылья после приземления. Он заметил мои движения, сразу же насторожился, понял опасность, ему грозящую, и стремительно начал пытаться исправить совершенную ошибку. Только что сложенные крылья начали вновь расправляться для попытки взлёта. Находился он от меня метрах в тридцати. Туловище начало разворачиваться вслед за головой, правая рука рефлекторно начала выводить оружие к плечу для прицеливания, короткий шаг левой ногой вперёд – и оружие было готово к открытию огня. Гусак со своей стороны тоже делал всё возможное и невозможное, чтобы уйти – он уже расправил крылья и пытался сделать первый взмах, чтобы оторваться ото льда. Жёсткий и резкий выстрел сразу же опрокинул его на лёд, но похоже только ранил. Я не стал испытывать судьбу и не пожалел ещё пару патронов, чтобы быть в твёрдой уверенности, что этот гусак стал моим трофеем. Один из них был безусловно лишним, но в азарте не смог от него удержаться. На короткое время меня окутала пелена адреналинового тумана. Откуда-то изнутри тебя начинает согревать тёплая волна удовлетворения только охотнику понятной охотничьей удачей, которую ждёшь всю долгую зиму. Она грезится тебе воспоминаниями о прошлых охотах, удачных выстрелах, которые, как золотые самородки, всегда неповторимы.

Мне доводилось переживать более красивые и добычливые выстрелы, но в любую охоту первый трофей сезона воспринимается как почин и добрый знак. Нынче Дед послал мне первую удачу именно в день открытия охоты – ни раньше ни позже. Я продолжал стоять в скрадке, оружие лежало на верхних жердях каркаса. Меня по-прежнему окутывал адреналиновый туман снаружи и согревало тепло изнутри. От ствола тянуло терпким и волнующим запахом сгоревшего пороха. Душа продолжала наслаждаться удачей, понятной только избранным Богиней Дианой. Я находился в этом благостном состоянии несколько минут, при всём этом не прекращая наблюдать за лежавшем на льду гусакком. Немного успокоившись, я вышел из скрадка, прихватив оружие, и направился к трофею. Он лежал на боку, с клюва уже начала капать на лёд кровь, вокруг него лежали срезанные дробью кусочки перьев и пуха. Моей первой добычей стал довольно крупный белолобый гусь с очень интересной окраской груди. Как правило, там располагаются поперечные чёрные полосы, здесь же на груди было большое сплошное тёмное пятно, что видел впервые. Поднял гусака за голову, ощутил приятную и порядком забытую тяжесть добычи, упругое перо приятно ласкало ладонь. На гуся

получается основательно охотиться только раз в году, за прошедшее с прошлой весны время многие ощущения забываются и притупляются. Поэтому вдвойне приятно оставить в памяти дивные мгновения добычи первого гусака десятой вечности.

Вернувшись к скрадку, уложил гусака на лёд сзади, полюбовался на него еще немного и забрался в укрытие. Охота продолжалась, и я опять обречённо, но по собственной воле погрузился в ожидание налёта. Глянул на часы – время подошло незаметно к десяти часам вечера. На западной стороне небосклона начинал догорать костёр заката. Гусь перестал тянуть, но расслабляться было нельзя – гуси могли подойти молча, появиться вроде бы из ниоткуда, поэтому наслаждаюсь тишиной, покоем и последствиями первого этой вечностью адреналинового отравления. На озере соседней раздавались выстрелы, бенефис у них, похоже, не закончился. За время до потёмков слышал три вдалеке проходящих стайки, на грани сумерек прилетели на берег пара куропачей и своими не совсем соловьиными голосами предупредили – скоро зорька закончится. Действительно, до полных сумерек, когда невозможно прицельно стрелять даже на освещаемое закатом небо, оставалось всего ничего. Я уже просто стоял в скрадке, положив оружие поверх верхних брусков каркаса, и просто наслаждался тишиной. «Ну что, первая заря десятой вечности прошла удачно. В точном соответствии с правилами охоты взял первого гусака, пожалуй, пора в тёплый домик», – пришла мне в голову очень полезная мысль. Откладывая выполнение не стал, собрал в рюкзак термос и покинул своё убежище. Не забыв оружие и трофей и включив налобный фонарь, неторопливо двинулся к выходу на озеро.

Вскоре лыжи с характерным постукиванием по примерзшему насту несли меня к домику. Там меня ждали тепло, уют, заработанная стопка за трофей и все связанные с этим удовольствия. На границе снежника воткнул лыжи в замёрзший снег и направился к скачущей без постояльцев вешалке. При свете налобника подвесил гусака за шею, хмыкнул удовлетворенно и направился к домику. Окошки светились призывным светом, приглашая внутрь. Механически освободил патронник, повесил ствол на гвоздь, там же своё место нашёл рюкзак, и после этого вошёл в домик.

Андрюха в ожидании уже приготовил поесть, успел развесить на просушку одежду и обувь и терпеливо ждал меня.

– Серега, ты кого стрелял? – задал он волновавший его вопрос.

– Гуся, – предельно лаконично ответил я, освобождаясь от слегка надоевшей тёплой одежды.

– И как? – с тайной надеждой на удачу задал Андрюха второй вопрос.

– Нормально. На вешалке висит, – не баловал я напарника подробностями.

– Правда висит? – продолжал он сомневаться.

– Пошли посмотрим, раз не веришь, – и с этими словами мы вместе вышли из домика в ночную свежесть наступившей ночи.

Андрей шёл впереди, как я понял, ему было очень интересно увидеть первый наш трофей. Он призывно серел вдали в свете налобников. Напарник первым подошёл к белолобику и, стоя в свете моего фонарика, внимательно разглядывал его, гладил перо, расправил крылья, оценивая их размах.

– Поверь, гуменники гораздо крупнее, таёжники особенно. Даст Дед, добудем. И вообще пошли ужинать и кормить его, – предложил я, и мы ушли назад.

Вскоре я сидел у открытой печи, в одной руке стопочка с водочкой, наполнённая на треть. В другой – кусочек хлеба и грудинки. Ритуал благодарности Деду соблюдается неукоснительно.

– Дедушка, ты услышал наши просьбы и точно в нужное время послал нам первую добычу. Благодарим тебя за все, что ты нам посылаешь, – за душевное общение, тепло и уют домика, целебную тундровую тишину. Верим и знаем, что не обидишь нас дальше своей милостью. Прими наш скромный дар, – искренне произнёс я, отправляя по очереди в огонь огненную воду и закуску.

В ответ печь благодарно загудела, выбросив наружу красно-синие языки пламени.

– Ну что, напарник, наливай-ка по единой. Мы с тобой сегодня честно её заслужили, – попросил я напарника.

Очень быстро стопарики наполнились жидкостью внутреннего сгорания.

– Серега, давай за твою удачу, – с теплом произнёс простой и такой ёмкий для охотника тост.

Чокнулись, выпили, закусили. Многим непонятно переживаемое нами удовольствие, но нас это мало волновало. Главное, чтобы это нравилось нам.

– Андрей, давай-ка ещё по единой, ты так здорово разливаешь, а руку менять нельзя. У меня тост есть, – продолжил я борьбу с жидкостью внутреннего сгорания.

Он не заставил ждать, и стопочки наполнились вновь.

– Дружище, я ещё раз хочу выпить за твою удачу. Пусть она посетит тебя, ты это давно заслужил. И ты возьмишь своего гусака. Вот за это и выпьем, – произнёс я.

– Спасибо, Сергей, буду ждать, – поблагодарил меня Андрюха, и вторая из положенных трёх была принята.

Мы много о чём ещё поговорили после приёма третьей за нашу общую удачу. Понемногу усталость прошедшего дня брала своё, и спать захотелось с приятной неизбежностью.

По уже заведённому порядку прибрали на столе, зарядили печку на ночь, опустили шторку на дверях и, пожелав друг другу спокойной ночи, заняли место на лежанках.

Пред тем как провалиться в сон, подумал: «Отличный день десятой вечности. Пусть их по воле Деда будет больше...».

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новокутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логонова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.